

M $\frac{49}{94}$

$\frac{802-17}{2730}$

ВЪ ПОЛЬЗУ

ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛЪ.

Ажеровъ, Алчевская, Бальмонтъ,
Виноградовъ, Ивановъ, Ключевскій,
Корелингъ, Маминъ, Милоковъ, Мин-
скій, Никальскій, Потапенко, Чуи-
ровъ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пилевова улица, собст. домъ.

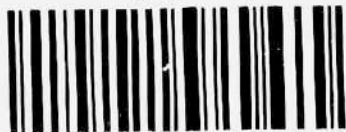
1894.

Коммисія воскресныхъ школъ Московскаго Комитета Грамотности поручила мнѣ, для усиленія средствъ этой Коммисіи, издать сборникъ. Профессора Виноградовъ, Ключевскій и Чупровъ разрѣшили перепечатать ихъ публичныя лекціи; всѣ остальные статьи, рассказы и стихотворенія появляются въ печати впервые и доставлены безвозмездно. Сборникъ изданъ въ 3.000 экземпляровъ. За покрытіемъ издержекъ на бумагу и на типографскія работы, прибыль поступить въ распоряженіе Комитета Грамотности.

Викторъ Гольцевъ.

12309-0

2014028443

Знаніе и народное богатство *).

I.

Я хочу занять ваше вниманіе вопросомъ, который на первый взглядъ представляется давно рѣшеннымъ, но на самомъ дѣлѣ возбуждалъ во всѣ времена и вызываетъ теперь едва ли не больше разногласій, чѣмъ какая угодно спорная тема. Избранный вопросъ касается не пользы наукъ и образованія вообще, а значенія ихъ для известной опредѣленной сферы народной жизни, именно сферы хозяйственной, и притомъ относительнаго значенія въ ряду другихъ факторовъ. При такой постановкѣ вопросъ до сихъ поръ далекъ отъ своего рѣшенія.

Еще на разсвѣтѣ европейской исторіи были громко заявлены верховныя права разума въ устройствѣ жизни человѣка. Грекъ былъ убѣжденъ и выразилъ устами первого своего философа, что мудрость есть основаніе какъ нравственности, такъ и благополучія. Лишь знаніе и развитіе ума создаютъ человѣческое счастье; лишь «разумъ приводитъ въ движеніе мертвую матерію». Античный взглядъ на творческую роль разума радикально измѣнился съ появленіемъ христіанства, въ особенности съ водвореніемъ въ его средѣ аскетическихъ идеаловъ. Самъ человѣкъ—ничто въ устройствѣ своей жизни; не

*) Публичная лекція, прочитанная, 10-го декабря 1892 года, въ Москвѣ въ пользу Московскаго Комитета грамотности для устройства сельскихъ библиотекъ.

разумъ а вѣра , можетъ доставить человѣку то высшее благо, на которомъ должны быть сосредоточены все его помыслы. Съ возрожденіемъ наукъ въ Европѣ и въ особенности съ наступленіемъ вѣка просвѣщенія снова поднялся авторитетъ разума. Первые реформаторы прямо проповѣдуютъ, что ученость есть благословеніе Божіе, и приглашаютъ правителей основывать школы. Бэконъ развиваетъ великую мысль, что знаніе служить основой власти человѣка надъ вещами. Отецъ нѣмецкой философіи, Лейбницъ, высказываетъ свѣтлую вѣру въ безконечный прогрессъ человѣческаго рода при помощи просвѣщенія. Нечего и говорить о французской философіи и экономической наукѣ второй половины XVIII вѣка: это апогеозъ человѣческаго разума; предъ нимъ, какъ верховною силой, должно преклониться все.

Однако, уже въ томъ же XVIII вѣкѣ раздается голосъ Руссо, который приписываетъ росту наукъ и искусствъ возникновеніе неравенствъ и появленіе различныхъ золь, удручающихъ современное общество. Къ этому, сначала одинокому, голосу скоро присоединяются, съ одной стороны, общественные реформаторы, которые, считая слишкомъ медленнымъ путь усовершенствованія человѣчества при помощи знанія, думали достигнуть цѣли посредствомъ крутыхъ переворотовъ въ государственномъ строѣ, съ другой стороны—политическія партіи, которыхъ интересъ заключался въ томъ, чтобы задержать прогрессъ народа. Эти совокупныя вліянія затемнили истину. Послѣ пережитой длинной исторіи немногіе рѣшались теперь отвергать въ принципѣ пользу образованія; но сплошь и рядомъ слышится мнѣніе, что въ ряду силъ, двигающихъ впередъ человѣческое общество, знаніе и образованіе имѣютъ лишь второстепенное значеніе; что они являются скорѣе украшеніемъ жизни, чѣмъ необходимостью; что заботамъ о просвѣщеніи народа должны предшествовать мѣры къ умноженію его достатка. Такіе толки въ области теоріи естественно вызываютъ на практикѣ ослабленіе интереса къ распространенію знаній, отталкиваютъ лучшихъ людей отъ этой отрасли дѣятельности, ведутъ

къ скупости въ затратахъ на школы и просвѣщеніе. На мой взглядъ, это—ошибка, ошибка особенно бѣдственная по отношенію къ нашему отечеству.

Все, что имѣетъ человѣкъ, есть дѣло рукъ его. Много даровъ доставляетъ намъ природа, но она не требуетъ платы за свои благодѣянія. Воздухъ, которымъ мы дышемъ, солнечный лучъ, составляющій, по ученію современнаго естествознанія, источникъ всякой силы и всякой жизни на землѣ, масса различныхъ матеріаловъ и силъ, служащихъ для нашихъ цѣлей,— все это получается нами задаромъ. Однако, то, что мы находимъ въ природѣ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ служить для цѣлей человѣка безъ какого-либо преобразованія. Всю нашу пищу и матеріалы для жилищъ мы приобретаемъ, конечно, изъ вышшняго міра; но эти злаки и плоды, эти деревья, эти камни, которые мы находимъ въ природѣ, требуютъ длинной переработки со стороны человѣка, чтобы получить способность служить ему одни въ видѣ пищи, а другіе въ видѣ жилищъ. У человѣка имѣется въ распоряженіи одно средство для совершенія всѣхъ этихъ преобразованій — его мускульная сила и нервная энергія. Повинуясь инстинкту самосохраненія, человѣкъ планомерно направляетъ энергію, накапливающуюся въ его организмѣ, на добываніе въ природѣ необходимыхъ для него предметовъ и на приведеніе въ пригодный видъ того, что безъ передѣлки не можетъ служить къ удовлетворенію его нуждъ. Эта планомерная затрата усилий есть трудъ. Мы вправѣ, такимъ образомъ, сказать, что все народное богатство создается трудомъ.

Чѣмъ отличается трудъ дикаря отъ труда современнаго человѣка? По физическимъ силамъ, по остротѣ и развитію вышнихъ чувствъ сѣвероамериканскій индѣецъ не только не уступаетъ англичанину, а даже превосходитъ его; однако же, въ смыслѣ успѣшности труда, эти два человѣческихъ типа раздѣлены безконечною пропастью. Разница состоитъ въ томъ, что

дикарь удовлетворяет свои нужды единственно чрезъ приложение органовъ своего тѣла, тогда какъ современный человѣкъ сумѣлъ заставить работать, взаимно себя, силы природы. Это понятно. Человѣкъ не можетъ создавать матерію, не въ силахъ заставить ни одинъ атомъ матеріи уклониться отъ того образа дѣйствій, котораго требуютъ непреложные законы природы. Роль человѣка въ производствѣ матеріальныхъ благъ состоитъ только въ томъ, что онъ комбинируетъ свои личныя силы съ безличными силами природы и, притомъ, такимъ образомъ, чтобы въ результатѣ этого сочетанія силъ возникли желательные для него результаты. Чтобы достигнуть благоприятныхъ комбинацій, ему необходимо знать законы, которымъ подчинены матеріалы и силы, находямые въ природѣ. Распознавъ законы природы, человѣкъ можетъ пользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей. «Лишь изучая законы природы, мы можемъ господствовать надъ вещами», говоритъ Бэконъ. «Наши естественныя и прямыя средства воздѣйствовать на окружающія тѣла, — пишетъ О. Контъ, — крайне слабы и непропорціональны нашимъ потребностямъ. Всякій разъ, когда намъ удастся обнаружить значительное влияние на внѣшнюю природу, мы достигаемъ этого только потому, что, благодаря знакомству съ законами природы, мы заставляемъ одинъ родъ естественныхъ факторовъ воздѣйствовать на другой. Словомъ, изъ знанія выходитъ предвидѣніе, изъ предвидѣнія — дѣйствіе». Естествознаніе говоритъ намъ: если нагрѣть воду, то она превратится въ паръ, который обладаетъ упругостью. Человѣку нужна механическая работа; онъ достигаетъ этой работы при помощи упругости пара, а для того добываетъ паръ, нагрѣвая воду *). Не ясно ли такимъ образомъ, что скипетръ власти надъ природой дается человѣку знаніемъ? Являясь песчинкой въ необъятномъ космосѣ, человѣкъ становится властелиномъ природы лишь благодаря божественной искрѣ ума.

Знаніе приходитъ не сразу. Понадобились цѣлыя тысяче-

*) Энгельмейеръ: „Экономическое значеніе современной техники“. 5.

лѣтія для того, чтобы человѣкъ отъ слѣпого поклоненія силамъ природы перешелъ къ ихъ изслѣдованію, познанію и подчиненію своимъ цѣлямъ. Но каждый успѣхъ на этомъ пути, устранявшій суевѣріе, бессознательное заблужденіе или слѣпой предрасудокъ, составлялъ шагъ впередъ по пути цивилизаціи. И то, что разумъ завоевалъ въ этой области, не погибало, подобно завоеваніямъ другого рода, а передавалось по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому и становилось фундаментомъ для дальнѣйшей постройки. Тогда какъ политическія созданія прежнихъ вѣковъ, всѣ эти побѣды и завоеванія исчезли, какъ дымъ, — великое наслѣдство знаній и опыта, добытыхъ гениальными мыслителями мпувшихъ временъ, дошло до насъ почти безъ всякаго умаленія. Всемирныя монархіи Дарія, Цезаря, Аттилы, Карла Великаго и разныхъ позднѣйшихъ узурпаторовъ погибли безъ слѣда, а изслѣдованія Платона, Аристотеля, Евклида, Кеплера, Ньютона, изобрѣтенія Гуттенберга, Уатта, Стефенсона — сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ послѣдующихъ поколѣній *). Какъ не согласиться послѣ того съ вдохновенными словами Бокля, которыми онъ заканчиваетъ свою превосходную главу о сравнительномъ влияніи умственныхъ и нравственныхъ законовъ на прогрессъ общества: «Открытія генія вѣчны; имъ однимъ обязаны мы всѣмъ, что имѣемъ; они существуютъ для всѣхъ временъ; они непрерывно движутся впередъ неизсякаемымъ потокомъ; они дѣйствуютъ на отдаленнѣйшее потомство и по истеченіи столѣтій оказываютъ даже большее влияние, нежели въ моментъ ихъ первоначальнаго появленія» **). Уже эти соображенія учатъ насъ, что умственная сила и запасъ знаній, какъ единственное, что осталось намъ отъ прошлыхъ вѣковъ, составляетъ истинную дѣйствующую причину цивилизаціи и хозяйственнаго прогресса.

Ближайшее примѣненіе къ производству богатства имѣютъ, такъ-называемыя, *техническія знанія*, указывающія приемы, при помощи которыхъ происходитъ преобразование предметовъ

*) Neumann, „Civillisation“. 18.

***) Buckle, VI, 206.

внѣшняго міра для цѣлей человѣка. Состояніе промышленности въ каждый данный моментъ времени опредѣляется уровнемъ существующихъ въ обществѣ техническихъ знаній; человѣкъ эксплуатируетъ природу прямо пропорціонально своему знанію. Прогрессъ техническихъ знаній обнаруживается обыкновенно въ двухъ главныхъ направленіяхъ: онъ выражается, съ одной стороны, въ постепенномъ открытіи новыхъ способовъ дѣйствовать на силы природы, съ другой—въ изобрѣтеніи новыхъ и улучшеніи старыхъ орудій производства. Такъ, наблюдаемая въ исторіи усовершенствованія земледѣлія прежде всего состоятъ въ измѣненіи приѣмовъ пользования силами почвы. Первоначально, на самой первобытной ступени культуры, когда человѣкъ только позналъ свойства хлѣбныхъ растений, онъ бросалъ сѣмена на землю почти безъ всякой подготовки самой земли; потомъ, замѣтивъ, что при такомъ способѣ посѣва много зеренъ пропадаетъ безплодно, онъ научился разрыхлять землю. Долгое время, затѣмъ, все усовершенствованіе земледѣлія состояло только въ открытіи лучшихъ способовъ подготовки почвы; далѣе, когда наблюденіе показало, что разведеніе однихъ и тѣхъ же растений на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ истощаетъ почву, люди начали переходить съ одного мѣста на другое, затѣмъ, удобрять почву и, наконецъ, въ извѣстной степени чередовать разводимые хлѣба. Другая отрасль успѣховъ техническихъ знаній состоитъ въ изобрѣтеніи лучшихъ орудій производства. Человѣкъ, отъ природы одаренный слабыми физическими силами, счумѣлъ въ извѣстной степени восполнить этотъ недостатокъ, заставивъ одніи силы природы дѣйствовать на другія. Въ земледѣліи для обработки почвы человѣкъ употреблялъ въ первое время заступъ, потомъ плугъ самой простой формы, а теперь дошелъ до изобрѣтенія парового плуга, заставивъ паръ совершать ту работу, которую онъ прежде производилъ цѣликомъ своими руками, а впоследствии раздѣлялъ съ домашними животными.

Нагляднымъ примѣромъ того, какія перемѣны происходят со введеніемъ новыхъ орудій, служитъ примѣненіе пара къ пе-

ревозкѣ. Несомнѣнно, что изобрѣтеніе локомотива, доставившее возможность передвигать большія тяжести при помощи паровой силы, есть одно изъ самыхъ крупныхъ изобрѣтеній человѣка въ теченіе послѣдняго столѣтія. Трудно исчислить всѣ тѣ послѣдствія для производства и обмѣна товаровъ, которыя произошли въ современномъ обществѣ подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ. Причиной всѣхъ этихъ перемѣнъ является въ сущности тотъ мыслительный процессъ, который привелъ Стефенсона къ изобрѣтенію перваго локомотива. Мысль этого изобрѣтенія была тою творческою силой, которая въ концѣ концовъ повела за собою цѣлый рядъ различныхъ преобразованій и, можетъ-быть, будетъ вызывать ихъ и далѣе въ теченіе цѣлыхъ поколѣній. Какое подспорье человѣческому труду оказываютъ орудія, можно выразить численнымъ примѣромъ. Въ Великобританіи, въ настоящее время, по статистическимъ исчисленіямъ, примѣняется въ разныхъ отрасляхъ промышленности и перевозки до 7 милл. паровыхъ силъ; паровая сила, по расчетамъ механики, выполняетъ работу равную труду 12 человѣкъ; такимъ образомъ Великобританія, въ видѣ своихъ паровыхъ машинъ, располагаетъ работою 80 милл. даровыхъ рабовъ.

Открытіе новыхъ матеріаловъ и силъ въ природѣ, изобрѣтеніе лучшихъ способовъ пользоваться уже существующими силами—вотъ могущественные двигатели всякихъ усовершенствованій въ хозяйствѣ. Нужно, однако, замѣтить, что всѣ эти побѣды человеческого ума составляютъ результатъ длиннаго ряда опытовъ и наблюденій, изъ которыхъ нѣкоторые, быть-можетъ, не имѣли никакого отношенія къ практическимъ цѣлямъ. Въ извѣстную пору работа отвлеченнаго мыслителя, по-видимому, находится внѣ всякой связи съ жизнью, но приходитъ время, когда то, что было не замѣчено современниками, становится господствующей идеей эпохи, будитъ умы и заставляетъ идти впередъ въ области самого пракческаго знанія. Изобрѣтенія современной механики были бы невозможны безъ геометрическихъ построеній; а если это такъ, то открытіе па-

ровой машины находится въ непосредственной зависимости отъ того обстоятельства, что въ отдаленномъ прошломъ какой-нибудь Евклидъ ломалъ себѣ голову надъ геометрическими теоремами. Это значеніе теоретическаго мышленія иллюстрируется особенно рельефно въ наши дни. Въ теченіе долгаго ряда вѣковъ изобрѣтенія являлись плодомъ случайности; человекъ шелъ ощупью и попутно наталкивался на полезныя открытія. Но прошло время, когда науки, овладѣвъ точными методами, сдѣлались главными руководительницами открытій. Новѣйшія изобрѣтенія: телеграфы, гальваническое серебреніе и золоченіе, телефоны, извлеченіе изъ каменнаго угля красокъ и благово-нѣй, электрическое освѣщеніе и, наконецъ, великая, многообѣщающая новинка нашихъ дней—передача механической силы на отдаленныя разстоянія—все это добыто учеными специалистами въ результатъ долгаго сознательнаго исканія. Эти великія приобрѣтенія — не даръ случая, а плодъ настойчивой работы. Вотъ чѣмъ обуславливается высокая производительность затратъ многихъ изъ западно-европейскихъ государствъ на лабораторіи, музеи, институты по чистымъ естественнымъ наукамъ.

Если знаніе является основой промышленнаго прогресса, то *распространеніе его* въ массѣ народа служить самымъ могущественнымъ факторомъ къ увеличенію успѣшности народнаго труда. Мало того, чтобы великія открытія и усовершенствованія были извѣстны специалистамъ, необходимо, чтобы они разошлись въ обширныхъ кругахъ. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ единственнымъ способомъ распространенія полезныхъ знаній служили, и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ служатъ, традиція и примѣръ. Промышленныя искусства передаются отъ одного поколѣнія къ другому, отъ родителей къ дѣтямъ, отъ мастера къ ученикамъ—путемъ безсознательнаго подражанія. При возникновеніи первобытныхъ обществъ искусства тесать камни, приручать собакъ, дѣлать луки, а нѣсколько позже печь хлѣбы, обрабатывать бронзу, добывать желѣзо и т. д.—распространялись путемъ подражанія, причемъ каждая стрѣлка, каж-

дый кусочекъ хлѣба, каждый отесанный камень составляли одновременно и копію, и модель. Такъ и въ наше время совершается лучеобразное распространеніе разныхъ полезныхъ изобрѣтеній, съ тою лишь разницею, что увеличившаяся плотность населенія ускоряетъ этотъ процессъ, подобно тому, какъ скорость распространенія звука находится въ прямой зависимости отъ плотности среды *). Такимъ путемъ распространялось большинство земледѣльческихъ и промышленныхъ усовершенствованій. Такъ, Германія была обязана своимъ первыми промышленными успѣхами французскимъ протестантамъ, которые въ огромномъ количествѣ эмигрировали въ западную Германію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Большинство нашихъ кустарныхъ промысловъ, столь распространенныхъ въ подмосковныхъ селеніяхъ, возникло подъ влияніемъ ремесленниковъ и мастеровъ, разсѣявшихся по окружающимъ деревнямъ, послѣ французскаго разоренія Москвы. Нѣмецкіе колонисты на югѣ преобразовали во многихъ мѣстностяхъ южной Россіи приемы земледѣлія у окружающихъ крестьянъ. На нашихъ глазахъ совершается подобнымъ же путемъ введеніе травосѣянія въ полевое хозяйство крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ Московской губерніи, ровно какъ въ Тверской, Ярославской и другихъ губерніяхъ. Какъ показываютъ мѣстныя изслѣдованія, травосѣяніе у крестьянъ возникаетъ первоначально, но большей части, подъ влияніемъ примѣра, а иногда и при прямомъ содѣйствіи мѣстныхъ землевладѣльцевъ, духовенства и т. п. Какъ скоро въ одномъ селеніи опытъ травосѣянія удался, окружающія деревни начинаютъ подражать ему, причемъ обыкновенно слѣпо воспроизводятъ и всѣ принятые въ немъ порядки посѣва травъ (разбивка полей, выборъ сѣвооборота, родъ высѣваемыхъ травъ, густота посѣва и пр.). Склонность крестьянъ къ подражанію проявляется въ настоящемъ случаѣ и въ томъ, что селенія, приступившія къ травосѣянію, расположены въ предѣлахъ Московской губерніи какъ бы гнѣздами, оазисами, ко-

*) Тардъ: „Законы подражанія“. 16.

торые окружают селеніе, сдѣлавшее первый опытъ травосѣянія *).

Однако, путь примѣра медленъ и случаенъ. Исторія показываетъ, что иногда проходятъ цѣлыя столѣтія, прежде нежели явится полезный образецъ. Если даже примѣръ и находится на-лицо, онъ можетъ оставаться незамѣченнымъ, не производить впечатлѣнія на окружающихъ. Такъ, Бельгія и Ломбардія съ XIV и XV вѣка завели у себя плодоперемѣнную систему земледѣлія, южная Германія уже во времена Лютера имѣла прогрессивное хозяйство, и, однако, Пруссія до конца XVIII вѣка въ восточныхъ своихъ провинціяхъ обрабатывала землю по традиціонной трехпольной системѣ. Допустимъ, что примѣръ и привлечетъ къ себѣ вниманіе, но человѣкъ для усвоенія новаго дѣла этимъ путемъ долженъ затратить, на-ряду съ полезнымъ трудомъ, множество бесполезныхъ усилій. Столярный ученикъ употребляетъ на знакомство съ ремесломъ цѣлые годы, тогда какъ, разложенное на свои простѣйшіе элементы, это ремесло можетъ быть преподано въ нѣсколько десятковъ уроковъ. Болѣе вѣрнымъ путемъ къ распространенію промышленныхъ знаній является специальное обученіе. Этимъ объясняются забота и затраты многихъ западно-европейскихъ правительствъ для основанія и развитія среднихъ и высшихъ техническихъ школъ. При помощи специальныхъ школъ Швеція развила у себя превосходное молочное хозяйство, Вюртембергъ и Баденъ — часовое производство, южная Германія — вообще мелкіе промыслы. У насъ въ Россіи, подъ влияніемъ Н. В. Верещагина и устроенной имъ школы молочнаго дѣла въ Тверской губерніи, успѣли на значительномъ пространствѣ преобразоваться способы крестьянскаго маслодѣлія.

Однако, промышленное обученіе можетъ строиться лишь на

*) О травосѣяніи въ Тверской губерніи см. статью Гурвича въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* 1889 г., а въ Московской губерніи — „Докладъ московской губ. земской управы“ за 1890 г. и книгу г. *Бажасова*: „Очерки крестьянскаго хозяйства въ Московской губерніи“. Много фактовъ подобнаго рода собрано въ книгѣ *В. В.*: „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“. 1892 г.

прочномъ базисѣ широкаго *начальнаго образованія*. Въ Пруссіи и южной Германіи техническія школы и повторительные промышленные классы являются естественнымъ продолженіемъ начальной школы и успѣваютъ лишь постольку, поскольку учащіеся подготовлены къ нимъ начальной школой. Но, и помимо этого служебнаго значенія, начальная школа для огромныхъ массъ народа служить единственнымъ проводникомъ всякихъ новыхъ знаній, единственною нитью, которая связываетъ большинство народа съ духовнымъ наслѣдіемъ цѣлаго человечества. Умъ ребенка, возбужденный школьною работою, становится воспримчивѣе ко всему новому. Онъ отыщетъ полезный примѣръ для подражанія тамъ, гдѣ его сверстникъ не видитъ ничего; онъ скорѣе схватитъ новый пріемъ или полезное открытіе. Начальное образованіе, по справедливому выраженію Эттингена, есть «ферментъ цивилизаціи». Но этого мало. Лишь народная школа можетъ подмѣтить и выдвинуть талантливыхъ людей, которые двигаютъ впередъ жизнь и знаніе. Изъ цѣлой массы она выберетъ тѣхъ, въ комъ свѣтитъ искра божественнаго огня; она дастъ этимъ людямъ, освященнымъ печатю таланта, вѣру въ себя и въ свое призваніе, не позволитъ имъ заглохнуть и затеряться; она снабдитъ ихъ средствами къ тому, чтобы таланты не были зарыты въ песокъ; но и менѣе гениальныя натуры она обогатитъ знаніями, которыя дадутъ имъ способность осуществлять идеи, создаваемые первыми. Эта великая экономическая роль школы становится все важнѣе съ каждымъ поколѣніемъ. По мѣрѣ того, какъ въ народномъ хозяйствѣ специализируются знанія и водворяется господство обмѣна, отъ каждаго отдѣльнаго лица и отъ каждаго предпріятія требуется все больше знаній и соображенія. Не только самые процессы производства становятся сложнѣе, но сверхъ того каждому предпріятію становится необходимымъ быстро принаравливаться къ измѣняющимся условіямъ рынка, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть выбитымъ изъ колена. Въ силу той тѣсной связи, которая, вслѣдствіе улучшенныхъ сообщеній, установилась между самыми отдаленными мѣстностями,

и взаимной зависимости, вытекающей изъ раздѣленія занятій, каждое хозяйство вынуждено во что бы то ни стало догонять своихъ соперниковъ. Такимъ образомъ, при современныхъ условіяхъ, народное образованіе есть единственно-вѣрный путь къ быстрому распространенію въ массахъ знакомства съ улучшенными приемами производства и, въ этомъ смыслѣ, служитъ могущественнѣйшимъ факторомъ къ подъему народнаго богатства.

II.

«Народъ, который имѣетъ самыя лучшія школы, непременно сдѣлается, если не сегодня, то завтра, первенствующимъ народомъ въ мірѣ», говоритъ Жюль Симонъ. Сейчасъ мы подошли къ этому выводу теоретическимъ путемъ. Мы показали, что человѣкъ, окруженный роковыми законами природы, надѣленный ограниченными силами, лишь постепенному росту знанія и неустанной работѣ мысли обязанъ всѣмъ тѣмъ прогрессомъ, который отдѣляетъ современнаго человѣка отъ первобытнаго дикаря. Мы привели, далѣе, рядъ соображеній о томъ, что самымъ вѣрнымъ средствомъ сдѣлать это орудіе промышленныхъ успѣховъ общимъ достояніемъ является распространеніе образованія. Не столько для лучшаго доказательства, сколько для иллюстраціи изложенныхъ положеній мы позволимъ себѣ привести нѣсколько историческихъ справокъ, свидѣтельствующихъ о связи между степенью распространенности образованія и размѣрами промышленныхъ успѣховъ.

Въ Англіи Форстеровъ актъ 1870 года впервые призналъ за государствомъ обязанность снабжать страну школами, до тѣхъ поръ лежавшую исключительно на мѣстныхъ общинахъ. Благодаря этой реформѣ, число школъ въ Англіи и Уэльсѣ, равнявшееся въ 1870 г. 8.281, поднялось въ 1882 году до 18.000, а въ 1889 г.—до 19.400. Число учениковъ, посѣщавшихъ школу, съ 1.152.000 въ 1870 году дошло въ 1889 г. до 4.308.000, въ числѣ которыхъ было 2.228.000 мальчиковъ и 2.079.000 дѣвочекъ. Такъ какъ населеніе Англіи и Уэльса

исчислялось въ 1889 году въ 26 милл. чел., то число учащихся составляло 161 чел. на 1.000 жителей. Ежегодный расходъ на школы, равнявшійся въ 1872 г. 1.980.000 фунт. стерл., поднялся къ 1889 г. до 8.500.000 фун. стер., т.-е. составлялъ на наши деньги по курсу около 80 мил. руб. Но Англія не довольствуется успѣхами въ области начального образованія; она дѣлаетъ великія усилія, чтобы чрезъ школу провести въ жизнь полезныя навѣки и практическія знанія. Извѣстно, что первая всемірная выставка 1851 года открыла англичанамъ ихъ слабость по части изящнаго вкуса. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, въ Лондонѣ возникъ въ 1858 году знаменитый Южно-Кенсингтонскій художественно-промышленный музей въ связи со школой и учительскою семинаріей, предназначенными для преподаванія искусствъ въ примѣненіи къ промышленности. Успѣхи, обнаружившіеся при первыхъ же всемірныхъ выставкахъ, бывшихъ послѣ того, побудили къ дальнѣйшему расширенію дѣла, и теперь преподаваніе рисованія приняло громадныя размѣры: музей поддерживаетъ своими средствами до 2.000 школъ, въ которыхъ преподается техническое рисованіе. Кромѣ того, въ Англіи существуетъ множество низшихъ промышленныхъ школъ, въ которыхъ преподаваніе рисованія играетъ также весьма важную роль; въ 1882 году насчитывалось 584 такихъ школы. Но этого мало: почти въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ непременно имѣется средняя техническая школа или коллегія, въ которыхъ воспитанники считаются сотнями. Еще большаго вниманія заслуживаютъ тѣ средства образованія, какія Англія предоставляетъ для взрослыхъ. Припомнимъ многочисленныя курсы по разнообразнымъ предметамъ человѣческаго знанія, которые устраиваются Обществомъ для распространенія университетскаго образованія и привлекаютъ цѣлыя десятки тысячъ любознательныхъ людей изъ всѣхъ классовъ населенія *). Приведемъ на мысль тѣ ис-

*) О дѣятельности Общества для распространенія университетскаго образованія можно найти подробныя свѣдѣнія въ лекціи проф. Янжула, напеча-

типо замѣчательные музеи, которые поражаютъ иностранца въ Лондонѣ не только богатствомъ ихъ коллекцій, но также рѣдкими удобствами для ихъ изученія *), или народныя библіотеки, которыя, возникши всего какихъ-нибудь лѣтъ десять тому назадъ, опередили теперь подобныя учрежденія всѣхъ другихъ странъ **).

Громадныя усилія, сдѣланныя Англіей въ послѣдніа десятилѣтія для расширенія народнаго образованія, не пропали даромъ; они замѣтнымъ образомъ отразились на богатствѣ страны и благосостояніи ея жителей. Въ Англіи подоходный налогъ даетъ прочную точку опоры для вычисленія богатства. Ежегодный доходъ, оцѣненный для взиманія подоходнаго налога, равнялся:

	Сумма дохода. Мил. ф. ст.	Приростъ.	Населеніе. Мил. челов.	Приростъ.
1855 . . .	308	100	27,8	100
1860 . . .	335	109	28,8	103
1865 . . .	396	129	29,9	108
1870 . . .	445	144	31,2	112

таблицей въ *Вѣстникъ Европы* и вошедшей потомъ въ сборникъ статей *Н. Н. Ланге*: „Въ поискахъ лучшаго будущаго“.

*) Къ услугамъ посѣтителей, осматривающихъ, напримѣръ, Южно-Кенсингтонскій музей или новый музей естественной исторіи въ Лондонѣ, имѣются: общій каталогъ для обзорнія названныхъ музеевъ въ короткій срокъ, съ краткою характеристикою отдѣловъ и описаніемъ лишь наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ, спеціальныя каталоги по отдѣламъ и, кромѣ того, подробныя популярныя монографіи по отдѣльнымъ коллекціямъ и предметамъ.

**) Лондонъ еще недавно подвергался нареканіямъ за свое невниманіе къ вопросу о народныхъ библіотекахъ; а между тѣмъ въ послѣдніа десять и даже, собственно, въ пять лѣтъ сдѣлано тамъ по этой части такъ много, что Лондонъ превосходитъ теперь всѣ прочіе города въ мірѣ. Лондонскія народныя библіотеки имѣютъ 230.000 томовъ; на нихъ тратится въ годъ сумма въ 33.000 фунт. стерл., т.-е. до 330.000 рублей; общій итогъ выданныхъ книгъ простирается до громадной цифры 2.500.000. Въ Манчестерѣ народныя библіотеки, при 200.000 томовъ и 12.000 фунт. стерл. расхода, выдали читающимъ 1.560.000 томовъ; въ Ливерпулѣ, при 150.000 томовъ и ежегодномъ бюджетѣ въ 12.000 фунт. стерл., выдано около 1.000.000 томовъ; въ Бирмингамѣ, при 166.000 томовъ и 10.000 фунт. стерл. расхода, выдано 848.000 томовъ и т. д. (*Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik* 1892. XII, 932).

	Сумма дохода. Мил. ф. ст.	Приростъ.	Населеніе. Мил. челов.	Приростъ.
1875 . . .	571	185	32,8	118
1880 . . .	577	187	34,6	124
1885 . . .	631	205	36,3	130

Изъ представленныхъ цифръ видно, что въ теченіе 30 лѣтъ доходъ жителей Великобританіи возрасталъ постоянно и непрерывно, но прогрессія возрастанія была быстрѣе въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, нежели въ первое пятнадцатилѣтіе. Тогда какъ съ 1855 по 1870 годъ ежегодный доходъ жителей Англіи возросъ въ цѣломъ на 137 мил. ф. ст., въ періодъ съ 1870 до 1885 года онъ поднялся на 186 мил. ф. ст. Средній ежегодный приростъ дохода равнялся въ первомъ періодѣ 9 мил. ф. ст., во второмъ же—12,4 мил. ф. ст., т.-е. совершался на 35% или на цѣлую треть скорѣе. Доходъ увеличивался за время съ 1855 до 1885 года гораздо быстрѣе населенія: за 30 лѣтъ число жителей возросло на 30%, а доходъ на 105%; въ 1855 году средній доходъ на человѣка 11,1 ф. ст., въ 1870 г.—14 ф. ст., а въ 1885 г. уже 17,5 ф. ст. Такимъ образомъ, даже принимая въ расчетъ приростъ народонаселенія, мы все-таки находимъ, что возрастаніе дохода во второмъ періодѣ происходило быстрѣе противъ перваго: за время съ 1855 года по 1870 г. средній ежегодный доходъ жителя Великобританіи увеличился на 2,9 ф. ст., а за время съ 1870 по 1885 годъ—на 3,5 ф. ст.

Извѣстный англійскій статистикъ Джиффенъ въ недавнее время дѣлалъ попытку, на основаніи данныхъ подоходнаго налога и разныхъ статистическихъ указаній относительно зарплатокъ, не облагаемыхъ этимъ налогомъ, опредѣлить величину народнаго богатства въ Великобританіи. Онъ оцѣнивалъ это богатство для 1865 г.—въ 6.113 мил. фунт. ст., для 1875 года—въ 8.548 мил. ф. ст., а для 1885 года уже около 10.000 мил. ф. ст. Такимъ образомъ за 20 лѣтъ произошло приращеніе имущества Великобританіи на 4.000 мил. фунт. ст., что даетъ 200 миллионновъ фунт. ст., или около 2.000 мил. рублей

въ годъ. Огромный приростъ имущества и дохода Великобританіи объясняется, конечно, разнообразными причинами; но если мы сосредоточимъ вниманіе на приведенныхъ цифрахъ, то не можемъ не сопоставить ихъ съ движеніемъ образованія. Поворотъ въ торгово-промышленной политикѣ, столь значительно усилившии промышленное могущество Великобританіи, постройка желѣзныхъ дорогъ и развитіе пароходныхъ сообщений—все это было дѣломъ предшествующихъ поколѣній, все это успѣло обнаружить свое вліяніе ранѣе 1870 года, а между тѣмъ особенно быстрый ростъ богатствъ приходится на время съ 1870 года. Не естественно ли предположить, что это ускореніе темпа народнохозяйственной дѣятельности должно быть поставлено на счетъ того новаго крупнаго фактора, который привзошелъ въ это время въ англійскую жизнь, именно на счетъ громаднаго, небывалаго раньше, развитія народнаго просвѣщенія, — развитія, благодаря которому Англія, еще такъ недавно отстававшая отъ другихъ народовъ, въ какія-нибудь двадцать лѣтъ не только сравнялась съ ними, но даже обогнала ихъ.

Величайшія усилія по части образованія сдѣланы въ теченіе послѣдняго поколѣнія во Франціи. По окончаніи войны, въ 1872 году во Франціи существовало 70.000 школъ и 4.700.000 учениковъ, что давало около 120 человекъ на 1.000 жителей; ежегодные расходы государства на школы не превышали въ то время 53 мил. фр. По переписи 1872 года 36% населенія не могли ни читать, ни писать, вполнѣ же знали грамоту только 52% населенія. Республиканское правительство дѣятельно принялось за школы съ первыхъ же годовъ своего существованія. Оно сдѣлало обязательнымъ и бесплатнымъ начальное обученіе, регламентировало школы ручного труда, увеличило содержаніе учителей, устроило множество школьныхъ библиотекъ. Изъ законовъ, касающихся народнаго образованія, заслуживаетъ вниманія назначеніе крупныхъ субсидій общинамъ на построеніе школьныхъ зданій; на правительственные пособия, достигшія къ концу 1888 года громадной суммы въ 527 мил. фр., выстроено вновь или перестроено болѣе 20.000 училищ-

ныхъ помѣщеній съ среднею стоимостью до 30.000 фр. каждое. Подъ вліяніемъ перечисленныхъ мѣръ, число школъ съ 1872 года увеличилось на 11.000, число учащихся—болѣе чѣмъ на 1.000.000 чел., составивъ въ 1889 г. 5.623.000 чел., что даетъ 146 учениковъ на 1.000 жит.; изъ всего числа учащихся 2.833.000 составляютъ мальчики, а 2.780.000 дѣвочки. Ежегодные расходы на школы поднялись къ 1888 году до 154 мил. франк., въ числѣ которыхъ 77 мил. франковъ составляли субсидіи государства. Безграмотность почти исчезла; доля лицъ, которая не могли подписать своего имени на бранномъ контрактѣ, и число безграмотныхъ новобранцевъ при приѣмѣ на военную службу спустились до 10%, да и то лишь въ среднемъ выводѣ для всей Франціи, во множествѣ же департаментовъ доля неграмотныхъ не превышаетъ 2—3% *).

Но еще важнѣе, нежели численная прибавка школъ и учащихся, тѣ улучшенія, которыя произошли въ постановкѣ школьнаго преподаванія во Франціи: оно повышено во всѣхъ своихъ частяхъ. Такъ, между прочимъ, введено преподаваніе ручного труда; лишь въ 1882 году прошелъ этотъ законъ, между тѣмъ въ концѣ 80-хъ годовъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 180 учительскихъ семинарій и 220 высшихъ народныхъ школъ снабжены были собственными благоустроенными мастерскими, а при 12.000 народныхъ школъ ручной трудъ преподавался при помощи болѣе простыхъ приѣмовъ. Большинство училищъ украшено картами и рисунками, надѣлено школьными музеями, снабжено библиотеками, которыя въ то же время, подъ руководствомъ учителей, служатъ и для народнаго чтенія. Въ концѣ 80-хъ годовъ существовало 34.000 подобныхъ библиотекъ. По отзыву американца Шенгофа, послылавшагося правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для изученія промышленнаго образованія въ разныхъ странахъ Европы, «современная французская школьная система стремится дать народу, въ томъ числѣ

*) Свѣдѣнія о состояніи начальнаго образованія во Франціи взяты изъ сочиненія *Lecasseur*: „La population française“. Т. II. Л. III, ch. II.

и бѣднѣйшимъ классамъ, всѣ преимущества умственного, ручного и технического воспитанія, какія только могутъ быть получены въ школахъ; въ смыслѣ практическаго воспитанія народа, французская система не имѣетъ себѣ равной» *). Специальное техническое образованіе нѣсколько отстало во Франціи по сравненію съ другими странами; но и въ этомъ отношеніи дѣлаются значительныя успія. Такъ, по части земледѣлія при республикѣ возстановленъ Національный Агрономическій институтъ, существовавшій издавна, но закрытый Наполеономъ III въ самомъ началѣ его правленія; устроено 24 среднихъ агрономическихъ школы, заведено 90 департаментскихъ кафедръ земледѣлія, соединенныхъ съ устройствомъ опытныхъ и демонстративныхъ полей, осуществлено преподаваніе земледѣлія въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ школахъ; относительно промышленности учреждено множество такъ-называемыхъ профессиональныхъ училищъ, въ которыя поступаютъ ученики по окончаніи начальной школы.

Что мудренаго, что при такихъ условіяхъ богатство Франціи растетъ, несмотря на страшныя опустошенія минувшей войны, на огромную контрибуцію, на тяжкое бремя военнаго бюджета и государственныхъ долговъ. Во Франціи нѣтъ подоходнаго налога, и потому приходится для оцѣнки народнаго богатства прибѣгнуть къ косвеннымъ признакамъ. За время съ начала 70-хъ до конца 80-хъ годовъ производство каменнаго угля возросло съ 20.000.000 до 30.000.000 тоннъ, производство чугуна съ 1.144.000 до 2.500.000 тоннъ, внѣшняя торговля съ 5.500 мил. до 7.500 мил. франковъ. Но особенно ясно выражается поднятіе богатства въ огромномъ приростѣ операций сберегательныхъ кассъ. Въ 1869 году цифра сбереженій въ обыкновенныхъ кассахъ равнялась 711 мил. франк., въ 1880 году она дошла до 1.280 мил. фр., а къ 31 декабря 1890 г. въ 546 кассахъ она составляла 3.052 мил. фр. Число

*) J. Schoenhof: „Technical Education in Europe“. Washington, 1888. Цитировало въ сочиненіи того же автора: „The Economy of high wages“. 1892, p. 68.

вкладныхъ книжекъ въ 1869 г. равнялось 2.131.000, въ 1880 г.—4.841.000, въ 1890 г.—5.948.000. Средняя цифра сбереженія на одну книжку: въ 1869 г.—334 фр., въ 1880 г.—333 фр., въ 1890 г.—513 фр. Къ приведенной цифрѣ сбереженія нужно еще прибавить около 1.000 мил. фр., собранныхъ въ почтовыхъ кассахъ.

Все, что сдѣлано по части народнаго образованія въ Европѣ, блѣднѣетъ предъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Въ 1889 году въ Соединенныхъ Штатахъ на 62 мил. населенія имѣлось 216.000 школъ, въ которыхъ обучалось 13.325.000 человекъ; изъ этого числа 12.900.000 чел. находилось въ низшихъ школахъ, 668.000 чел.—въ среднихъ и 126.000 чел. въ высшихъ. При сопоставленіи числа учащихся въ начальныхъ школахъ съ населеніемъ получается 208 чел. на 1.000 жителей, — отношеніе, котораго нельзя встрѣтить ни въ какой иной странѣ міра. Число учащихся въ начальныхъ школахъ равнялось въ томъ же 1889 году 352.000; изъ нихъ было 125.000 учителей и 227.000 учительницъ. Въ Америкѣ насъ поражаетъ не только число школъ, но и громадность затратъ націи на ихъ содержаніе. Среднее ежемѣсячное жалованье учителю составляло въ 1889 году 42 доллара, а учительницѣ 34 доллара, т.-е. на наши деньги первому—85 руб., а послѣдней—около 70 руб. Общественныя школы обладали имуществомъ въ 423 мил. долларовъ или въ 650 мил. руб. Ежегодныя издержки на содержаніе школъ достигали 132 мил. дол., т.-е. около 265 мил. руб., что составляетъ на душу населенія 2 дол. 17 цент., или около 4 руб. 35 коп. *).

Но что особенно замѣчательно въ Соединенныхъ Штатахъ, это—огромное количество разныхъ учреждений для дополненія образованія. Между богатыми людьми тамъ существуетъ благородное соревнованіе въ устройствѣ образовательныхъ предприятий на пользу народа. Есть не мало примѣровъ, что человекъ,

*) Данныя взяты изъ официальнаго „Report of the Commissioner of Education for the year 1888—89“.

копившей деньги всю жизнь, отказывается послѣ смерти или даже при жизни громадный капиталъ для устройства какихъ-нибудь курсовъ, школы или университета. Такимъ, напримѣръ, путемъ, возникли институтъ Дрекселя въ Филадельфіи, знаменитые курсы Купера въ Нью-Йоркѣ, которые посѣщаются болѣе чѣмъ 3.000 человекъ, и др. Государство, съ своей стороны, надѣляетъ учебныя заведенія громадными средствами для достиженія ихъ цѣлей. Такъ, актомъ конгресса 1862 года было постановлено, что каждый штатъ, который заведетъ у себя университетъ, получить отъ конгресса земельный надѣлъ по расчету 30.000 акровъ на каждого сенатора и депутата, представляющихъ штатъ въ конгрессѣ. Въ силу этого постановленія, извѣстный Корнелевскій университетъ штата Нью-Йоркъ получилъ 990.000 акровъ (около 380.000 десятинъ), отъ продажи которыхъ составился капиталъ въ 6.000.000 долларовъ (около 12.000.000 руб.); къ этому капиталу г. Корнель, по имени котораго названъ университетъ, прибавилъ съ своей стороны 500.000 дол. Подобнымъ же образомъ университетъ въ штатѣ Огайо получилъ отъ конгресса 630.000 акровъ земли, университетъ въ Иллинойсѣ 480.000 акровъ и т. д. Даже учреждавшіяся въ штатахъ земледѣльческія collegia получали отъ государства громадные надѣленія землей. Такъ, напримѣръ, collegia штата Пенсильванія получила 780.000 акровъ, collegia въ Массачузетсѣ — 360.000 акровъ, кромѣ значительнаго денежнаго капитала, и т. д. Университеты и collegia имѣютъ одною изъ главныхъ своихъ цѣлей содѣйствіе практическому образованію. При каждомъ университетѣ заведено преподаваніе земледѣлія; при большинствѣ университетовъ и при всѣхъ collegiахъ имѣются опытные станціи и образцовыя хозяйства, которыя, по отзыву профессора Вилькенса, командированнаго австрійскимъ правительствомъ въ Сѣверную Америку для изученія сельскаго хозяйства, управляются превосходно и служатъ могущественнымъ средствомъ для нагляднаго обученія. Кромѣ того, при университетахъ и collegiахъ обыкновенно устраиваются различныя мастерскія, пріучающія воспитанниковъ къ промышленной

техникѣ. Какъ общее правило, въ университетахъ и collegiахъ получаютъ образованіе одинаково и мужчины, и женщины *). — И по выходѣ изъ школъ американская жизнь доставляетъ человѣку множество удобствъ для дополненія образованія. Такъ, напримѣръ, нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ было бы такъ много сельскохозяйственныхъ обществъ, и притомъ такъ удачно организованныхъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ штатѣ Массачузетсѣ существуетъ, напримѣръ, 40 сельскохозяйственныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое получаетъ отъ правительства штата ежегодную субсидію; въ связи съ обществами, а отчасти и независимо отъ нихъ, заведено множество, такъ-называемыхъ, «фермерскихъ клубовъ». Въ штатѣ Канзасъ и Висконсинѣ, кромѣ обычныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ, имѣется любопытное учрежденіе, такъ-называемыя «фермерскіе институты». Это кружки мѣстныхъ фермеровъ, которые приглашаютъ по зимамъ странствующихъ учителей сельскаго хозяйства для чтенія лекцій, составленія докладовъ и руководства возникающими по ихъ поводу препіями. Обыкновенно лекторами бываютъ профессора университетовъ или collegiахъ, но иногда и болѣе образованные изъ самихъ фермеровъ. Вознагражденіе и путевыя издержки лекторовъ обыкновенно оплачиваются центральнымъ сельскохозяйственнымъ обществомъ, а сами фермерскіе кружки должны бывать позаботиться о наймѣ помѣщенія для собраній, объ отопленіи и освѣщеніи, о развлеченіяхъ, равно какъ о квартирѣ и столѣ для лектора. Министръ земледѣлія въ штатѣ Висконсинѣ, по мысли котораго были заведены «фермерскіе институты», признаетъ ихъ могучимъ рычагомъ къ сельскохозяйственному воспитанію народа и однимъ изъ самыхъ благотворныхъ учреждений, какія только знаетъ земледѣльческая исторія страны **).

О развитіи народнаго богатства имѣются въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, нежели въ какомъ

*) *M. Wilckens*: „Nordamerikanische Landwirtschaft“. 223—230.

**) Отзывъ приведенъ у *Вилькенса*, стр. 251.

бы то ни было племь государствъ, благодаря ценамъ, которые производятся чрезъ каждыя десять лѣтъ и обнимаютъ не только население, но и всѣ виды имущества и дохода. Послѣдній цензъ былъ произведенъ въ юнѣ 1890 года, и результаты его еще не опубликованы, такъ что полнаго учета увеличенія богатства, происшедшаго въ періодъ съ 1880 по 1890 г., сдѣлать пока нельзя. Но, судя по тѣмъ даннымъ, которыя до сихъ поръ попали въ печать, успѣхи Соединенныхъ Штатовъ за послѣднее десятилѣтіе поразительны и превосходятъ все, что имѣло мѣсто до тѣхъ поръ. Во всякомъ случаѣ подъемъ богатства далеко превосходитъ приращеніе числа жителей, которыхъ въ 1890 году прибавилось противъ 1880 года 13 мил. человекъ, такъ что теперь въ Штатахъ насчитывается уже 63 мил. человекъ. Населеніе выросло за десять лѣтъ на 26%: ежегодный приростъ на 2½ процента громаденъ, и ни одна изъ европейскихъ странъ не представляетъ ничего подобнаго; однако возрастаніе богатства шло въ еще болѣе быстрой прогрессіи.

Начнемъ съ земледѣлія. Въ отличіе отъ европейскихъ странъ, которыя все время жаловались на сельскохозяйственный кризисъ, оградили себя высокими пошлинами и, тѣмъ не менѣе, постепенно сокращали площадь земли, занятую подъ сельскохозяйственные растенія, Соединенные Штаты за послѣднее десятилѣтіе въ огромной степени расширили земледѣліе, улучшили его приемы, увеличили затраты капитала и чрезъ то возвысили количество и цѣнность получаемыхъ продуктовъ. Въ періодъ съ 1880 по 1890 годъ вновь занято въ Штатахъ 377.000 англійскихъ квадратныхъ миль прежде незаселенной земли, пахатная площадь поднялась съ 80.000.000 до 130.700.000 акровъ, количество хлѣбныхъ продуктовъ возросло на 53%, а цѣнность ихъ—на 32%. Число скота на фермахъ въ 1880 году достигало 96 мил. штукъ, а въ 1890 г.—139 мил. штукъ; масса добытой шерсти поднялась съ 156 мил. фунтовъ до 240 мил. фунт. И что всего замѣчательнѣе, въ это же время шло усиленное преобразование сельскаго хозяйства. Въ старыхъ штатахъ, гдѣ цѣнность земли уже высока, производство зерновыхъ

продуктовъ стало рѣшительно уступать мѣсто новымъ, болѣе выгоднымъ отраслямъ хозяйства. Такъ, въ Массачузетсѣ земледѣльческій кризисъ, происходившій въ концѣ 70-хъ годовъ, совершенно устранился, благодаря замѣнѣ зерновыхъ культуръ скотоводствомъ, молочнымъ хозяйствомъ и огородничествомъ. Огородничество, ведущееся не для близкаго мѣстнаго сбыта, но для отдаленнаго обмѣна, и притомъ въ крупныхъ размѣрахъ, сдѣлалось возможнымъ лишь благодаря развитію сообщений; но разъ начавшійся около десяти лѣтъ тому назадъ, оно достигло громадныхъ успѣховъ. Эта промышленность, по показаніямъ ценза, даетъ съ 534.000 акровъ громадную выручку около 100 мил. дол.; чистый доходъ отъ нея, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, равняется въ среднемъ выводѣ 90 дол. съ акра, что составляетъ около 500 руб. съ десятины *). Еще характернѣе развитіе садоводства, которое произошло въ послѣднее десятилѣтіе подъ вліяніемъ того же сельскохозяйственнаго кризиса. Въ прежнее время плоды, въ особенности яблоки, разводились въ Америкѣ только для собственнаго потребленія и для недалекаго сбыта въ свѣжемъ видѣ; въ послѣднее же десятилѣтіе плодоводство стало имѣть главною цѣлью сбытъ консервированныхъ, въ особенности сушеныхъ плодовъ. Садоводство достигло наибольшаго развитія въ трехъ штатахъ: Мерилендѣ, Нью-Йоркѣ и Калифорніи. Созданы громадные производительные и торговые центры, которые ведутъ всемірную торговлю сушеными фруктами, преимущественно яблоками и консервами въ коробкахъ. Изъ одной Калифорніи вывозится въ годъ фруктовъ на 8.000.000 руб. на наши деньги. Общая ежегодная цѣнность продуктовъ плодоводства оцѣнивается цензомъ въ 600 мил. руб. на наши деньги. Мы привели эти примѣры въ доказательство того, съ какою смѣлостью и искусствомъ борются американцы съ тѣмъ критическимъ положеніемъ промышленности, котораго никакъ не можетъ преодолѣть Европа. Но еще лучшимъ доказательствомъ ловкости ихъ

*) J. Schoengof: „The Economy of high wages“. 138.

въ противодѣйствіи этому злу служатъ тотъ фактъ, что они сумѣли преобразовать само зерновое хозяйство такимъ образомъ, что, несмотря на низкія цѣны, оно, вмѣсто убытковъ, начинаетъ давать доходъ. Этотъ результатъ достигнутъ при помощи широкаго развитія искусственнаго орошенія въ степныхъ штатахъ *), примѣненія машинъ, сокращаю-

*) Чтобы судить объ успѣхахъ хозяйства, достигнутыхъ въ последнее время въ нѣкоторыхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря орошенію, приведемъ нѣкоторые факты. Въ штатѣ Калифорніи есть такъ-называемая Кернская долина, обладающая пространствомъ въ 600.000 акровъ земли, удобной для орошенія. Эта земля еще недавно считалась никуда негодной и не давала никакого дохода. Лѣтъ 20 тому назадъ начались въ этой бесплодной степи оросительныя работы и въ 1888 году были выполнены уже на четвертой части ея. Въ Кернскомъ графствѣ устроено 32 главныхъ канала, съ общимъ протяженіемъ до 60 нѣмецкихъ миль (болѣе 400 верстъ); къ каналамъ примыкаетъ цѣлая система канавъ и резервуаровъ, „на подобіе того какъ дѣлалось въ былыя времена въ Индіи и Египтѣ“. Результаты выполненныхъ улучшеній поразительны. Клеверныя поля даютъ въ теченіе года въ 5 укосовъ до 8—10 тоннъ сѣна съ акра (1.200—1.500 пудовъ съ десятины); зерновые хлѣба даютъ по 30—50 бушелей съ акра, что составляетъ отъ 14—24 четвертей съ десятины (*Buchenberger: Agrarwesen und Agrarpolitik*“. В. I. 338). Подобные же опыты орошенія профессоръ Вилькенсъ видѣлъ въ Колорадо. Онъ, напримѣръ, описываетъ одну ферму, принадлежащую сельскохозяйственной школѣ; въ естественномъ состояніи земля фермы не даетъ ничего кромѣ плохой травы. Между тѣмъ, благодаря орошенію, съ этой земли снимается въ 3 укоса до 6 тоннъ съ акра превосходнаго люцерноваго сѣна, которое скармливается скоту и приноситъ доходъ до 37 дол. съ акра или 170 р. съ десятины. Замѣчательно, что самое орошеніе производится на земляхъ фермы самымъ первобытнымъ и дешевымъ способомъ. Изъ близлежащей рѣки проведенъ каналъ къ землямъ школы, изъ канала же вода распределяется по оросительнымъ канавкамъ рабочимъ при помощи длиннаго черпака. Не удивительно, поэтому, что какъ первоначальныя издержки устройства, такъ и текущіе расходы по орошенію очень невелики. Вилькенсъ считаетъ, что первоначальное устройство орошенія обходится въ тѣхъ мѣстностяхъ до 15—20 дол. съ акра; что же касается до текущихъ расходовъ, то они не могутъ быть велики, такъ какъ орошеніе 500—600 акровъ производится однимъ рабочимъ, подъ наблюденіемъ техника, которому кромѣ того поручено не мало другихъ дѣлъ по хозяйству. Много интересныхъ подробностей объ этомъ степномъ орошеніи можно найти въ цитированной раньше книгѣ Вилькенса (стр. 49—55). Вилькенсъ сообщаетъ, что американское правительство, поощренное удачными опытами по орошенію степныхъ мѣстностей, намѣрено произвести оросительныя работы на всемъ пространствѣ такъ-называемой американской степи, именно въ штатахъ и территорияхъ Калифорніи, Колорадо, Утахи, Идахо, Монтанѣ, Новой Мексикѣ. При помощи орошенія расчи-

щихъ трудъ, громаднаго удешевленія перевозки, а также уменьшенія разнаго рода накладныхъ расходовъ въ хлѣбной торговлѣ. Въ теченіе минувшаго десятилѣтія сѣвероамериканцы удвоили свою желѣзнодорожную сѣть, выстроивъ 80.000 миль новыхъ дорогъ. Въ настоящее время Соединенные Штаты владеютъ сѣтью рельсовыхъ путей въ 164.000 англійскихъ миль или около 250.000 верстъ, что составляетъ половину протяженія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ.

Еще значительнѣе успѣхи въ промышленности. Ничто не является въ наше время столь характернымъ для промышленнаго движенія страны, какъ производство желѣза. Не дальше какъ въ 1878 году, изъ всего желѣза, добываемаго на свѣтѣ, на долю Великобританіи приходилось 45%, а на долю Соединенныхъ Штатовъ—только 16%, такъ что американская республика производила желѣза втрое меньше противъ Англій. Въ 1890 году Америка добыла желѣза гораздо больше, нежели Англія, именно 10 мил. тоннъ, или около 600 мил. пудовъ. увеличивъ въ теченіе 10 лѣтъ свое производство втрое; стали получено 4½ мил. тоннъ,—вчетверо больше, нежели въ 1880 году. Чтобы оцѣнить эти цифры, достаточно привести на мысль, что у насъ въ 1889 году произведено желѣза всего 26 мил. пуд. Въ Соединенныхъ Штатахъ потребляется желѣза до 300 фунтовъ на человѣка, тогда какъ въ Великобританіи, Франціи, Германіи и Бельгіи 175 ф., а въ прочихъ странахъ только 11 фунтовъ на человѣка *). Въ другихъ отрасляхъ промышленности замѣчается столь же громадный приростъ. Общая цѣнность продуктовъ мануфактурной промышленности оцѣнивается ценомъ 1890 г. въ 8.600 мил. дол., тогда какъ въ 1880 году она не превышала 5.300 мил. дол.; такимъ образомъ приростъ со-

вають приобрести для культуры до 200 мил. акровъ земли. Можно предстать, каковы будутъ условія сельскохозяйственной конкуренціи для европейскихъ странъ, если осуществится это грандіозное предпріятіе.

*) Приведенные факты взяты изъ сообщенія г. Портера, завѣдывающаго обработкой ценза 1890 г., которое изложено въ книгѣ *H. Losch: „Nationale Production und Nationale Berufsgliederung“*. II.

ставляет около 65%. В хлопчатобумажной промышленности ценность продуктов за 10 лет поднялась на 175%. Особенно удивительны успехи в электрической промышленности. В 1880 году она была еще в зародыше; теперь же разного рода электрические аппараты, употребляемые в промышленности, имеют ценность около 563 мил. дол., т.е. больше 1.000 мил. руб., независимо от стоимости телеграфов и телефонов.

При виде этих громадных успехов, которым по размерам и быстроте нельзя указать ничего подобного в истории, среди европейского промышленного мира начинают даже появляться пессимистические предчувствия. В течение больше двух тысяч лет европейская культура давала тонь всему миру; а теперь со страхом ожидают скорого наступления того момента, когда Америка в главных отраслях промышленности оставит старую Европу позади. Один из современных немецких публицистов с унынием замечает: «культура, подобно солнцу, движется с востока на запад. Через Вавилон, Афины, Рим она перешла в Лондон и Париж, а теперь передвигается через Атлантический океан в Нью-Йорк и Чикаго» *). Выставка в Чикаго даст, вероятно, еще больше поводов к подобным мрачным сопоставлениям.

Чем же объясняется этот колоссальный рост промышленности и богатства? Не какие-нибудь особенно щедрые дары почвы и климата, так как Соединенные Штаты дают в среднем урожай втрое ниже, нежели, например, Англия; не особенности племени, населяющего Америку, так как живут там люди той же европейской расы, дети и внуки выходцев из Европы; не чрезмерное обилие капиталов, которых и не могло накопиться слишком много вследствие недолгого существования самих Штатов; не обилие рабочих рук, которого, как известно, и нет в Америке, где плата за труд выше против всех стран мира. Нет, не эти обыч-

*) *Losch*, 21.

ные объяснения можно было бы привести для разгадки неслыханного экономического прогресса Америки. По отзывам знатоков дела, единственным, или, по крайней мере, основным фактором нужно признать грандиозное применение сил природы к делам человека в Новом Свете. Американец всюду, где только можно, заставляет работать силы природы, и делает это с редкою смелостью и умением. Непрерывно изобретаются там новые машины и видоизменяются прежние, и притом не только изобретаются, но и немедленно прилагаются на практике, тогда как другие страны еще только пробуют эти новинки. Развитие техники и применение машин доводят американский труд до такой степени производительности, которая решительно обгоняет страны старой европейской культуры и дает американскому предпринимателю возможность назначать рабочему очень высокую плату. Вот сравнительная мерка разницы в условиях производства между французским и американским рабочим. Недавно один французский статистик (*Languet*), на основании публикуемых таблиц о состоянии промыслов, сделал расчет, что во Франции один рабочий, в среднем для всех отраслей обрабатывающей промышленности, производит в течение года ценность в 4.440 франков, тогда как для Соединенных Штатов подобное же вычисление дает цифру в 10.194 фр. на одного рабочего, хотя последний трудится на три часа в день меньше, чем француз *). Истинная причина тяготящей над Европой сельскохозяйственной конкуренции Америки заключается, по убеждению профессора Вилькенса, «не столько в изобилии свободной земли и усовершенствованиях перевозки, сколько в необычайно живом и бодром умственном движении, которое господствует в Америке во всех отраслях деятельности. В Соединенных Штатах больше, нежели где-нибудь, наука обращена на служение народному хозяйству. Проникнутая ясным пониманием своей задачи, американская наука стремится сделать свои исследования и учения общим

*) *Losch*, 68.

достояніемъ». «Это могучее умственное движеніе, это взаимодѣйствіе ума и рукъ не имѣютъ себѣ ничего равнаго въ средне-европейскомъ хозяйствѣ, которое задыхается подъ гнетомъ военныхъ приготовленій. Вниманіе нашихъ правительствъ направлено преимущественно на то, какъ бы добыть при помощи податей средства къ поддержанію вооруженнаго мира, а для земледѣльческихъ улучшеній и для содѣйствія сельскохозяйственному прогрессу у нихъ не находится средствъ» *).

Обращаясь къ нашему отечеству, мы точно попадаемъ въ новый міръ. Тогда какъ въ приведенныхъ выше государствахъ школа привлекаетъ къ себѣ почти все населеніе въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ, у насъ въ учебныя заведенія попадаетъ едва ли одна шестая его доля. Въ 1886 году, по свѣдѣніямъ Центрального Статистическаго Комитета, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи числялось 39.000 школъ, въ которыхъ обучалось 1.570.000 мальчиковъ и 455.000 дѣвочекъ; общее число обучавшихся было равно 2.025.000 чел. Такъ какъ населеніе 50 губерній равнялось въ томъ году, приблизительно, 82 милл. чел., то число учениковъ начальныхъ школъ составитъ у насъ около 25 чел. на 1.000. Если на возрастъ отъ 7 до 14 лѣтъ положить около 18% всего населенія, то вышесказанная цифра учениковъ начальныхъ школъ составитъ примѣрно отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{7}$ части школьнаго населенія. Въ показаніяхъ нашей школьной статистики, кромѣ того, бросается въ глаза весьма неравномѣрное участіе мужского и женскаго пола въ школьномъ образованіи: дѣвочекъ учится въ школахъ втрое меньше, нежели мальчиковъ. Тогда какъ изъ мальчиковъ школьнаго возраста попадаетъ въ школы около пятой части, относительно дѣвочекъ эта доля спускается до одной пятнадцатой части. Но указанное отношеніе есть лишь средняя цифра, отъ которой въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ имѣются громадныя отступленія. У насъ не мало губерній, въ которыхъ дѣвочекъ учится въ школахъ въ десять разъ меньше противъ мальчиковъ. Таковы, напримѣръ, Мпскавая, Виленская, Вятская и др. Даже въ

Московскомъ уѣздѣ учащіеся составляютъ немного болѣе трети всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Столь малое развитіе школьнаго дѣла представляется естественнымъ, если мы примемъ во вниманіе незначительность расходовъ нашей страны на начальное народное образованіе. Изъ государственнаго бюджета было назначено у насъ въ 1892 году на содержаніе уѣздныхъ, городскихъ и народныхъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій около 5 милл. рублей. Кромѣ того, земствами расходуются на тотъ же предметъ, по даннымъ середины 80-хъ годовъ, приблизительно 4 милл. руб. и около той же суммы городами и сельскими обществами. Такимъ образомъ, общій итогъ расходовъ на начальное народное образованіе составитъ у насъ около 13 милл. руб. Эта цифра даетъ въ среднемъ 17 коп. на жителя Европейской Россіи, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ тратится на школьное дѣло среднимъ числомъ 4 руб. 65 коп., въ Англій—3 р., во Франціи около 2 руб. на душу населенія. Но и то малое число школъ, которое существуетъ въ Россіи, обставлено крайне скудно. Тогда какъ, напримѣръ, въ Англій средний расходъ на ученика равняется 2 ф. ст. или около 20 руб., въ Соединенныхъ Штатахъ—10 долларамъ, т.-е. тоже около 20 руб., во Франціи—25 фр. или 10 р.,—у насъ, судя по вышесчисленнымъ даннымъ, тратится на ученика лишь 6 р. 50 к. въ годъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ вознагражденіе учителя составляетъ болѣе 1.000 руб. въ годъ на наши деньги, а у насъ, по свѣдѣніямъ конца 70-хъ годовъ, 15% учителей получали жалованья меньше 100 руб. въ годъ и 40%—отъ 100 до 200 р. въ годъ.

При столь ничтожныхъ средствахъ къ образованію мы естественно встрѣчаемъ въ нашей странѣ почти поголовную безграмотность. Точныя свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ имѣются у насъ лишь относительно нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ, гдѣ земствами произведены были подворныя переписи. Оказывается, что даже въ самыхъ просвѣщенныхъ губерніяхъ безграмотность поразительна. Такъ, въ крестьянскомъ населеніи Московской губерніи, по земской переписи 1883 года, процентъ грамот-

*) *Witkens*: „Nordamerikanische Landwirtschaft“, 273.

ныхъ мужчинъ оказался всего 27%, а женщинъ — 5%. Въ Тверской губернии въ 1878 году было насчитано грамотныхъ мужчинъ лишь 17%, а женщинъ меньше 2%. Даже въ столицахъ, которыя вообще считаются центрами просвѣщенія, у насъ удивительно великъ процентъ безграмотныхъ. Въ Москвѣ, по переписи 1882 года, неграмотныхъ мужчинъ оказалось 43%, а неграмотныхъ женщинъ—61%. Если, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, мы обратимся къ приблизительнымъ признакамъ, которые предполагаются статистикой для сужденія о распространенности образованія, то увидимъ столь же неутѣшительные результаты. Тогда какъ въ Швеціи и Даніи при приѣмѣ въ военную службу вовсе не встрѣчается неграмотныхъ, а въ Германіи и Швейцаріи бываетъ ихъ не болѣе 2%, у насъ въ среднемъ за 10 лѣтъ, съ 1874 по 1884 годъ, согласно даннымъ, опубликованнымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, принято было 77% неграмотныхъ новобранцевъ. За десятилѣтіе съ 1874-го по 1884 г. доля неграмотныхъ новобранцевъ уменьшилась всего на 4%, спустившись съ 78 до 74%.

Для Россіи мы не владѣемъ такими свѣдѣніями о народномъ доходѣ и состояніи промышленности, какія имѣются въ государствахъ Запада. Но достаточно даже фактовъ, находящихся въ распоряженіи нашей статистики, а еще болѣе непосредственнаго наблюденія надъ совершающимся вокругъ, чтобы убѣдиться, что ростъ нашей промышленности совершенно несоизмѣримъ съ явленіями, какія мы наблюдали на Западѣ. Если мы возьмемъ данныя о состояніи нашего главнаго промысла, земледѣльческаго, то увидимъ, что въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ въ немъ не замѣтно почти никакого прогресса. Такъ, средний сборъ хлѣбовъ, за вычетомъ сѣмянъ, составлялъ: въ періодъ съ 1856 по 1863 годъ — 152 мил. четвертей, въ періодъ съ 1870 по 1877 г.—179 мил. четв., въ періодъ съ 1883 по 1887 г.—218 мил. четв. Сравнивая эти цифры съ числомъ населенія, получимъ, что въ періодъ 1870—1874 гг. средний чистый сборъ хлѣба на душу (за вычетомъ сѣмянъ) составлялъ 2,64 четв., за 1875—1879 г.—2,50 четв., въ 1883—1887 г.—2,69

четв. Такимъ образомъ, по сравненію съ населеніемъ, сборъ хлѣбовъ за два почти десятилѣтія остался безъ измѣненія *). Скотоводство въ нашей странѣ хотя абсолютно возрастаетъ, но по отношенію къ населенію уменьшается. Такъ, если мы возьмемъ для Европейской Россіи сумму лошадей и головъ рогатаго скота, а мелкій скотъ переведемъ въ крупный по расчету 10 штукъ за одну голову крупнаго скота, то получимъ слѣдующія цифры головъ скота: въ 1851 г.—44,8 мил., въ 1864 г.—45,8 мил., въ 1876 г.—46,9 мил., въ 1883 г.—50,9 мил., въ 1888 г.—54,7 мил. Сопоставляя означенныя цифры съ населеніемъ (которое равнялось въ тѣ же годы для Европейской Россіи—51 мил. чел., 61,4 мил., 71,1 мил., 78,6 мил., 85,4 мил. чел.), получимъ въ среднемъ на 100 человекъ слѣдующія цифры головъ скота: въ 1851 г.—87,8 головъ, въ 1864 г.—74,6 гол., въ 1876 г.—68,5 гол., въ 1883 г.—64,7 гол., въ 1888 г.—64 гол. **).—Столь же скудный прогрессъ встрѣчаемъ въ области горной промышленности. Добыча жельзы составляла у насъ въ 1872 г.—16 мил. пуд., въ 1881 году—18 мил. пуд., въ 1890 г.—26 мил. пуд.; вылавка чугуна поднялась за время отъ 1872-го по 1890 г. съ 24 мил. пуд. до 54 мил. пуд.; значительный успѣхъ въ области горныхъ промысловъ обнаруживаетъ лишь добыча нефти и каменнаго угля. Наша фабричная промышленность, считавшая въ 1871 году 19.000 фабрикъ, съ 500.000 рабочими и съ производствомъ въ 500 мил. р., по свѣдѣніямъ 1879 года имѣла 26.000 фабрикъ, 711.000 рабочихъ и цѣнность производства въ 1.103 мил. р.; въ 1887 году считалось на фабрикахъ 875.000 рабочихъ. Правда, здѣсь мы имѣемъ довольно быстрый ростъ

*) Сборъ хлѣба показанъ на основаніи изданія департамента торговли и мануфактуръ: „Историко-статистическій обзоръ промышленности“ и изданія Центрального Статистическаго Комитета: „Средній урожай Европейской Россіи за 1883—87 гг.“.

**) Приводимыя вычисленія о скотѣ взяты изъ сочиненія проф. Карнишева: „Крестьянскія вынудѣльныя аренды“ (стр. 386), а за 1888 годъ вычислены на основаніи свѣдѣній ветеринарнаго отдѣла Мин. Внутр. Дѣлъ (см. Русск. Дал. на 1893 г.).

фабричной промышленности, но во всякомъ случаѣ ея размѣры и обороты сравнительно съ западными государствами ничтожны.

Впрочемъ, даже не прибѣгая къ цифрамъ, достаточно бросить взглядъ на окружающія явленія, чтобъ убѣдиться въ томъ, какъ скудно эксплуатируются наши естественныя богатства. Подъ самой Москвой мы находимъ заброшенныя земли, жалкій скотъ, первобытный сельскохозяйственный инвентарь, устарѣвшія земледѣльческія системы. Трудолюбивое промышленное население Московской губерніи, искони привыкшее дополнять скудный земледѣльческій заработокъ кустарными промыслами, выбивается изъ силъ въ соперничествѣ съ внутренними и заграничными фабричными издѣліями нерѣдко единственно потому, что не откуда явиться въ эту среду свѣдѣніямъ о лучшихъ приемахъ и орудіяхъ производства. Даже въ крушной промышленности, подъ охраной высокихъ таможенныхъ тарифовъ, нерѣдко держатся вполне устарѣвшіе приемы. Отсталость нашей промышленности выражается въ удивительномъ однообразіи занятій, характеризующемъ большую часть Россіи. Проѣзжайте вдоль и поперекъ любую изъ степныхъ губерній и вы ничего не встрѣтите, кромѣ чисто-сельскохозяйственныхъ занятій; нѣтъ даже кустарныхъ промысловъ. Вялость и отсутствіе предприимчивости обнаруживаются въ самомъ мѣстонахожденіи нашей промышленности. Въ вѣкъ господства механическихъ двигателей, фабрики и заводы сосредоточены въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вовсе нѣтъ мѣстнаго топлива, и напротивъ того отсутствуютъ въ такихъ районахъ, какъ Донецкій край, гдѣ рядомъ съ неисчерпаемыми минеральными богатствами находятся плодородная почва и обиліе превосходныхъ строительныхъ матеріаловъ. При такомъ неестественномъ расположеніи промышленности, множество сырыхъ продуктовъ, каковы, напримѣръ, сало, шерсть, кожи и пр., препровождаются изъ южной Россіи за тысячу верстъ къ сѣверу для переработки, а затѣмъ снова перевозятся на югъ въ видѣ свѣчей, мыла, сапожнаго товара, шерстяныхъ тканей и пр.

Есть, конечно, не мало причинъ, тормозящихъ развитіе

русскаго народнаго хозяйства, но въ числѣ ихъ мы должны поставить на самомъ видномъ мѣстѣ ту почти повальную безграмотность, которая такъ рѣзко отличаетъ наше отечество отъ всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ странъ. Какъ дойдетъ до нашего земледѣльца и сельскаго промышленника идея о какомъ-либо улучшеніи, когда ему недоступно основное орудіе для распространенія идей — грамота? Погрязшій въ вѣковую рутину, земледѣлецъ рабски подчиняется условіямъ окружающей обстановки и равнодушно смотритъ, какъ изъ года въ годъ ухудшаются жатвы на его землѣ, уходятъ изъ рукъ привычныя заработки, понижаются цѣны производимыхъ имъ издѣлій. Ему даже и въ голову не приходитъ, что иногда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находится новое выгодное примѣненіе труда, что незначительное улучшеніе въ устройствѣ плуга или въ обработкѣ пароваго поля можетъ на половину увеличить урожай и т. д.

У насъ слишкомъ часто ссылаются на неблагоприятныя условія нашей общественности, какъ на причину хозяйственныхъ неустройствъ. Конечно, эти вліянія важны, но кто же можетъ передѣлать ихъ, какъ не сами же люди, отъ нихъ страдающіе? Если образованіе не создастъ въ этихъ людяхъ потребности въ лучшей обстановкѣ жизни и не укажетъ средствъ ея достигнуть, то могутъ пройти цѣлыя поколѣнія безъ всякой перемѣны. Большинство будетъ томиться въ нищетѣ, меньшинство, проникнутое желаніемъ улучшить его судьбу, будетъ бесплодно тратить свои силы и средства, а между тѣмъ дѣло улучшеній не подвинется ни на шагъ. Для того, чтобы благородныя усплія лучшихъ людей страны встрѣтили для себя подготовленную почву, образованіе, хотя бы въ самомъ элементарномъ его видѣ, должно нѣсколько встряхнуть природную косность ума и возбудить запросы лучшаго. Не нужно забывать, что единственный способъ для борьбы съ бѣдностью заключается въ увеличеніи производительности труда, для чего вѣрнѣйшій путь — знаніе и образованіе.

А. Чупровъ.

Два воспитанія *).

Даровитый актеръ игралъ въ пьесѣ дѣйствующее лице, которое по волѣ автора много дѣйствовало и говорило, но по винѣ того же автора не умѣло достаточно выяснить смыслъ своихъ словъ и дѣйствій, осталось лицомъ безъ фізіономіи. По окончаніи спектакля пріятель упрекнулъ актера въ томъ, что онъ, зритель, въ его игрѣ не узналъ его героя.

— Да и нельзя было узнать, — отвѣчалъ актеръ, — потому что мой герой и не появлялся на сценѣ, а выходилъ я своею собственною, не загримированною персоною... Когда актеръ не понимаетъ, кого играетъ, онъ поневолѣ играетъ самого себя.

Въ подобномъ затруднительномъ положеніи могутъ очутиться и педагоги извѣстной школы. Сами по себѣ они могутъ быть разными людьми, такими и этакими. Но все они должны понимать идею своей школы, и понимать ее одинаково, чтобы знать, кого они воспитываютъ, т.-е. кого вырабатываютъ изъ своихъ воспитанниковъ соединенными усиліями. Соединенныя усилія могутъ не быть дружными дѣйствіями, и тогда изъ нихъ не выйдетъ цѣльнаго и складнаго дѣла. На сценѣ актеры играютъ каждый свою роль и каждый понимаетъ ее, разумѣется, по-своему, но все они должны одинаково понимать пьесу, чтобы стройно сыграть ее. Воспитатели и учителя должны знать, кого имъ нужно воспитать и выучить, — знать не только тотъ педа-

гогическій матеріалъ, который сидитъ или бѣгаетъ подъ ихъ руководствомъ, но и тотъ умственный и нравственный идеалъ, къ которому они обязаны приближать эти вѣтренныя имъ маленькія живыя будущности, смотряція на нихъ полными смутныхъ ожиданій глазами. Воспитатель, который не знаетъ, кого онъ долженъ воспитать, воспитываетъ только самого себя, т.-е. продолжаетъ собственное воспитаніе. Такая педагогія похожа на извѣстную дѣтскую игру, гдѣ у того, кто долженъ ловить всѣхъ, завязаны глаза, и онъ, съ методологическою растерянностью, растопыривъ руки, самъ не знаетъ, кого поймаешь, и вѣроятнѣе всего, что не поймаешь никого, потому что ловить только собственные призраки, т.-е. самого себя. Если наставникамъ не ясна задача ихъ школы и одинъ не знаетъ, что дѣлаетъ другой, куда ведетъ свой классъ, — каждый будетъ выдѣлывать изъ своего класса то же, что нѣкогда выдѣлывали изъ него самого на классной скамьѣ, и никто изъ нихъ не будетъ знать, что выходитъ изъ ихъ питомцевъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, изъ нихъ ничего и не выходитъ, какъ не движется съ мѣста тѣло, влекомое въ разныя стороны. Но то несомнѣнно, что этими разносторонними влеченіями воспитательная программа будетъ разорвана на отдѣльные бессмысленные клочки, ибо въ программѣ, лишенной органической связи своихъ частей, столько же смысла, сколько поэзіи въ разсыпанномъ типографскомъ наборѣ лучшей пьесы Пушкина.

Идея школы слагается изъ извѣстной цѣли, къ которой направляются все образовательныя средства, знанія, навыки, правила, и изъ приложенныхъ къ этой цѣли приемовъ, которыми эти средства проводятся въ воспитываемую среду. Каждый изъ наставниковъ-товарищей долженъ живо и цѣльно представить себѣ тотъ умственный и нравственный типъ, который схематически предначертанъ воспитательною программой и въ которомъ онъ призванъ осуществить какую-нибудь маленькую подробность, и каждый долженъ постоянно держать въ воображеніи этотъ мысленный манекенъ, чтобы его частичное дѣло гармонировало съ такими же частичными дѣлами другихъ на-

*) Публичная лекція, читанная 1 февраля 1893 г. въ пользу Московскаго Комитета грамотности.

ставниковъ, и дружныя усилія всего товарищества должны быть устремлены къ одной цѣли — сдѣлать каждаго воспитанника возможно-точнымъ снимкомъ съ этого програмнаго образца.

Да это — обезличеніе, а не воспитаніе, подумаютъ нѣкоторые; это — не школа, а казарма; изъ такой школы могутъ выходить номера, а не люди, — статистическія количества, а не нравственныя величины. Такое опасеніе иногда высказывается и, какъ упрекъ, тревожить нашихъ педагоговъ, но совершенно напрасно. Въ этомъ упрекѣ нѣтъ ничего для нихъ обиднаго. Во-первыхъ, боязнь школьнаго обезличенія учащагося юношества предполагаетъ въ учителяхъ достаточную педагогическую силу, которою не слѣдуетъ злоупотреблять, но которую не грѣшно имѣть. Во-вторыхъ, забывается одно обстоятельство: въ школѣ дѣти не рождаются, а только учатся и воспитываются. Они туда приходятъ откуда-то уже готовыми, хотя еще не зрѣлыми организмами, и опять куда-то уходятъ. То, откуда приходятъ дѣти въ школу и гдѣ они рождаются, называется *семьей*.

Мы довольно спокойно говоримъ о нашей семьѣ, сохраняемъ то же спокойствіе, когда заходитъ рѣчь и о нашей школѣ. Но мы всегда нѣсколько волнуемся, когда въ нашихъ бесѣдахъ встрѣчаются семья и школа. Мы чувствуемъ, что въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ у насъ есть какое-то недоразумѣніе, стоитъ какой-то вопросъ, котораго мы не въ силахъ разрѣшить и даже не умѣемъ хорошенько поставить. Что, кажется, можетъ быть яснѣе и проще отношенія между семьей и школой? Сама природа провела разграничительную черту между ними, раздѣлила работу человечества надъ самимъ собой между этими двумя величайшими питомниками человѣческаго ума и сердца. Оба эти учрежденія не могутъ замѣнить другъ друга, но могутъ помогать или вредить одно другому. У того и другого свое особое дѣло; но дѣла обихъ такъ тѣсно связаны между собою, что одно учрежденіе помогаетъ или вредитъ другому уже тѣмъ, что свое дѣло дѣлаетъ хорошо или худо. Все это какъ будто просто и понятно само по себѣ, и, однако, нерѣдко слышатся

недоразумѣнія и споры какъ о сущности, такъ и о границахъ, о взаимномъ отношеніи педагогическихъ задачъ семьи и школы. Можно услышать такое разграниченіе этихъ задачъ: семьѣ принадлежить *воспитаніе*, школѣ — *обученіе*. Я не говорю, вѣрно ли это; я спрошу только, ясно ли это? Вѣдь, мы столько же обучаемъ воспитывая, сколько воспитываемъ обучая. Образованіе составляетъ изъ воспитанія и обученія; но эти составныя образовательныя процессы легче разграничиваются въ психологическомъ анализѣ, чѣмъ въ педагогической практикѣ. Учитель и воспитатель очень отчетливо и внятно говорятъ другъ съ другомъ о различіи задачъ и пріемовъ своихъ профессій, и, однако, ихъ общій питомецъ послѣ затруднится сказать, кто изъ нихъ его больше училъ или воспитывалъ. Въ чемъ дѣло? Очевидно, еще не всѣ стороны вопроса стали у насъ на виду и эти недосмотры рождаютъ недоразумѣнія.

Когда исчезаетъ изъ глазъ тропа, по которой мы шли, прежде всего мы оглядываемся назадъ, чтобы по направленію пройденнаго угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью въ потемкахъ, мы видимъ передъ собою полосу свѣта, падающую на нашъ дальнѣйшій путь отъ кого-то сзади насъ. Эта проводница наша — исторія съ ея свѣточемъ, съ уроками и опытами, которые она отбираетъ у убѣгающаго отъ насъ прошедшаго. Въ исторіи нашего образованія были сдѣланы два поучительные опыта, въ которыхъ семья и школа были поставлены въ совершенно различныя и очень своеобразныя отношенія другъ къ другу и отъ которыхъ получились несходные результаты. Древняя Русь стремилась утвердить школу у домашняго очага и включить ея задачи въ число заботъ и обязанностей семьи; во второй половинѣ XVIII в. предпринята была попытка оторвать школу отъ семьи, даже сдѣлать первую соперницею послѣдней. Можетъ-быть объ постановкѣ дѣла и ихъ результаты помогутъ намъ разсмотрѣть во взаимномъ отношеніи этихъ учреждений такія стороны, которыхъ мы не замѣчаемъ только потому, что недостаточно наблюдали ихъ въ дѣйствительности.

Я намѣренъ сопоставить двѣ испытанныя у насъ системы,

съ цѣлью показать отношенія, какія устанавливались между семьей и школой. При этомъ я имѣю въ виду только общеобразовательную школу, которую желательно чтобы проходили все. Только такая школа, а не специальная ремесленная, можетъ служить продолженіемъ начального воспитанія, какое обязана давать всякая семья. Разумѣется, я могу говорить только объ общемъ идеальномъ планѣ такого дальнѣйшаго воспитанія, какъ его чертили устроители и руководители народнаго образованія въ древней и новой Руси, а не какъ ихъ предначертанія осуществлялись въ воспитательной практикѣ. Чтобы понять духъ и планъ древнерусскаго воспитанія, надобно на мигъ отрѣшиться отъ того, какъ мы теперь понимаемъ содержание и цѣли общаго образованія. По нашему привычному представленію, общее образованіе слагается изъ нѣкоторыхъ научныхъ знаній и житейскихъ правилъ,—изъ знаній, подготовляющихъ умъ къ пониманію жизни и къ усвоенію избраннаго или доставшагося житейскаго занятія, ремесла, и изъ правилъ, образующихъ сердце и волю, умѣнье жить съ людьми и дѣйствовать на всякомъ поприщѣ. Знанія касаются необъятнаго круга предметовъ, міровданія, исторіи человѣчества, природы человѣческаго духа въ ея разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, въ пріемахъ и процессахъ мышленія, въ исчисленіи и измѣреніи количественныхъ величинъ и отношеній, въ строеніи человѣческой рѣчи и въ художественныхъ произведеніяхъ человѣческаго слова. Не такъ многообразна образовательная работа, задаваемая сердцу и волѣ. Въ эстетическомъ чувствѣ еще нѣсколько возбуждается критическое чутье. За то чувство нравственное и религіозное находитъ себѣ готовое питаніе только развѣ въ урокахъ закона Божія, притомъ разобщенныхъ съ другими предметами, преподаватели которыхъ опасаются касаться этого отдѣла образовательной программы, такъ что питательный матеріалъ, какой могутъ дать другіе предметы для удовлетворенія потребностей едва пробудившагося сердца и неокрѣпшей воли, воспитанникъ долженъ добывать и обрабатывать самъ, своими собственными неумѣльными усиліями.

Въ древнерусскомъ воспитаніи все это было поставлено значительно иначе. Главное вниманіе педагогій обращено было въ другую сторону, на житейскія правила, а не на научныя знанія. Кодексъ свѣдѣній, чувствъ и навыковъ, какіе считались необходимыми для усвоенія этихъ правилъ, составлялъ науку о «христіанскомъ жителствѣ», о томъ, какъ подобаетъ жить христіанамъ. Этотъ кодексъ состоялъ изъ трехъ наукъ или *строений*: то были строеніе *душевное*, ученіе о *долгѣ душевномъ*, или дѣло спасенія души, строеніе *мірское*, наука о гражданскомъ общежитіи, и строеніе *домовое*, наука о хозяйственномъ домоводствѣ. Усвоеніе этихъ трехъ дисциплинъ и составляло задачу общаго образованія въ древней Руси. Школой душевнаго спасенія для мірянъ была приходская церковь съ ея священникомъ, духовнымъ отцомъ своихъ прихожанъ. Его преподавательскія средства—богослуженіе, исповѣдь, поученіе, примѣръ собственной жизни. Въ составъ его курса входили три части: богословіе—*какъ исповатти*, политика—*какъ царя чтити*, нравоученіе—*какъ чтити духовный чинъ и ученія его слушатти, аки отъ Божіихъ устъ*. Эта школа была своего рода учительскаго симпаніей. Ученіе, преподаваемое приходскимъ священникомъ, разносилось по домамъ старшими его духовными дѣтьми, домовладыками, отцами семействъ. Онъ не только дѣлалъ дѣло ихъ собственнаго душевнаго спасенія, но и училъ, какъ они, помогая ему, должны подготовлять къ этому и своихъ домашнихъ. Хозяинъ дома, отецъ семейства, былъ настоящей народный учитель въ древней Руси, потому что семья была тогда народною школою или, точнѣе, народная школа заключалась въ семьѣ. Это было не простое естественное семейство, а довольно сложный юридическій союзъ, чрезвычайно туго стянутый дружными вѣковыми усиліями церкви и государства. Домовладыка считалъ въ составѣ своей семьи, своего дома, не только свою жену и дѣтей, но и *домочадцевъ*, т. е. жившихъ въ его домѣ младшихъ родственниковъ и слугъ, зависимыхъ отъ него людей, съ семействами тѣхъ и другихъ. Это было его домашнее царство, за которое онъ несъ закономъ уста-

новленную отвѣтственность предъ общественною властью: здѣсь онъ былъ не только мужъ и отецъ, но и прямо назывался *государемъ*. Этотъ домашній государь и былъ домашнимъ учителемъ, его домъ былъ его школой. Въ древнерусскихъ духовныхъ поученіяхъ очень выразительно опредѣлено его педагогическое назначеніе. Онъ обязанъ былъ беречь ихъ чистоту тѣлесную и душевную, во всемъ быть ихъ стражемъ, заботиться о нихъ, какъ о частяхъ своего духовнаго существа, потому что связанъ со всѣми ними одною вѣрой и долженъ вести къ Богу не себя одного, но многихъ. Трудъ воспитанія дома онъ дѣлилъ съ женой, своею непремѣнною совѣтницей и сотрудницей. Въ древнерусскихъ взглядахъ на жену можно найти очень тонкія черты, изображающія ея значаніе для мужа и дома. Она также государыня для дома, только при мужѣ не отвѣтственная предъ общественною властью. Мужъ распоряжается въ домѣ, жена держитъ порядокъ. Онъ тратитъ, чтобы приобрести; она приобретаетъ, сберегая, чего можно не тратить. Онъ работаетъ весь день среди чужихъ людей, чтобы отдохнуть дома; она хлопотеть, задавалъ и наблюдалъ работу своихъ домашнихъ, и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю ночь. Онъ кормитъ домъ; она одѣваетъ его. Онъ создаетъ себѣ достатокъ, вырабатывая необходимое для дома; она удѣляетъ бѣдному избытокъ, не расходуетъ лишняго. Мужъ такъ ведетъ дѣла въ обществѣ, чтобы была спокойна семья; жена такъ ведетъ домъ, чтобы мужъ въ домѣ былъ спокоенъ за семью. Онъ направляетъ умъ жены, даетъ ей домашнюю указку; она настраиваетъ сердце мужа, внушаетъ ему общественный тактъ, и, находясь въ сонмищѣ, сидя среди знакомыхъ, онъ знаетъ, что говорить, понимаетъ, что дѣлать, помня свою, поджидающую его, домогосподку. Дома мужъ — глава и государь своей жены; на людяхъ жена вѣщомъ блестятъ на головѣ своего государя. Вы видите, древнерусская мысль не боялась и не скучала думать о женщинѣ и даже расположена была идеализировать образъ доброй жены. Кто знаетъ, можетъ-быть древнерусская женщина была такъ устроена психологически, что когда ей показывали идеаль и говорили, что это ея

портретъ, въ ней рождалось желаніе стать его оригиналомъ и отыскивалось умѣнье быть его хорошею копіей.

Такова была идеальная нравственная атмосфера, которою дышали и въ которой воспитывался дѣти по древнерусскому педагогическому плану. Объемъ воспитанія въ этой семейной школѣ ограничивался предметами вѣдѣнія и назиданія, какіе могли умѣститься въ стѣнахъ дома, быть наблюдаемы и усвоены въ домашнемъ кругу. Весь міръ Божій въ этой школѣ сводился подъ домашній кровъ и домъ становился малымъ образомъ вселенной: можетъ-быть поэтому на потолокъ древнерусскаго жилищнаго дома иногда и рисовали небесныя свѣтила, планетную систему, круги и бѣги небесныя, какъ говорили древнерусскіе астрономы. Домохозяинъ обучалъ жену, дѣтей и домочадцевъ закону Божию и благо нравно, или «божеству и вѣжеству и всякому благочинію», какъ тогда выражали составныя части этого курса примѣнительно къ тремъ общеобразовательнымъ *строеніямъ*. Прежде всего, онъ, какъ педагогическій помощникъ священника, долженъ былъ преподавать своему дому начатки того *строенія душевнаго*, которое онъ самъ усвоилъ у своего руководителя, пополняя подъ его руководствомъ уроки, полученные еще до женитьбы въ родительскомъ домѣ. Затѣмъ слѣдовало *мірское строеніе*, «какъ жити православнымъ христіаномъ въ міру съ женами и съ дѣтьми и съ домочадцами и ихъ учить». Доселѣ хозяинъ велъ дѣло воспитанія съ женой, своею старшею ученицей и сотрудницей. Далѣе, въ *домовномъ строеніи* ихъ педагогическій трудъ раздѣлялся какъ бы на параллельныя отдѣленія: когда дѣти подрастали, родители обучали ихъ «промыслу и руководѣнію», отецъ — сыновей, мать — дочерей, каковъ кому далъ Богъ смыслъ, «просутъ». Выборъ и порядокъ изученія этихъ руководѣній или ремеслъ соображались съ возрастомъ и съ пониманіемъ дѣтей, какъ и съ общественнымъ положеніемъ родителей. Отцовское и дѣдовское преданіе и строгая раздѣльность общественныхъ состояній служили здѣсь руководящими началами. Въ наше время можетъ не понравиться такое подчиненіе судьбы подрастающихъ поколѣній инерціи мысли отцовъ

и застоявшемуся консерватизму ихъ общественнаго поведенія. Для объясненія и смягченія ихъ вины надобно припомнить, что въ древней Руси, при отсутствіи публичнаго техническаго образованія, отецъ поневолѣ обучалъ сына только тому, что самъ умѣлъ, или долженъ былъ отдавать сына другому мастеру, писать *ученическую записку*, нотаріальный контрактъ о выучкѣ, который ставилъ его сына въ положеніе близкое къ холопу, дворовому человѣку, и, между прочимъ, предоставлялъ мастеру-учителю право своего ученика «смирять, по винѣ смотря». Зная только быть и правы нынѣшнихъ мастерскихъ, можно живо почувствовать печальный смыслъ этихъ юридически-осторожныхъ словъ: *смирять, по винѣ смотря*. Можетъ-быть древнерусскій отецъ, по-своему сложно понимая житейскія пользы сына, и готовъ былъ на такое тяжелое условіе, но противъ него должно было мятежно возставать простое материнское чувство, непривычное къ сложнымъ комбинаціямъ и житейскимъ софизмамъ, но умѣвшее говорить, когда приходилось на много лѣтъ бросать родного ребенка въ чужой домъ, на произволь чужой воли. Все это могло быть или должно было бывать. За то безъ оговорокъ можно утверждать, что современное педагогическое чувство рѣшительно противъ одного изъ основныхъ приѣмовъ древнерусской методики домашняго воспитанія. Это—извѣстный приѣмъ, состоящій во внѣшнемъ дѣйствіи на умъ, волю и чувство посредствомъ производимаго битьемъ нервнаго ощущенія. *Любя сына, уцащай ему раны, не жалки жезла; дщери ли имани, положи на ней грозу свою...* Впрочемъ, какъ скоро дѣло дошло до дочери, у меня не хватаетъ духа продолжать изложеніе тѣхъ изысканныхъ формулъ, въ которыхъ выражали этотъ приѣмъ древнерусскія педагогическія руководства. Древнерусская педагогика, очевидно, много думала объ этомъ воспитательномъ средствѣ, лелѣяла его, возлагая на него преувеличенныя надежды, какъ на «злобы искоренителя и насадителя добродѣтелей». Едва ли кто изъ насъ по характеру полученнаго имъ воспитанія пойметъ эту вѣру въ чудодѣйственную силу педагогическаго *жезла*, т.-е. простой глухой палки. Мы

уже слишкомъ далеко отодвинулись отъ понятій и нравовъ, питавшихъ эту страшную вѣру, чтобы понять ее, и намъ остается только благодарить исторію за свое непониманіе. Впрочемъ, для устраненія возможнаго недоразумѣнія здѣсь, кажется, нуженъ историческій комментарий. Читая эти изысканныя педагогическія наставленія, сводившіяся къ одному общему правилу, какъ дѣтей «страхомъ спасати, уча и наказуя», полезно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ *планоми*, а не съ *практикой* домашняго воспитанія. По жестокому педагогическому плану еще нельзя судить о суровости педагогій, даже о жестокости самихъ начертателей плана. Планометрическая, начертательная педагогія доводитъ иной воспитательный принципъ или приѣмъ до крайнихъ, практически невозможныхъ, а только метафизически мыслимыхъ послѣдствій не по жестокости сердца, а просто въ интересѣ логической послѣдовательности; но эти излишества такъ и остаются въ области метафизическаго мышленія, знаменуя силу мысли, но не портя жизни. Дѣло въ томъ, что педагоги при составленіи педагогической программы только размышляютъ о дѣтяхъ, а при ея исполненіи еще и видятъ ихъ, т.-е. любятъ, потому что видѣтъ дѣтей и любить ихъ—это одно и то же, два неразлучные психологическіе акта. На такое объясненіе древнерусской теоріи педагогическаго жезла наводитъ одна обмолвка древнерусскихъ воспитательныхъ руководствъ, изъ которой видно, что они смотрѣли на тѣлесное наказаніе дѣтей какъ на воспитательно-гигіеническую операцію, какъ бы дополнительное гимнастическое средство: «любя сына,—читаемъ мы тамъ,—учащай ему раны, ибо отъ жезла твоего оны не умрутъ, а еще здоровѣе станеть». Извѣстно, что любящая рука бьетъ не больно и, во всякомъ случаѣ, больнѣе бьетъ того, кому принадлежить, чѣмъ того, на кого поднимается.

Гораздо плодотворнѣе былъ другой приѣмъ древнерусской педагогіи—живой примѣръ, наглядный образецъ. Древнерусская начальная общеобразовательная школа—это домъ, семья. Ребенокъ долженъ былъ воспитываться не столько уроками,

которые онъ слушалъ, сколько тою нравственною атмосферой, которою онъ дышалъ. Это было не пятичасовое, а ежеминутное дѣйствіе, посредствомъ котораго дитя впитывало въ себя свѣдѣнія, взгляды, чувства, привычки. Какъ бы ни была неподатлива природа питомца, эта непрерывно капающая капля способна была долбить какой-угодно педагогическій камень. На это и рассчитанъ былъ порядокъ домашней жизни, какъ его рисовали въ идеальной схемѣ древнерусскіе моралисты. Это была извѣстная среда обычая и обряда, вѣками сложенная плотная и чинная, массивная бытовая кладка. Все здѣсь было обдуманно и испытано, выдержано, размѣрено и разграплено, каждая вещь положена на свое мѣсто, каждое слово логически опредѣлено и нравственно взвѣшено, каждый шагъ разученъ, какъ танцевальное па, каждый поступокъ предусмотрѣнъ и подсказанъ, подъ каждое чувство и помышленіе подведена запретительная цитата изъ Писанія или отеческаго преданія, всѣ эти шаги, помышленія и чувства расписаны по церковному календарю, — и человекъ, живой человекъ съ индивидуальной мыслью и волей, съ свободнымъ нравственнымъ чувствомъ, двигался по этому церковно-житейскому трафарету автоматическимъ манекеномъ, или какъ движется шашка подъ рукой искуснаго игрока по разграфленной на клѣтки доскѣ. При такомъ общемъ направленіи жизни и при тогдашнихъ образовательныхъ средствахъ семьи воспитанію грозила опасность уклониться отъ указаннаго ему пути, погасить духъ обрядомъ, превратить заповѣди въ простыя привычки и такимъ образомъ выработать автоматическую совѣсть, нравственное чувство, дѣйствующее по памяти и навыку, выдержку, при которой знаютъ, какъ поступить, прежде чѣмъ подумаютъ, для чего и почему такъ поступаютъ.

Конечно, священникъ могъ ослаблять такое направленіе домашняго воспитанія. Вся семья ежегодно бывала у него *на духу*; здѣсь онъ могъ провѣрять и исправлять результаты воспитанія, указывать, какъ вносить живую душу въ механическую выправку совѣсти. Это было своего рода инспектор-

скій смотръ домашняго воспитанія, ибо весь приходъ составлялъ какъ бы одну школу, распадавшуюся на размѣщенные по домамъ параллельные классы, общимъ надзирателемъ и руководителемъ которыхъ былъ приходскій священникъ. II, помимо исповѣди, родителямъ внушалось «совѣтоваться съ нимъ часто о житіи полезномъ», какъ учить и любить дѣтей своихъ. Древнерусскихъ воспитателей трудно упрекнуть въ излишнемъ довѣріи къ природѣ человека, ея силамъ и влеченіямъ. Напротивъ, они направляли свои усилія къ тому, чтобы выбить изъ питомца *свою волю*, замѣнивъ ее послушаніемъ установленному порядку жизни. Очевидно, они рассчитывали свой планъ на слабѣйшія силы, брали за единицу измѣренія достижимыхъ успѣховъ худшій изъ возможныхъ субъектовъ. Это понятно: семейная школа не могла выбирать воспитательный матеріалъ, потому что всѣ члены семьи имѣютъ одинаковое право существованія и одинаковую воспитательную цѣну и за всѣхъ одинаково отвѣчаетъ глава семьи. Въ этомъ существенная разниця домашняго воспитанія отъ публичной школы: послѣдняя можетъ выбрать и равнодушно бросать остальныхъ или негодныхъ; это своего рода учебный лагерь, для котораго одинъ солдатъ въ строю нужнѣе десятка пациентовъ въ повозкѣ «Краснаго Креста».

Таковъ планъ воспитанія, какъ онъ развивался въ древнерусскихъ поученіяхъ и какъ былъ сведенъ въ общую программу въ *Домострой* священника Сильвестра. А гдѣ же настоящая школа, публичное училище съ книгами и другими орудіями грамотности, книжнаго ученія? *Домострой* предполагаетъ присутствіе грамотныхъ людей въ составѣ древнерусской семьи, но не считаетъ этого необходимымъ и совсѣмъ умалчиваетъ о такой школѣ. Грамотность не входила въ составъ общеобразовательнаго воспитанія, какъ необходимое образовательное средство; она причислялась къ техническимъ промысламъ и рукодѣліямъ, къ «механическимъ хитростямъ», какъ выражались у насъ позднѣе, и нужна была только на нѣкоторыхъ житейскихъ поприщахъ, наприм.—для духовнаго и приказнаго чина. Такъ

смотреть на книжное учение и современный *Домострой Стоглав*: онъ предполагилъ устроить по всеѣмъ городамъ книжныя училища въ домахъ избранныхъ духовныхъ лицъ, которыя учили бы дѣтей духовенства и всеѣхъ православныхъ христіанъ «грамотѣ и книжному письму и церковному пѣнію псалтырному и чтенію наложному», чтобы эти ученики, пришедши въ возрастъ, достойны были священническаго чина. Здѣсь указаны и учебная программа, и специальное назначеніе этихъ училищъ. Нѣкогда древнѣйшій русскій лѣтописецъ, говоря о любви кн. Ярослава I къ книгамъ, написалъ превосходную страничку о душевной пользѣ книжнаго ученія, какъ источника мудрости. Позднѣе даже въ азбукахъ проводилось строгое различіе между книжною и истинною мудростью: «не ищи, человекъ, мудрости, ищи кротости; аще обрящещи кротость, то одолѣещи мудрость; не тотъ мудръ, кто много грамотѣ умѣетъ, тотъ мудръ, кто много добра творить».

Эта-то немнижная мудрость древней Руси была поколеблена преобразовательнымъ движеніемъ XVII и XVIII вв. и изъ сферы общественныхъ отношеній и интересовъ отодвинута была въ тѣсныя предѣлы домашней жизни или въ составъ личной нравственности. Старая домашняя школа съ своими *строечіями* стала архаическимъ украшеніемъ старомодной жизни. Возникли публичныя школы съ иноземными учителями, напечатаны грамматикки, арифметикки, геометріи, изданы законы объ обязательномъ обученіи духовенства и дворянства, грамотность, цифирь и геометрія объявлены были необходимыми элементами общаго образованія; заморскія «механическія хитрости» закрыли собою прежнюю приходскую и домашнюю науку душевнаго спасенія. Русская мысль, опеломленная крутымъ переворотомъ, весь XVIII в. силилась придти въ себя и понять, что съ нею случилось. Толчокъ, ею полученный, такъ далеко отбросилъ ее отъ наспяженныхъ предметовъ и представлений, что она долго не могла сообразить, гдѣ она очутилась. Чуть не въ одинъ вѣкъ перешли отъ *Домостроя* попа Сяльвестра къ *Энциклопедіи* Дидро и Даламбера. Такой переходъ можно было сдѣ-

лать только прыжками, а въ области мысли прыжки совершаются всегда на счетъ логики и самообладанія. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, русскіе преобразованные люди XVIII в., растерявшіеся отъ неожиданности и новизны своего положенія, чтобы найтись въ немъ, принялись обсуждать не столько сдѣланный ими пробѣгъ, сколько собственное смутное ощущеніе, изъ него вынесенное. Въмѣсто того, чтобы точно опредѣлить направленіе и протяженіе пройденнаго пути, они, измѣряя его степенью своей усталости, просто, безъ всякихъ измѣреній рѣшили, что ушли безконечно далеко, и тогда старая позиція, съ которой они сорвались такъ поспѣшно, представлялась имъ въ туманной невозвратной дали. Мнѣнія раздвоились: одни радовались, что такъ далеко ушли впередъ; другіе жалѣли, что, вслѣдствіе далекаго ухода, стало невозможно вернуться назадъ. Но тѣ и другіе больше думали о томъ, что они такъ далеко ушли, чѣмъ спрашивали себя о томъ, куда пришли, и ни тѣ, ни другіе не могли отдать себѣ отчета въ томъ, какъ совершился этотъ акробатическій перелетъ. Отъ одного склада понятій перешли къ другому такъ порывисто и суетливо, что по пути растеряли и свои путевыя впечатлѣнія и чувствовали себя въ положеніи лунатика, который не понимаетъ, какъ онъ попалъ туда, гдѣ очутился.

Очнувшись, наши просвѣщенные лунатикки прошлаго вѣка очутились въ шумномъ водоворотѣ самыхъ важныхъ идей и вопросовъ, какіе когда-либо волновали образованное человѣчество. То было начало царствованія Екатерины II. Ощущеніе дневного свѣта было первымъ впечатлѣніемъ очнувшихся, свободный вздохъ—ихъ первымъ движеніемъ. Наболѣе капитальныя произведенія европейскаго ума, которыми ознаменовался вѣкъ свободнаго просвѣщенія, почти уже все лежали на столѣ образованнаго читателя. Идеи и вопросы, которыми авторы этихъ произведеній поразили читающій міръ, не были внезапнымъ откровеніемъ, свыше озарившимъ европейскую мысль. Они имѣли достаточную историческую подготовку, выработались изъ продолжительныхъ усилій европейскаго ума и сердца, подсказаны

были застарѣлыми, наболѣвшими язвами европейскаго общества, занутившагося въ собственныхъ противорѣчiяхъ. Несмотря на блескъ повизны, они очень послѣдовательно и органически выросли изъ европейскаго прошлаго, хотя не только пораженные ими читатели, но и сами авторы не всегда подозрѣвали глубоко сокрытые историческiе корни тезисовъ и проблемъ, одинаково кружившихъ головы тѣмъ и другимъ. Но когда эти творенiя попадали въ предѣлы великой восточно-европейской равнины, на эту культурную *tabula rasa*, какою она представлялась западно-европейскому и даже иному туземному просвѣщенному взгляду, эта смѣлая литература показала здѣсь настоящимъ откровениемъ свыше, своего рода новою легендарною *Голубиною книгой*, упавшею съ неба послѣ проливного дождя и дававшая простые и ясные отвѣты на все мудреные мировые вопросы, какiе цѣлые вѣка мучили и сушили умъ и сердце человѣка. Въ этой литературѣ смѣло ставился и разрѣшался и вопросъ о воспитанiи. Новыя педагогическiя воззрѣнiя также имѣли тѣсную связь съ ходомъ европейскаго образованiя, хотя иногда являлись нетерпѣливымъ и запальчивымъ его отрицанiемъ. Въ основѣ этихъ воззрѣнiй явственно сквозили высказанныя еще въ концѣ XVII вѣка идеи старика Локка. Европейской культурѣ рѣдко доводилось выносить такiя насмѣшки надъ собой, какою была его книга о воспитанiи. Въ своихъ университетахъ и въ школахъ поменьше и поуже она цѣлые вѣка громоздила сложное и съ виду величественное зданiе школьной учености съ ея мудреными доктринами, диспутами, диссертациями, теорiями, цитатами, комментарiями, а великiй англiйскiй мыслитель, творецъ одной изъ самыхъ глубокихъ теорiй познаниа, въ легкой, совсѣмъ наученой книжкѣ повалилъ это громоздкое зданiе, возвѣстивъ, что молодому англiйскому джентльмену все это излишне и непригодно, а нужны ему самыя простыя вещи, не толстая и не теплая одежда, простая пища, прiученныя къ холоду ноги, жесткая постель, свѣжiй воздухъ, здравый рассудокъ, знанiе людей и природы, привычка молиться Богу утромъ и вечеромъ, правдивое

сердце и тому подобныя принадлежности благовоспитаннаго и добродѣтельнаго человѣка. Казалось, стояло только немножко подумать, чтобы тотчасъ придумать все эти умныя и понятныя вещи, до которыхъ лишь теперь додумалась европейская мысль умомъ одного изъ своихъ величайшихъ мыслителей. Эти идеи и совѣты развивались писателями XVIII в., касавшимися вопроса о воспитанiи. Еще въ царствованiе Елизаветы русскiй образованный читатель могъ прочитать у Дюкло въ его извѣстныхъ *Considerations sur les mœurs de ce siècle* замѣчательныя мысли: «У насъ много вшучки, но мало воспитанiя; изъ насъ образуютъ ученыхъ, всевозможныхъ художниковъ, но еще не надумались образовать людей, т.-е. воспитывать ихъ другъ для друга, полагать общее воспитанiе въ основу всякаго частнаго обученiя». Задачи новаго воспитанiя поставлены были прямо: здоровое и стройное развитiе физическiхъ и духовныхъ силъ человѣка вмѣсто безпорядочнаго многуученiя, благовоспитанность вмѣсто учености, нравственный тактъ и живое пониманiе дѣйствительности взаимнѣ устарѣлыхъ грамматикъ и риторикъ. Смѣлая педагогiя! — подумаешь невольно: она шла увѣренными шагами къ тому, о чемъ только со вздохомъ мечтаютъ современные родители и воспитатели въ своихъ уединенныхъ размышленiяхъ. Кажется, такая смѣлость имѣла нѣкоторое отношенiе ко взгляду на духовную природу человѣка, сложившемуся въ прошломъ вѣкѣ и нашедшему себѣ блестящее философское выраженiе въ знаменитомъ *Трактатѣ объ ощущенiяхъ* Кондильяка (1754 г.). Продолжая и поправляя Локка, этотъ философъ предпринялъ прослѣдить зарожденiе и ростъ духовной жизни человѣка отъ простѣйшихъ чувственныхъ воспрiятiй до самыхъ сложныхъ операций духа. Этотъ процессъ схематически изображенъ въ видѣ одухотворенной статуи съ готовыми дѣйствовать органами чувствъ, но еще безъ содержанiя. Эта живая организованная пустота постепенно наполняется, соприкасаясь съ внѣшнимъ миромъ, который возбуждаетъ ея дремлющiя чувства. Изъ воспринимаемыхъ внѣшнихъ впечатлѣнiй образуются ощущенiя и идеи, а послѣдовательнымъ

сцѣпленіемъ тѣхъ и другихъ сплетаются всѣ духовныя состоянія и отправленія, изъ простѣйшаго акта выходитъ болѣе сложный, пизшая способность производить высшую и изъ этой постепенно самоосложняющейся работы чувствъ складывается вся жизнь человѣческаго духа. Ставь около этой пробуждающейся отъ первобытной метаргіи статуи, педагогъ безъ труда могъ сообразить, какое употребленіе надлежало сдѣлать изъ вскрытой философюмъ (физиологіи) духа. Педагогія оставалось овладѣть функциями этого самоодушевляющагося психологическаго прибора, подставить ему цѣлесообразно подобранныя внѣшнія впечатлѣнія—и изъ статуи выходилъ готовый методологическій человѣкъ, какъ на заводѣ отливается бронзовое изображеніе по данной художникомъ модели. Можетъ-быть педагогія XVIII в. потому и была такъ смѣла, что Локкъ и Кондильякъ такъ наглядно раскрыли весь процессъ психологической отливки человѣка, а Локкъ, къ тому же, построилъ такую художественную педагогическую модель.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что умная и образованная женщина, вступившая на русскій престолъ въ 1762 году, успѣшила подумать о воспитаніи юношества: кому же, прежде всего, и подумать о такомъ важномъ предметѣ, какъ не женщиной умной и образованной? Екатерина очень хорошо поняла сущность новыхъ педагогическихъ мнѣній, бродившихъ тогда на Западѣ и отражавшихся въ ея любимыхъ книгахъ. При специальномъ обученіи должно быть общее воспитаніе, подготовляющее къ гражданскому общежитію; это воспитаніе должно быть сосредоточено на разработкѣ нравственнаго чувства; это дѣло должно взять въ свои руки само государство. Такія мысли Екатерина высказала потомъ въ своемъ *Наказѣ*. Школы, которыя она нашла въ Россіи, могли только поддерживать ея помыслы и заботы объ устройствѣ новаго воспитанія. Нѣкогда Петръ Великій, сидя на новоспущенномъ кораблѣ со своими сотрудниками, размечтался вслухъ о томъ, какъ науки, покинувъ свою древнюю родину Грецію, обойдутъ міръ и, наконецъ, совьютъ себѣ прочное гнѣздо въ Россіи. Но пріоты,

приготовленные имъ для приѣма наукъ, послѣ его смерти, казалось, перестали ждать такъ радушно приглашенныхъ имъ въ гости всемірныхъ странницъ. Въ университетѣ, при академіи наукъ, лекцій не читали, но студентовъ сѣкли. Въ морской академіи, устроенной для благороднаго шляхетства, училась такая бѣдность, которая, за неимѣніемъ сапогъ, не могла ходить въ классы. Новорожденный Московскій университетъ едва начиналъ дышать и еще весь жилъ въ своемъ будущемъ. Съ президентомъ академіи художествъ И. И. Бецкимъ, внимательно изучившимъ учебное дѣло за границей, Екатерина задумала цѣлую систему «воспитательныхъ училищъ», которая должна была събѣю покрыть всю Россію. Тому же Бецкому поручено было разработать и исполнить задуманный планъ. Онъ изложилъ общія начала новаго воспитанія въ докладѣ подъ заглавіемъ: *Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоюго пола юношества*. Эту педагогическую теорію, созданную вѣкомъ и мало еще гдѣ испытанную на дѣлѣ, краткая надпись: *Бытъ по сему*—превратила въ простой законъ Россійской имперіи отъ 12 марта 1764 г. Эти общія начала потомъ переложены были въ статьи *Устава* сухопутнаго кадетскаго корпуса 1766 г. и подробно развиты въ приложенныхъ къ нему, въ видѣ руководства, *Разсужденійхъ о установленіи* корпуса, и этотъ рядъ учено-педагогическихъ трактатовъ вмѣстѣ съ уставомъ объявленъ былъ «неподвижнымъ закономъ» къ точному и непремѣнному исполненію. Казалось, никогда еще власть не подходила такъ близко къ ученой мысли и впервые ученая мысль становилась властью.

Воспитательный планъ, приведенный въ этихъ и другихъ педагогическихъ трудахъ Бецкаго, самъ по себѣ довольно простъ. Усилія и средства, потраченные со времени Петра I на обученіе наукамъ и художествамъ, принесли мало добрыхъ плодовъ. Причиной не въ недостаткѣ способностей у народа, а въ выборѣ непрямыхъ путей къ цѣли. Многие быстро и отлично успѣвали въ наукахъ, но еще быстрѣе погружались въ прежнее невѣжество, потому что не могли или не умѣли ни продол-

жить, ни примѣнить пріобрѣтенныхъ знаній. Вѣда въ томъ, что изученію наукъ не сопутствовало «добродѣтельное воспитаніе», безъ котораго ждаты прочныхъ успѣховъ въ наукахъ—суетная надежда, ибо опытомъ дознано, что «одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина» и не предохраняетъ отъ пороковъ, которые дѣлаютъ научные успѣхи бесплодными и даже иногда вредными. Итакъ, «корень всему злу и добру—*воспитаніе*». Прямой путь къ цѣли—создать воспитаніемъ, «такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей», отъ которыхъ бы пошла, въ безконечный рядъ дальнѣйшихъ поколѣній, непрерывною нитью преданія, правила истинной благовоспитанности. Имѣя въ виду эту великую цѣль, слѣдуетъ завести для дѣтей обоюго пола не простыя школы, а *воспитательныя училища*, и принимать въ нихъ дѣтей не старше шестого года, когда въ дитяти пробуждается сознание: позднѣе становится уже неисправимъ *худой нравъ*, которымъ успѣло заразиться дитя. Припомнимъ, что живую статую Кондильяка педагогія должна захватить раньше, чѣмъ грѣшный ви́шній міръ успѣетъ начать надъ ней свою опасную воспитательную работу. Въ училищѣ питомецъ безвыходно остается до 20 лѣтъ, не имѣя ни малѣйшаго общенія съ ви́шними людьми, даже съ ближайшими родственниками выдаясь изрѣдка только въ училищѣ и то на глазахъ у начальства. Главное воспитательное средство—чтобы питомецъ «непрестанно взираетъ на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей». Эти примѣры и наставленія воспитателей должны вселить въ него страхъ Божій, укрѣпить въ сердцѣ похвальные склонности, привить навыки къ трудолюбію, благопрістойности въ словахъ и поступкахъ, учтивости, сострадательности къ бѣднымъ и несчастнымъ, приучить къ домостроительству, къ опрятности и чистотѣ. Таковы элементы добраго воспитанія, добродѣтели прямого гражданина, полезнаго члена общества. Что касается просвѣщенія разума науками и художествами, то выборъ ихъ надобно предоставить самому питомцу, его охотѣ; его душевныя склонности здѣсь

важнѣе всѣхъ другихъ соображеній; неволей здѣсь ничего не добьешься. Но благовоспитанный гражданинъ долженъ быть и здоровымъ, живымъ человѣкомъ, съ крѣпкимъ сложеніемъ, бодрымъ духомъ и веселымъ нравомъ. Поэтому въ школѣ должны быть чистый воздухъ, здоровая пища, невинныя игры и забавы и не должно быть ничего, что нагоняетъ «скуку, задумчивость и прискорбіе».

Все это было ново и непривычно для многихъ въ прошломъ вѣкѣ и вмѣстѣ кажется все такъ легко и просто. Но простъ только планъ дѣла, а не самое дѣло. Процессъ оживленія статуи легче воспроизвести психологическимъ анализомъ, чѣмъ повторить педагогическимъ опытомъ. Ставилась трудная педагогическая проблема: по мысли Вецкаго задача педагогіи—въ юности научить тому, что должно дѣлать въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но вѣдь для этого придется либо школьную юность продлить до зрѣлыхъ лѣтъ, либо зрѣлыя лѣта начать прежде минованія юности. Въ первомъ случаѣ питомецъ переростетъ свою школу, а во второмъ—школа обгонитъ его ростъ. Слѣдуетъ воздать должное нашимъ педагогамъ прошлаго вѣка, подобнымъ Вецкому: надобно было имѣть много любви къ людямъ, много вѣры въ свое дѣло, чтобы взяться за разрѣшеніе такой задачи съ надеждой на успѣхъ. Изъ всѣхъ педагогическихъ опытовъ, исполненныхъ Вецкимъ, наиболѣе обдуманнымъ является уставъ обновленнаго имъ сухопутнаго кадетскаго корпуса съ приложенными къ нему разсужденіями. Этотъ корпусъ долженъ былъ стать образцовымъ воспитательнымъ учрежденіемъ, приспособленнымъ къ общественному и государственному положенію русскаго дворянства. Посмотримъ, какъ здѣсь разрѣшалась педагогическая задача, такъ смѣло поставленная.

Затрудненіе являлось при первомъ же шагѣ. Новое воспитаніе строилось на естественности и непринужденности, а начиналось актомъ не совсѣмъ естественнымъ и довольно насильственнымъ: 5—6-ти лѣтній ребенокъ на цѣлыя 15 лѣтъ совершенно вырывался изъ семьи. Отдавая дѣтей въ корпусъ, родители обязывались подпиской до окончанія курса не требовать ихъ

обратно «отнодь ши подь какимъ видомъ», даже во временный отпускъ. Семья должна была знать свое дѣло, поставить въ школу пустую челоѡкообразную статую со здоровыми органами чувствъ и терпѣливо ждать, когда школа воротитъ ей здороваго челоѡка съ полнымъ гуманнымъ содержаніемъ. Весь курсъ дѣлился на пять трехлѣтнихъ возрастовъ. Въ первомъ ребенка встрѣчала, взамѣнъ натуральной, педагогическая мать въ лицѣ воспитательницы. При комплектѣ возраста въ 120 челоѡкъ, у каждой воспитательницы было по 12 питомцевъ; весь возрастъ состоялъ изъ 10 педагогическихъ семей, только безъ отцовъ. Въ двухъ дальнѣйшихъ возрастахъ дѣти становились подь руководство воспитателей, педагогическихъ отцовъ безъ матерей. Составъ семей становился сложнѣе и потому число ихъ уменьшалось: во второмъ возрастѣ ихъ полагалось 8 по 15 дѣтей въ каждой, въ третьемъ 6 по 20 дѣтей. Въ двухъ послѣднихъ возрастахъ дѣти превращались въ молодыхъ людей, и семейный строй воспитанія кончался, начиналась подготовка къ обществу и къ службѣ; въ пятомъ возрастѣ кадеты по уставу должны были «зрѣло рассуждать, какое бы для себя избрать-состояніе въ обществѣ на великомъ театрѣ свѣта». При переходѣ въ четвертый возрастъ кадеты расходились на два отдѣленія: одни готовились къ военному званію, другіе—къ гражданскому. Военные кадеты соединялись не въ семьи, а въ роты, отцы-воспитатели смѣнялись командирами, ротными капитанами, поручиками-инструкторами и вмѣстѣ воспитателями, прапорщиками-учителями наукъ. У гражданскихъ кадетъ были свои руководители, общій инспекторъ для обоихъ возрастовъ и особые профессеры-воспитатели и преподаватели для того и другого возраста.

Въ образованіи кадетовъ уставъ строго различалъ воспитаніе и обученіе, разумѣя подь первымъ нравственные и практическіе навыки, подь вторымъ—теоретическія познанія. Воспитанію отдавалось рѣшительное предпочтеніе передь обученіемъ, согласно съ главною цѣлью воспитательныхъ училищъ—«не науки токмо и художества умножить въ народѣ, но и взоренить

въ нѣжныя сердца добронравіе и любовь къ трудамъ,— словомъ, новымъ воспитаніемъ новое бытіе намъ даровать и новый родъ подданныхъ произвести». Генералъ-директоръ корпуса дѣлилъ съ особымъ корпуснымъ полицеймейстеромъ специальную должность *цензора* или *наблюдателя нравовъ*, назначеніе которой—«внушать добродѣтель благородному юношеству», а учебною частью завѣдывалъ особый директоръ наукъ. Воспитатель соединялъ въ себѣ двоякое значеніе дядьки и преподавателя наукъ; но гдѣ эти значенія раздѣлялись, учительская должность ставилась ниже воспитательской. Способности уставъ цѣнить ниже нравовъ и прямо требуетъ, чтобы «прилежаніе къ наукамъ было умѣренное». Уставъ назначаетъ для изученія довольно широкій кругъ наукъ, къ которымъ прибавляетъ еще 9 художествъ, въ томъ числѣ *изваяніе* и *дѣланіе статуй*. Но обученіе, какъ и весь воспитательный порядокъ къ корпусѣ, онъ рѣзко отличаетъ отъ обыкновеннаго школьнаго. Воспитаніе въ корпусѣ, по требованію руководства, должно быть больше практическое, чѣмъ теоретическое: юношество учится больше слухомъ и зрѣніемъ, чѣмъ затверживаніемъ уроковъ. Кадету предстоитъ исполнять, что онъ выучитъ, а не обучать другихъ; потому изгоняются изъ корпуса «всѣ метафизическія матеріи, выучиваніе наизусть, — словомъ, всѣ школьныя излишества». Въ росписи наукъ по уставу значатся логика и латинскій языкъ для желающихъ; но руководство сомнѣвается въ необходимости этихъ предметовъ, какъ и метафизики для кадетовъ. Изъ корпуса должны выходить не ученые, а воины-граждане. Поэтому научный арсеналь давалъ только вспомогательныя средства для выработки дѣятельныхъ привычекъ, необходимыхъ для такого житейскаго назначенія. Главныя задачи воспитанія — укрѣпить физическія силы, привить надлежащіе практическіе навыки и нравственные склонности. Корпусное руководство прямо предписываетъ «больше тѣло пріучать къ трудамъ, нежели принуждать разумъ къ размышленіямъ и соображеніямъ». Оно учитъ, что, прежде всего, надобно въ ребенкѣ «соорудить, по правиламъ природы и

физики», крѣпкое и выносливое сложеніе, потомъ вкоренить въ душѣ его страхъ Божій, спокойствіе, самообладаніе, «изящныя мысли», вдохнуть ненависть ко всему противному чести и добродѣтели и затѣмъ практически приучить юношу «объ людяхъ разсуждать и распознавать ихъ», научить его, «что есть человекъ въ обществѣ, чего требуетъ чинъ, мѣсто или то состояніе, въ какомъ онъ находится будетъ, какъ жить съ родителями, наставниками и властителями», знать и усердно исполнять свой долгъ на всякомъ поприщѣ, проходя его «съ честью и съ общимъ удовольствіемъ». Поэтому уставъ въ учебной программѣ второго возраста рядомъ съ ариметикой и геометрией ставитъ особую науку — *уचितство и долгъ благопристойности*, а во главѣ программы четвертаго возраста — *упражненіе истиннаго христіанина и честнаго человека*. Цѣлямъ воспитанія соотвѣтствовали и его приемы. Вся методика слагалась изъ чисто-нравственныхъ средствъ. Главное изъ нихъ — добрый примѣръ воспитателей. Но примѣръ, нравственное вліяніе можетъ дѣйствовать только при встрѣчѣ съ желаніемъ подражать, съ нравственною воспримчивостью. Чтобы вызвать ее, необходимы со стороны воспитателей любовь и ласка, со стороны питомцевъ — довѣріе и почтеніе. Воспитатели больше внушаютъ, чѣмъ приказываютъ, — склоняютъ и приучаютъ, а не запугиваютъ и не принуждаютъ. Руководство порицаетъ строгій и повелительный взглядъ и голосъ, надутый видъ воспитателя, а уставъ запрещаетъ суровое обхожденіе съ дѣтьми и предписываетъ даже необходимую въ военномъ быту строгость соединять съ пріятностью, «чтобы не произвести въ юношахъ вредительныхъ воображеній страха». Выговоры слѣдуетъ дѣлать дѣтямъ «безъ свирѣпства и злобы»; *урюмные педанты, сощрытые школьные учителя* въ воспитатели не годятся; педантизмъ, замѣчаетъ руководство, есть суцая пагуба воспитанію юношества. Бывшіе прежде въ практикѣ корпуса побой безусловно воспрещаются, потому что ими, по замѣчанію руководства, добродѣтели произвести невозможно: она дщерь кротости, любви и почтенія къ родителямъ, наставникамъ и

знаемымъ. Уставъ вообще не допускаетъ тѣлесныхъ наказаній въ корпусѣ «отнодь ни въ какомъ случаѣ»; кадеты не должны были ни испытывать, ни даже видѣть ни такихъ наказаній, ни другихъ примѣровъ строгости. Въ этомъ отношеніи русскій педагогъ превосходилъ даже самого Локка, который въ иныхъ случаяхъ разрѣшалъ побой. Самый видъ неволи не былъ терпимъ въ заведеніи: по уставу никому въ корпусѣ не позволялось ни подъ какимъ видомъ имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ. Руководство предписываетъ составить для корпуса особый уставъ о наказаніяхъ на основаніи той главы *Esprit des lois* Монтескье, гдѣ главнымъ карательнымъ орудіемъ признается собственный стыдъ виновнаго. Никогда ни въ какомъ женскомъ воспитательномъ заведеніи педагогія не предписывала болѣе осторожнаго, заботливаго и деликатнаго обращенія съ сердцемъ и впечатлѣніемъ воспитываемаго существа, чѣмъ какое предписывалось въ этомъ сухопутномъ шляхетномъ питомникѣ русскихъ офицеровъ-гражданъ. И какъ вѣнецъ столь заботливыхъ и челоуѣколюбивыхъ педагогическихъ усилій, автору руководства грезится въ отдаленной житейской перспективѣ образъ подготовленнаго въ корпусѣ война-гражданина, искуснаго въ политической экономіи и законахъ своего отечества, «такъ чтобы генералъ, одержавъ побѣду, могъ рѣшить судное дѣло въ сенатѣ, распорядить теченіе доходовъ, поправлять земледѣліе, исполнять должность генералъ-полицеймейстера, чтобъ изъ военной коллегіи или другого правительственнаго учрежденія паки могъ ѣхать въ поле предводительствовать арміею и при назначеніи на сіи должности не было бы нужды разбирать время и особы». Очевидно, величавыя фигуры Сципіоновъ и Метелловъ мелькали при этомъ въ воображеніи русскаго педагога; можетъ-быть мелькнули бы и фигуры Воротынскихъ и Пожарскихъ, еслибы недавняя московская старина была знакома ему такъ же, какъ отдаленная римская.

Остаповимся одну минуту на этомъ великолѣпномъ педагогическомъ построеніи. Въ основѣ его явственно выступаютъ двѣ

великія теоремы вѣка, выразившіяся терминами *человѣчество* и *добродѣтель*. Человѣчество представлялось полемъ дѣятельности для благовоспитаннаго сердца, добродѣтель — ея стимуломъ и содержаніемъ. Человѣчество, какъ его понимали въ XVIII вѣкѣ, конечно, не можетъ быть практическимъ полемъ какой-либо дѣятельности: это — на половину историческая идея, на половину философское умозрѣніе; въ немъ больше воспоминаній и чаяній, чѣмъ практическихъ, уловимыхъ условий, вызывающихъ и направляющихъ какую-либо дѣятельность. Наши педагоги прошлаго вѣка, стараясь упростить и приблизить эту идею къ конкретному пониманію, реализировали ее въ понятіе *общества* или *отечества*, — не исторической и географической Россіи, а отвлеченнаго, алгебраическаго отечества. Точно также и добродѣтель, философская добродѣтель XVIII вѣка — это академическое понятіе и много-много нравственный идеаль. Это больше настроеніе, чѣмъ программа, — не столько указка для воли, сколько способъ измѣренія температуры сердца. Моралисты прошлаго вѣка, которыхъ особенно любили наши педагоги, такъ и опредѣляли добродѣтель какъ функцію сердца, а не воли, говоря, что это есть «чувство, умонаклоненіе къ добру, любовь къ человѣчеству». Она не задавала никакихъ исторически-нужныхъ и практически-разрѣшимыхъ задачъ, могла указывать направленіе дѣятельности, но не быть ея цѣлью. Это своего рода виллемская звѣзда, которая вела волхвовъ, но вела не къ себѣ самой, не была концомъ пути, который указывала. Отвлеченная идея человѣчества мучила живое историческое чутье родины, а отъ холодной мысли о схематической добродѣтели застывала живая нравственная потребность простого добраго дѣла. Гуманный космополитъ созерцалъ небесную механику и не замѣчалъ исторіи и географіи, могъ съ размѣреннымъ вздохомъ скорбѣть о противорѣчіяхъ мірозданія, даже граціозно плакать стереотипными слезами о страданіяхъ человѣчества, и не утереть ни одной конкретной, неопытной слезы, встрѣченной на улицѣ. Въ такомъ міросозерданіи нравственное чувство разлагается въ формулы, мораль замѣняется кодексомъ

правиль, побужденія — принципами, какъ музыкальные мотивы разыгрываются въ механическія мускульныя движенія пальцевъ. Эти формулы, правила и принципы въ прошломъ вѣкѣ и пытались посредствомъ закрытаго школьнаго воспитанія разучить въ благовоспитанные навыки; но такъ какъ эти навыки прививались безъ самыхъ предметовъ, къ которымъ они относились, то они превращались въ безпредметныя чувствованія, въ простую гимнастику сердца. Оторванная отъ семьи, воспитательная школа ставила себѣ задачей научить питомцевъ любить и почитать родителей и знаемыхъ, но научить любить ихъ безъ нихъ самихъ: для кадета Васильевскаго Острова или для узницы Смольнаго монастыря родители и ближайшіе знакомые, братья и сестры, на которыхъ, прежде всего, пробуешь свои силы маленькое сердце, въ продолженіе многолѣтняго педагогическаго плѣна превращались въ печальныя тѣни, бродяція гдѣ-то въ полузабытой глуши Щигровскаго или Мокшанскаго уѣзда. Навыки въ обѣихъ системахъ воспитанія почти одни и тѣ же: это — привычка къ труду, смиренію, кротости, повиновенію, состраданности, опрятности и чистотѣ и даже къ невысокому взгляду на книжную мудрость, научное знаніе, которое и Локкъ считалъ самою маловажною вещью въ воспитаніи. Могутъ подумать: какъ, стало-быть наши педагоги надѣялись по правиламъ Монтэни, Локко и Руссо создать новую породу людей, непохожихъ ни на отцовъ, ни на матерей, и не догадывались, что въ этой репетиціи шестого дня міротворенія они реставрировали уже знакомыхъ намъ автоматовъ древней Руси, т.-е. только переодѣвали въ повенское модное платьице старую педагогическую куклу попа Сильвестра? — Нѣтъ, не совсемъ такъ, и даже не слѣдуетъ такъ выражаться. Нравственные навыки, какіе вырабатывались обоими воспитаніями, были довольно сходны; но они прививались не къ одинаковымъ силамъ души человѣческой. Древнерусская педагогія *Домостроя* выбивала автоматическую *совѣсть*, а педагогія XVIII вѣка, говоря ея словами, сооружала, по правиламъ природы и физики, автоматическое *сердце* съ безпредметною дѣятельностью, съ чувствомъ вѣчно дѣйствующимъ

щимъ и ничѣмъ не питаемымъ. Въ древнерусской домашней дѣтской старались такъ направить человѣка, чтобъ онъ и съ завязанными глазами зналъ куда идти, а питомецъ закрытой философской школы, еслибъ онъ удался, былъ бы похожъ на человѣка, который, вышедши изъ дому съ желаніемъ пройтись, не знаетъ, куда идти, и потому вертится вокругъ самого себя, не двигаясь съ мѣста.

Такое движеніе безъ цѣли, хотя и съ направленіемъ — не только историческая ненужность, но и психологическая невозможность, хотя въ тотъ вѣкъ вообще расположены были вводить механику даже туда, гдѣ, казалось бы, должны дѣйствовать иные законы движенія. Дидро однажды писалъ Екатеринѣ II о томъ, какъ легко побѣдить два затрудненія, мѣшавшія устройству учебнаго дѣла въ Россіи, — недостатокъ учебниковъ и отсутствіе подготовленныхъ преподавателей: стоить только заказать русскимъ академикамъ и иностраннымъ ученымъ необходимые учебники, потомъ перевести ихъ на русскій языкъ, и тогда по нимъ всякій грамотный русскій будетъ въ состояніи преподавать какую угодно науку. Значить автоматъ-воспитаникъ посредствомъ автомата-наставника! И Бецкій предвидѣлъ оба затрудненія и также надѣялся легко сладить съ ними; но его надежда не оправдалась, — новую породу людей сотворить не удалось, — и печальнымъ пророчествомъ звучитъ его замѣчаніе въ *Разсужденіяхъ*, что если, «по несчастію», не найдутся дядьки и учителя, искусные въ наукахъ и способные во всемъ служить примѣромъ для юношества, «тщеты будутъ все предписанія и все старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ». Теперь не время рассказывать, какъ случилось это несчастіе съ русскою педагогіей прошлаго вѣка, какъ неудовлетворительно была исполнена ея воспитательная программа: пришлось бы рассказывать о затрудненіяхъ и недоразумѣніяхъ, которыя могутъ показаться не столько прискорбными, сколько забавными, а въ серьезномъ дѣлѣ воспитанія ничто не должно казаться забавнымъ. Но эта неудача имѣла свое историческое оправданіе. Представимъ себѣ на минуту, что планъ Бецкаго удался,

что изъ его воспитательнаго училища вышли кадеты или институтка, выправленные вполнѣ по правиламъ его педагогикѣ, усвоившіе себѣ добродѣтель, какъ автоматическій моціонъ нравственнаго чувства: съ своимъ сердцемъ, готовымъ обливаться кровью при видѣ каждаго цвѣтка, сорваннаго и брошеннаго на дорогѣ, что стали бы дѣлать, какъ почувствовали бы себя онъ и она въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, среди тогдашнихъ условій русской жизни? Это было бы еще не самое худшее, еслибъ изъ него вышелъ тоскующій говорунъ Чацкій, кончившій рѣшимостью искать по свѣту уголка, который бы пріютилъ его бездомное оскорбленное чувство. Гораздо хуже, еслибъ изъ нея вышелъ живой оригиналъ *Видной Лизы* Карамзина, въ печальной судьбѣ которой только и было русскаго, историческаго, что тотъ прудъ, въ которомъ, по волѣ автора, утонуло это красивое изваяніе изысканной чувствительности.

Планъ школы Бецкаго не былъ соображенъ ни съ ея наличными педагогическими средствами, ни съ историческимъ складомъ окружавшей ее дѣйствительности, и эта двойная несообразность, разстроивая школу, спасала общество. Программа этой школы подкупаетъ своею задушевностью, вѣрой въ природу человѣка, любовью къ дѣтямъ и поучительна самими своими ошибками. Она рисовала планъ теплицы воспитанія, педагогическаго зимняго сада среди сѣвернаго русскаго лѣса: это было излишество не по климату, культурная роскошь. Такъ и смотрѣли на школы Бецкаго опытные педагоги-современники, прямо сопоставляя ихъ съ затѣйливыми оранжереями въ тогдашнихъ помѣщичьихъ усадьбахъ. Идеи, на которыхъ онѣ были построены, не пропали безслѣдно, сослуживши важную службу нашему образованію; но это было внѣ школы. Онѣ воспитательнѣе подѣйствовали на взрослыхъ, чѣмъ на дѣтей, заставивъ первыхъ позаботиться и подумать о послѣднихъ, о чемъ они не любили заботиться и думать. А вѣдь одна изъ великихъ заслугъ педагогички въ томъ, что она заставляетъ взрослыхъ думать о дѣтяхъ. Педагогія — не нянька, а утренній будильникъ:

слово дано ей не для того, чтобы, укачивая чужого ребенка, усыплять свою мысль, а для того, чтобы будить чужую. Опытъ Бецкаго убѣдилъ, что въ дѣлѣ воспитанія школа не можетъ оторваться отъ семьи, какъ опытъ древней Руси показалъ, что школѣ трудно и небезопасно слиться съ семьей. Семья и школа—не сожительницы и не соперницы; это—сосѣдки и сотрудницы. Школа не можетъ замѣнить семьи, какъ и семья не можетъ обойтись безъ школы. У той и другой свое особое воспитательное дѣло. Въ воспитаніи различаются два дѣла: одно—развитіе и выправка индивидуальныхъ особенностей личныхъ свойствъ и наклонностей человѣка, другое—выработка общаго типа, прививка тѣхъ общеобязательныхъ правилъ, понятій и интересовъ, изъ которыхъ слагается культура времени и которые дѣлаютъ разнохарактерныя личности способными къ дружному общежитію. Школа Бецкаго брала на себя оба эти дѣла и на первомъ даже настаивала съ особенною силой, какъ на своей прямой и сильной задачѣ. Но эта школа потому не сдѣлала и своего дѣла, что бралась еще и за чужое. Школьный наставникъ въ каждой изъ сорока устремленныхъ на него паръ дѣтскихъ глазъ не можетъ прочесть тѣхъ маленькихъ чувствъ и помысловъ, отъ которыхъ она вчера вечеромъ, смотря въ учебную книжку, туманилась или загоралась, не можетъ уловить того уголка зрѣнія, подъ которымъ она привыкаетъ смотрѣть на людей и вещи; это могутъ подкараулить только отецъ и особенно мать. Подъ роднымъ кровомъ дитя получаетъ то, чего не можетъ дать школа; школа должна ему дать то, чего оно не находитъ дома. Дома оно привыкаетъ понимать и любить *своихъ*, въ школѣ приучается жить съ *чужими* и, примѣняя къ нимъ привычку понимать и любить, выработанную на родныхъ объектахъ, учится превращать чужихъ въ своихъ *близкихъ*. Школа Бецкаго поступала прямо наоборотъ: вырвавъ ребенка изъ родной среды, она на близкихъ чужихъ приучала его любить покинутыхъ родныхъ. Это очень трудно, если только возможно. Но семья никогда не откажется отъ своего воспитательнаго дѣла, не захо-

четь превратиться въ простую кустарную мастерскую, вырабатывающую педагогическое и рекрутское сырье для школы и казармы.

За то въ педагогическихъ уставахъ и разсужденіяхъ Бецкаго впервые у насъ если не высказывается, то съ такою настойчивостью проводится правило, за которое одно отпустится ему тысяча его педагогическихъ грѣховъ, логическихъ промаховъ и психологическихъ недосмотровъ: это—требованіе, чтобы воспитатели относились къ дѣтямъ «съ кротостію, учтивствомъ и любовію», всегда хранили при нихъ веселый видъ и въ нихъ поддерживали «бодрый духъ и веселый нравъ». Гдѣ этого нѣтъ, тамъ теперь не можетъ быть никакой педагогіи, никакой школы, а есть только казарма для малолѣтнихъ преступниковъ, даже не исправительная, а просто карательная.

Таковы выводы, какіе умѣю я извлечь изъ описанныхъ воспитательныхъ опытовъ; выводы болѣе глубокіе подскажутъ вамъ ваша опытность и ваша любовь къ дѣтямъ. Но каковы бы ни были наши педагогическіе опыты и наблюденія, мы не откажемся отъ сейчасъ указаннаго правила Бецкаго: материнское чувство поддержитъ его даже тогда, когда въ немъ колеблется отцовская мысль. Въ *Домострой* священника Сильвестра есть очень сильное мѣсто, гдѣ наставникъ убѣждаетъ дѣтей покорять родителей въ старости, не забывать труда отцова и матерняго, помнить, что они никогда и ничѣмъ не сдумѣютъ заплатить своего дѣтскаго долга, потому что не могутъ родить своихъ родителей, никогда не испытаютъ для нихъ тѣхъ болей, какими они болѣли за своихъ дѣтей. Современные отцы и матери едва ли потребуютъ уплаты долга съ своихъ дѣтей въ такихъ выраженіяхъ; но, по крайней мѣрѣ, за мать теперь можно сказать современнымъ дѣтямъ: она готова была умереть за васъ, прежде чѣмъ вы родились; вы обязаны жить для нея, пока она жива. Если дѣти сердцемъ усвоятъ себѣ смыслъ стараго домостроевскаго совѣта, сами собой явятся веселый видъ старшихъ, бодрый духъ и веселый нравъ младшихъ, а учитель и учительница помогутъ тѣмъ и другимъ, за-

ронять въ дѣтскій умъ побольше здравыхъ мыслей и знаній, въ сердце—побольше добрыхъ чувствъ, въ учебный ра-
нецъ — взамѣнъ иностранныхъ учебниковъ — побольше весе-
лыхъ, благодарныхъ воспоминаній. Намъ нѣтъ нужды опа-
саться, что жизненный путь нашихъ дѣтей по выходѣ изъ
школы будетъ скудно усыпанъ печалю. У нашей молодежи
того и другого пола много сердца, а было бы сердце,—печали
найдутся.

В. Ключевскій.

Т. Н. Грановскій *).

Человѣку свойственно стремленіе подняться надъ своею огра-
ниченною, мелкою жизнью, примкнуть къ высшему цѣлому,
болѣе долговѣчному и значительному, пожертвовать этому цѣ-
лому своими интересами и силами. Народъ и церковь, госу-
дарство и городъ, сословіе и семья, даже хозяйственныя, ли-
тературныя, военныя соединенія сдерживаютъ личный эгоизмъ
и, въ то же время, раздвигаютъ рамки человѣческаго суще-
ствованія.

Но нельзя не замѣтить въ людяхъ и другого, какъ бы обрат-
наго, стремленія. Если отдѣльная личность живетъ не только
въ себѣ, но и въ обществахъ, къ которымъ принадлежитъ, то,
съ другой стороны, общественная связь тогда становится осо-
бенно сильною и обязательною, когда она перестаетъ быть от-
влеченнымъ, расудочнымъ, безличнымъ понятіемъ: у людей
есть средство придать ей горячую жизненность,—они постоян-
но стремятся «воплотить» государство, народъ, могущественную
корпорацию въ лицѣ вожаковъ или руководителей. Языческіе
боги, человѣкообразныя представители силъ природы, пали, но
«представительные» люди, герои, появляются и теперь, и не
только для того, чтобы стать во главѣ войска или правитель-
ства: всякая организованная общественная сила, которая обна-
ружила свое значеніе и жизненность, навѣрное, выставила

*) Публичная лекція, читанная 11 февраля въ пользу Комитета грамот-
ности.

такихъ великихъ людей, къ которымъ обращается ея гордость, въ личности которыхъ живутъ ея духъ и стремленія.

Россія не особенно богата такими организованными общественными силами: сама географія позаботилась о томъ, чтобы общество вышло гладкое. На громадной русской равнинѣ естественно сложились единое государство и единая церковь, которыя подавили второстепенныя группы. Тѣмъ болѣе важны и дороги тѣ соединенія, которыя проявили самостоятельную жизнь и дѣятельность подъ охраной общихъ политическихъ условій: безъ нихъ общество рисковало бы впасть въ мертвенное однообразіе. Однимъ изъ такихъ сильныхъ союзовъ, которые имѣютъ свою славную исторію и оказали благотворное вліяніе на исторію отечества, является Московскій университетъ. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ, университетъ—учрежденіе государственное, составленное правительствомъ по извѣстнымъ правиламъ и руководимое состоящими на общей государственной службѣ лицами. Но всякій настоящій университетъ опирается еще на другое основаніе для своей дѣятельности: онъ служитъ наукѣ, а наука имѣетъ свои правила и законы, никакому государству не подвѣдомственные. Московскій университетъ въ теченіе почти полуторавѣковаго существованія потому и сталъ такимъ виднымъ и авторитетнымъ учрежденіемъ, что въ немъ сложилась и держалась самостоятельная научная традиція. Могущественному государству Русскому, конечно, нечего было опасаться подобной самостоятельности,—оно только выигрывало отъ того, что въ его средѣ образовалось соединеніе, оказавшее безкорыстное, благородное, идеалистическое вліяніе на своихъ членовъ.

Въ исторіи своей Московскій университетъ прошелъ черезъ различные періоды, не всѣ одинаково благоприятные и славные; имѣлъ онъ за свое долгое существованіе много болѣе или менѣе достойныхъ представителей, но едва ли мы ошибемся, сказавъ, что въ общемъ мнѣніи лучшую эпоху въ жизни университета были 40-е годы нашего вѣка и что въ эту эпоху самымъ достойнымъ и блестящимъ представителемъ корпораціи былъ

Грановскій. Слышались иногда и протесты противъ такой оцѣнки, но протесты единичные. Если даже предположить, что и время, и герой подвергались нѣкоторой идеализаціи со стороны потомства, что придирчивая критика могла бы тамъ и сямъ поубавить восхваленій, въ основаніи фактъ останется непоколебленнымъ. Къ подобному возвеличенію всего лучше приложима пословица: гласъ народа—гласъ Божій. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ крайне важнымъ и характернымъ моментомъ въ жизни университета, имѣемъ дѣло съ личностью, которая, во всякомъ случаѣ, удовлетворила главнымъ изъ требованій, предъявляемыхъ русскимъ обществомъ къ профессору. Мнѣ хотѣлось бы не изложить передъ вами біографію Грановскаго,—это превосходно сдѣлано А. В. Станкевичемъ,—а отмѣтить наиболѣе характерныя черты его дѣятельности, какъ историка, преподавателя, университетскаго дѣятеля и, наконецъ, участника русской общественной жизни.

Надо признаться, что знаменитый профессоръ попалъ на московскую кафедру въ значительной степени благодаря случайности. Въ молодости его чуть не сгубила безпечность отца, который совершенно не заботился о его воспитаніи. Да и впоследствии юридическій факультетъ Петербургскаго университета, на который онъ поступилъ, ничего ему не далъ для будущей дѣятельности, и что онъ пріобрѣлъ въ студенческіе годы, то пріобрѣлъ самостоятельнымъ и безпорядочнымъ чтеніемъ по исторіи и философіи. Выходъ былъ прямой—въ чиновники, и Грановскій начинаетъ службу секретаремъ гидрографическаго департамента при морскомъ министерствѣ. Надо думать, что онъ, во всякомъ случаѣ, не удовлетворился бы канцелярскою работою и повышеніями, но трудно сказать, какимъ путемъ пошло бы его дальнѣйшее развитіе, еслибы его не намѣтилъ, какъ и многихъ другихъ выдающихся людей того времени, графъ Строгановъ. Въ помѣщики онъ тоже не годился, для журналистики у него не хватало задора и смѣлости. Какъ бы то ни было, въ 1837 г. онъ былъ командированъ за границу и тутъ, въ сущности въ два года, положилъ основаніе своему

историческому образованию. Повторяю, онъ уже раньше читалъ много, преимущественно французскихъ и англійскихъ историковъ—Тьерри, Гизо, Мишле, Гиббона, Юма, но за два года пребыванія въ Германіи онъ уже не собиралъ свѣдѣній только, а вырабатывалъ основы своего научнаго міровоззрѣнія. Этимъ основамъ онъ остался вѣренъ и впоследствии, хотя постоянно слѣдилъ за литературой, пополнилъ пробѣлы и совершенствовался. Во всякомъ случаѣ, у него не произошло тѣхъ рѣзкихъ перемѣнъ въ образѣ мыслей и основныхъ построеній, которыя имѣли мѣсто въ жизни многихъ ученыхъ. Эта цѣльность его умственной личности много облегчаетъ ея изученіе.

Какъ свѣтовые лучи собираются въ фокусѣ человѣческаго глаза, такъ въ головѣ мыслителя сосредоточиваются и своеобразно преломляются лучи идей, которые падаютъ на него съ разныхъ сторонъ, изъ различныхъ умственныхъ центровъ его времени. Особенность Грановскаго, какъ историка, выясняется, когда мы познакомимся съ его отношеніемъ къ пяти-шести руководящимъ школамъ первой половины нашего вѣка.

Исторія еще не такъ давно подверглась полному превращенію. Изъ второстепенной разновидности изящной литературы она сдѣлалась вдругъ великою общественною наукой, и косвенный толчокъ къ этому былъ данъ переворотомъ въ концѣ XVIII вѣка. Французская революція оказалась какимъ-то колоссальнымъ и произвольнымъ опытомъ, произведеннымъ надъ европейскими порядками и учрежденіями. Значительная часть ихъ рушилась, но не менѣе значительная обнаружила совершенно непредвидѣнное сопротивленіе. Оказалось, что, кромѣ расчета и устройства, приходится принимать во вниманіе въ политикѣ привычки, инстинкты, наслѣдственность, преемственность. Все это отсылало къ изученію исторіи, и XIX вѣкъ принялся за это изученіе съ энергіей, о которой не помышляли вѣка предшествовавшіе. Прежде всего, выдвинулось подъ этими вліяніями ученіе о *своеобразности* историческихъ формъ. XVIII вѣкъ разсуждалъ о единомъ и отвлеченномъ чловѣкѣ, XIX сталъ присматриваться къ особенностямъ государствъ, народовъ, клас-

совъ и лицъ. Это сказалось на отношеніи къ самой передачѣ фактовъ. Нибуръ, а вслѣдъ за нимъ и Ранке исходили изъ наблюденія, что всякій рассказъ о событіяхъ своеобразенъ, т.-е. налагаетъ на событіе извѣстную окраску, которую надо опредѣлить и устранить, чтобы добраться до истины. Отсюда пошла историческая критика, перекрестный допросъ свидѣтелей, который иногда, особенно въ рукахъ Нибура, приводилъ къ совершенному крушенію общепринятыхъ взглядовъ на событія.

Молодой русскій, вступившій въ Берлинскій университетъ, прямо встрѣтился тамъ съ критическимъ направленіемъ въ лицѣ Ранке. Онъ принялъ участіе въ упражненіяхъ по разбору источниковъ, изъ которыхъ вышло столько первоклассныхъ нѣмецкихъ историковъ, слушалъ и лекціи Ранке и посылалъ высокое значеніе этого учителя, что далеко не вѣзмъ удавалось. О лекціяхъ по исторіи французской революціи онъ писалъ: «Я ничего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ; ни Тьеръ, ни Мише не могутъ сравниться съ Ранке. У него такой простой, не натянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно. Ранке, безспорно, самый гениальный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ» (біографія, стр. 72). Но, поучаясь самой техникѣ исторической работы, удивляясь трезвости взгляда Ранке, Грановскій не въ состояніи былъ слѣдовать за нимъ безусловно и не сдѣлался его ученикомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Когда Ранке отъ предварительной критики переходилъ къ комбинаціямъ фактовъ, къ указанію ихъ внутренняго смысла, онъ не вполне удовлетворялъ нашего молодого ученаго. «Его главное достоинство, — говорилъ Грановскій студентамъ въ 1843 году, — состоитъ въ живомъ характеровъ: лица воскресаютъ у него. Другая характеристичная черта его состоитъ въ критическомъ тактѣ, въ выборѣ и отдѣленіи истиннаго отъ ложнаго. Въ немъ есть и замѣчательные недостатки: неестественный слогъ, и онъ увлекается страстью къ характеристикамъ. Преслѣдуя историческое лице, онъ выискиваетъ изъ вида общую идею».

Отношеніе Грановскаго къ дѣлу еще болѣе выясняется, если отъ Ранке перейти къ Нибуру, истинному родоначальнику критическаго направленія. Біографическій очеркъ, напечатанный въ *Современникѣ* 50-го года, начинается такъ: «Съ именемъ каждаго, оставившаго прочный слѣдъ въ литературѣ, писателя мы привыкли соединить какое-нибудь представленіе, характеризующее особенности его таланта. Такого рода представленія и выражающіе ихъ постоянные эпитеты не всегда бываютъ справедливы. Кто скажетъ, наиримѣръ, почему при имени Нибура неизбежно приходитъ въ голову мысль о сухой, разрушительной критикѣ, отвергающей поэтическія преданія древняго Рима? Пора бы, кажется, свести итогъ всѣхъ этихъ явленій и представить вѣрный отчетъ о заслугахъ Нибура въ наукѣ, снять съ него странное обвиненіе въ скептицизмѣ и показать, сколько было положительнаго въ его выводахъ и сколько поэзіи въ его воззрѣніи на исторію» (соч. II, 7—8). Выясняя положительную сторону работы Нибура, Грановскій обращался по преимуществу не къ утомительнымъ изслѣдованіямъ великой *Римской исторіи*, а къ живымъ очеркамъ нибуровскихъ лекцій. Тамъ онъ находилъ симпатичныя для себя черты. «Нибуръ былъ одаренъ необыкновенною способностью переноситься въ прошедшее не только воображеніемъ, но личнымъ участіемъ. Въ этомъ заключается творческая, чисто-поэтическая сторона его таланта. Когда онъ начиналъ говорить о какомъ-либо значительномъ лицѣ греческой или римской исторіи, онъ тотчасъ извлекалъ изъ своей изумительной памяти всю современную обстановку, припоминая малѣйшія подробности и отношенія, и становился самъ въ ряды горячихъ приверженцевъ или враговъ описываемаго лица. О немъ можно безъ преувеличенія сказать, что онъ пережилъ сердцемъ борьбу всѣхъ великихъ партій Греціи и Рима» (соч. II, 49). Такимъ образомъ, указана была необходимость пополнить односторонность критическихъ работъ, въ самой дѣятельности творца критическаго метода подчеркнута положительное творчество. Являлся, однако, вопросъ: есть ли эта созидаящая работа слѣд-

ствіе только художественной силы писателя, его личнаго поэтическаго дарованія, его обширнаго знакомства съ жизнью и способности представлять себѣ прошедшее какъ настоящее, или можно установить формулы, правила общаго характера, которыя выводили бы къ истинѣ и дѣятелей менѣе одаренныхъ, обеспечивали бы научную доказательность построеній?

Рядомъ съ Нибуромъ и Ранке стояли другіе корифеи исторической науки, которые подробнѣе формулировали поученіе, данное XIX вѣку опытомъ французской революціи. По мнѣнію Савиньи и Эйхгорна, исторія раскрываетъ не только своеобразность историческихъ формъ, но и основное начало ихъ развитія. Начало это—безсознательный органическій ростъ. Мало сказать, что люди не похожи другъ на друга, что нельзя говорить о человѣкѣ вообще. Люди стали не похожи, обособились въ племена, народы и государства не подъ вліяніемъ угворовъ или сознательныхъ рѣшеній, или преднамѣренныхъ расчетовъ, или открытій законодателей, а въ силу медленнаго вліянія условій, стихійнаго творчества народной массы, которая приспособляется къ условіямъ, и, наконецъ, давленія наслѣдственности, которое съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все растетъ и все болѣе стѣсняетъ область сознательнаго измѣненія. Какъ слагается языкъ, такъ создаются право и учрежденія: при появленіи народа въ исторіи вырабатывается извѣстный складъ, основа, народный характеръ, съ которымъ волей или неволей согласуется послѣдующее. Признавая безконечную силу исторической преэметственности, школа Савиньи естественно сдѣлалась школой историческаго консерватизма. Грановскій сочувствовалъ протесту противъ отвлеченной разсудочности XVIII в. и глубоко усвоилъ ученіе объ органическомъ ростѣ народной личности, но онъ не расположенъ былъ останавливать этотъ ростъ слишкомъ рано и не признавалъ, чтобы народъ находился въ теченіе всей своей дѣятельности подъ роковымъ и неизбежнымъ вліяніемъ привычекъ, прибрѣтенныхъ въ его младенчествѣ. Полное уподобленіе государственныхъ формъ и права съ языкомъ казалось ему сильно преувеличеннымъ. Вообще,

признавая заслугу направления для выясненія идеи исторической преемственности, онъ считалъ необходимымъ отмѣтить и противоположное вліяніе — постоянную и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сознательную работу каждаго поколѣнія надъ матеріальными условиями. Если растеть бремя наслѣдственности, то растеть и сила сознательнаго воздѣйствія; въ борьбѣ того и другого и состоитъ исторія. Своимъ университетскимъ слушателямъ Грановскій выразилъ это, между прочимъ, такъ: «Глубоко знакомые съ памятниками древности, съ постепеннымъ развитіемъ права, они по чувству весьма извинительному пристрастились къ этой старинѣ, не допускали никакого уклоненія отъ прошедшаго. Главный упрекъ, который можно сдѣлать этимъ корифеямъ исторической школы и ихъ приверженцамъ, заключается въ томъ, что они хорошо понимали прошедшее, но не понимали настоящаго и будущаго» (курсъ 1843—44 гг.).

Естественный противѣсъ одностороннему консерватизму школы Савиньи нашель нашъ ученый въ трудахъ французскихъ либеральныхъ историковъ. Тьерри, Гизо, Мишле самостоятельно выработали историческую литературу, которая могла поспорить съ нѣмецкою по достоинству и вліянію на умы. «Никогда французская исторіографія не стояла такъ высоко», свидѣтельствоваль Грановскій. Отличительною чертой, проходившею во всѣхъ ея произведеніяхъ, были интересъ къ современности, надежды на будущее и желаніе повліять на его теченіе, попытки объяснить современность какъ результатъ издавна подготовленныхъ движеній, въ частности — изученіе исторической филіаціи либеральныхъ началъ, которыя оказывались совсѣмъ не продуктомъ внезапной вспышки XVIII столѣтія, совсѣмъ не результатомъ умозрѣній одного или двухъ поколѣній. Гизо выясняль историческій ростъ представительной системы и противоположность въ развитіи Англии и Франціи, — противоположность, глубоко отразившуюся въ ихъ современномъ положеніи; Тьерри углубился въ изученіе среднихъ классовъ и въ особенности въ исторію городского строя, ихъ воспитавшаго; Мишле возсоздалъ съ художественною силой культурную исто-

рію французскихъ народныхъ массъ. Много разъ отозвалось въ позднѣйшей дѣятельности Грановскаго вліяніе французской школы. Успѣхъ французовъ онъ прямо приписываль оживляющему вліянію великихъ историческихъ событій, совершившихся на ихъ глазахъ. На публичныхъ лекціяхъ 1845 года онъ сказалъ про *Lettres sur l'histoire de France*: «тамъ находится нѣсколько писемъ объ освобожденіи городовъ, — это лучшее мѣсто у Тьерри и можетъ-быть лучшее во всей исторической наукѣ».

Въ концѣ 30-хъ и началѣ сороковыхъ годовъ Грановскій замышляль и подготовляль обширную работу о городѣ въ древней, средней и новой исторіи. Планъ не осуществился, но и въ томъ, что осуществилось, многое объясняется духовнымъ общеніемъ съ французскими учеными. Докторская диссертация объ аббатѣ Сугеріи составлена и проведена въ духѣ Тьерри, и именно его *Писемъ о французской исторіи*. Замѣтно и вліяніе Гизо, которое также отразилось на средневѣковыхъ курсахъ русскаго профессора и на публичномъ его курсѣ 1845—46 года. Послѣдній представляетъ однако, въ то же время, поучительный контрастъ съ курсами Гизо: онъ гораздо менѣ схематиченъ, чѣмъ *Исторія цивилизаціи во Франціи* или *Исторія представительныхъ учрежденій*, больше обращаетъ вниманія на явленія духовной жизни, которая у Гизо, какъ извѣстно, ступенькалась передъ жпзьюю политическою. Построеніе не такъ ясно и стройно, но за то цѣлостнѣе, разнообразнѣе. Грановскій не любилъ «рѣзать по живому», какъ онъ самъ выражался, и потому избѣгалъ рубрикъ и рѣзкаго дробленія на періоды и стороны предмета. Его сочувствіе къ французамъ не мѣшало ему, такимъ образомъ, относиться къ нимъ самостоятельно.

Нормою всѣхъ отдѣльныхъ несогласій, онъ не находилъ у нихъ одного капитальнаго условія, которое уже вступило въ историческую науку и вполне оцѣнено было Грановскимъ въ своемъ значеніи. Историческія работы критической, консервативной, либеральной школы далеко двинули изученіе отдѣль-

ныхъ историческихъ явленій, эпохъ, народовъ. Онъ подготовлялъ и крупныя обобщенія: ученіе объ исторической своеобразности, объ органической преемственности, о народномъ духѣ или характерѣ, объ эволюціи сословно-представительныхъ учреждений—далеко выходили за предѣлы разрозненныхъ и случайныхъ наблюденій. Но какъ ни широки были эти обобщенія, они не давали достаточныхъ основаній для систематическаго ученія о жизни человѣчества. А между тѣмъ за такимъ ученіемъ обращалось къ исторіи образованное общество, и попытки такого общаго построенія были сдѣланы въ Германіи. Гегель далъ философскую формулу, которая должна была объяснить все мірозданіе—и природу, и исторію. Онъ провелъ черезъ всѣ формы жизни законъ діалектическаго развитія, по которому всякое опредѣленіе или утвержденіе вызываетъ сначала противоположное утвержденіе или опредѣленіе, а затѣмъ объ крайности примиряются на третьемъ, объединяющемъ и высшемъ опредѣленіи, которое, въ свою очередь, становится исходнымъ пунктомъ подобнаго же процесса. Основанія такого движенія идеи Гегель находилъ въ логикѣ, въ человѣческомъ мышленіи, но законы этого мышленія считалъ основными и для всей внѣшней природы, которая есть тоже проявленіе духа, мысли божественной. Въ исторіи съ этой точки зрѣнія не было безпорядка и случайности. Въ ней проглядывала необходимая послѣдовательность идей, носителями которыхъ являлись народы и поколѣнія. Идеи эти возникаютъ, отталкиваются, побѣждаютъ другъ друга, примиряются въ высшихъ опредѣленіяхъ не подобно съ случайною встрѣчей и силой ихъ носителей, а по своему внутреннему значенію, по требованіямъ діалектической послѣдовательности развитія. Эта смѣлая и стройная теорія оказала громадное влияние на жизнь XIX вѣка, и можно сказать, что нигдѣ это влияние не было такъ сильно, какъ въ Россіи. Русскіе мыслители болѣе всѣхъ другихъ требовали у науки полныхъ и общихъ рѣшеній. Они нетерпѣливо относились къ техникѣ отдѣльныхъ наукъ, не хотѣли затериваться въ частности и съ восторгомъ восприняли общія формы Гегеля. Въ-

стѣ съ другими увлекался и Грановскій. Его, какъ и многихъ другихъ, направлялъ къ Гегелю Николай Станкевичъ. Грановскій жаловался другу на свои сомнѣнія передъ громаднымъ запутаннымъ матеріаломъ, который ему приходилось преодолѣть. Станкевичъ отвѣчалъ: «Оковы спали съ души, когда я увидѣлъ, что въ одной всеобъемлющей идеи нѣтъ знанія. Другое дѣло—прагматическій интересъ къ наукѣ; тогда она—средство, и это занятіе имѣетъ свою прелесть; но для этого надо имѣть страсть, преодолевающую всѣ труды, а къ этой страсти способны люди односторонніе. Ты не изъ этого рода людей: это можно узнать, взглянувши на тебя. Больше простора души, мой милый Грановскій! Теперь ты занимаешься исторіей: люби же ее, какъ поэзію, прежде нежели ты свяжешь ее съ идеями,—какъ картину разнообразной и причудливой жизни человѣчества, какъ задачу, которой рѣшеніе не въ ней, а въ тебѣ, и которое вызовется строгимъ мышленіемъ, приведеннымъ въ науку. Поэзія и философія—вотъ душа сущаго» (*Анненковъ: «Н. Станкевичъ», стр. 197*). Въ Германіи отъ всѣхъ специальныхъ занятій Грановскій постоянно возвращался къ Гегелю. Здоровый и больной, онъ не покидалъ этого путевода. «Сочинилъ себѣ какою-то преглупое правило, что не покоряться должно природѣ, а идти ей наперекорь, и съ этимъ правиломъ не хочеть ни на минуту оставить своего Гегеля и исторію», писалъ о своемъ товарищѣ Я. М. Невѣровъ, сильно встревоженный его болѣзненнымъ состояніемъ (*біогр., стр. 62*). Испытавъ на себѣ благотворное влияние этой философіи, молодой ученый рекомендовалъ ее и другимъ. Онъ писалъ своему товарищу Григорьеву: «Меня мучили тѣ же вопросы, надъ которыми ты ломаешь голову. Ты говоришь, что ты во всемъ сомнѣваешься, что ты убѣжденъ въ невозможности знать что-нибудь. Имѣемъ ли мы право довѣрять отрицательнымъ результатамъ нашихъ сомнѣній? Нѣтъ. Мы можемъ, мы должны сомнѣваться,—это одно изъ прекрасныхъ правъ человѣка; но эти сомнѣнія должны вести къ чему-нибудь, мы не должны останавливаться на первыхъ отрицательныхъ отвѣтахъ, а идти да-

лѣе, дѣйствовать всею діалектикой, какою насъ Богъ одарилъ, идти до конца если не абсолютнаго, то возможнаго для насъ. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ, а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только. «Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an», говоритъ Гегель. И это едва ли не величайшая истина, сказанная имъ. Положимъ даже, что при всѣхъ твоихъ усиліяхъ ты теперь не пойдешь далѣе отрицательныхъ отвѣтовъ, которые были результатомъ твоихъ первыхъ изслѣдованій. Что же это доказываетъ? Только то, что твоя діалектика еще не укрѣпилась, что ты не умѣешь еще перейти изъ одного опредѣленія въ другое, противоположное. Займись, голубчикъ, философійей... Это вовсе не пустая, мечтательная наука. Она положительнѣе другихъ и даетъ имъ смыслъ. Учись по-нѣмецки и начинай читать Гегеля. Онъ успокоитъ твою душу. Есть вопросы, на которые человѣкъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Ихъ не рѣшаетъ и Гегель, но все, что теперь доступно знанію человѣка, и самое знаніе у него чудесно объяснено».

Но, опять-таки, и преклоненіе передъ Гегелемъ развѣ въ первое время было безусловнымъ? Оно воспитало въ Грановскомъ стремленіе къ объединенію историческихъ знаній. Онъ остался вѣренъ взгляду, что каждый народъ и эпоха являются носителями извѣстныхъ идей, что политическое соперничество народовъ и смѣна дѣятелей на исторической сценѣ должны быть разсматриваемы не какъ результаты случайныхъ обстоятельствъ, а въ ихъ отношенія къ идейному прогрессу культуры. Но онъ былъ слишкомъ причастенъ работѣ историковъ-спеціалистовъ, чтобъ остаться вполне во власти философа, распорядившагося историческимъ матеріаломъ по своему произволу. Русскому легко было, конечно, протестовать противъ распредѣленія міровыхъ періодовъ и задачъ въ философіи исторіи, — распредѣленія, при которомъ германскому племени оставалась великая и печальная честь сказать послѣднее слово культуры. Убѣжденному либералу

прусская монархія не представлялась вѣнцомъ политическихъ формъ, и первая половина XIX в. казалась временемъ еще весьма далекимъ отъ осуществленія лучшихъ надеждъ человечества. Главное — и по натурѣ, и по подготовкѣ — Грановскій не могъ принести жизненность конкретныхъ фактовъ въ жертву отвлеченному, философскому плану. Онъ видѣлъ прошедшее слишкомъ ясно, чтобъ не замѣтить, что онъ гораздо богаче содержаніемъ, чѣмъ допускала діалектическая схема Гегеля. Онъ не въ состояніи былъ такъ пригибать и урѣзывать историческую жизнь какого-нибудь народа, чтобъ она вошла безъ остатка въ отведенное ей по плану мѣсто. Ему свойственно было не раздавать народамъ и поколѣніямъ приличныя имъ въ общемъ строѣ идеи, а прислушиваться къ голосу каждаго, изученіемъ и сочувствіемъ доходить до исконныхъ стремленій и завѣтныхъ мыслей. Потребность и надежда объединенія исторіи осталась, но достигнуть его становилось много труднѣе для историка, внимательнаго ко всякому праву, чѣмъ для деспотическаго философа. Надо было, по меньшей мѣрѣ, опредѣлить, насколько процессъ мышленія, діалектическій процессъ, осложняется въ дѣйствительности матеріальными условіями, при которыхъ мыслятъ люди. Вѣдь, ходъ мыслей, конечно, зависяетъ не отъ одного логическаго сдѣленія ихъ, а значительно опредѣляется обстановкой: голодный думаетъ не совсѣмъ то, что сытый, праздный — не совсѣмъ то, что рабочій, мореплаватель — не совсѣмъ такъ, какъ земледѣлецъ, лапландецъ — не совсѣмъ такъ, какъ негръ. При оцѣнкѣ матеріальныхъ факторовъ нельзя было не столкнуться съ значеніемъ и методами наукъ естественныхъ.

Первый томъ Бокля вышелъ въ 1857 г. Грановскій не дожидаясь до него. Но *Исторія цивилизаціи въ Англіи* подготовлялась задолго до ея выхода изъ типографіи, — подготовлялась, какъ всѣ крупныя явленія умственной жизни, попытками цѣлаго ряда мыслителей. Къ этой подготовительной работѣ Грановскій отнесся чутко и сочувственно.

Уже въ Берлинѣ, несмотря на Гегеля, Грановскій сталъ пристально заниматься тою почвой, на которой развивается исто-

рія. Преподаваніе Риттера показало ему землю какъ храмину, созданную Провидѣніемъ для рода человѣческаго. Приходилось убѣдиться, что устройство земной поверхности, распредѣленіе водъ, условія климата, плодородіе почвы и тому подобныя факты, совсѣмъ не діалектическіе, оказываютъ самое рѣшительное вліяніе на судьбу людей. Положимъ, чѣмъ значительнѣе человѣческая культура, тѣмъ лучше она справляется съ природой; но какъ долго воспитываются племена подъ преобладающимъ давленіемъ этихъ естественныхъ условій! Очевидно, отъ этого долгаго воспитанія долженъ сохраниться глубокій слѣдъ въ характерѣ и взглядахъ народа. Да и до сихъ поръ не ясно ли, что громадныя массы людей связаны и опредѣлены въ своей жизни именно естественными условіями? Вниманіе къ естественнo-историческому фактору, разъ возбужденное Риттеромъ, не ослабѣло, а, напротивъ, возрастало. Въ лицѣ Фролова, организовавшаго въ Россіи географическій журналъ *Магазинъ Землеоудія*, Грановскій имѣлъ близкаго товарища, который поддерживалъ въ немъ интересъ къ географическимъ занятіямъ. Въ 1847 году Ефремовъ открылъ географическій курсъ въ Московскомъ университетѣ и мотивировалъ свое начинаніе въ выраженіяхъ, которыя являлись какъ бы отголоскомъ Риттера и Грановскаго. Отъ географіи былъ одинъ шагъ до этнографіи: племя на-ряду со страной явилось естественнo-историческимъ элементомъ, опредѣляющимъ человѣческое развитіе. Необходимо было заняться изученіемъ такъ-называемыхъ дикихъ племень, т.-е. какъ разъ того громаднаго большинства человѣческаго рода, которое жило или живетъ подъ преобладающимъ вліяніемъ естественныхъ условій и не поднялось до діалектической разработки идей въ исторіи цивилизаціи. Грановскій живо интересовался «малыми сими». Онъ читалъ множество путешествій, и его лекція объ Океаніи и ея жителяхъ можетъ свидѣтельствовать объ его этнографическихъ познаніяхъ. Во введеніи къ своему учебнику онъ опредѣлялъ исторію—какъ науку о земной жизни человѣчества. При такомъ широкомъ опредѣленіи она включаетъ общую этнографію. При этомъ оставалось во всей силѣ значе-

ніе культуры, приобретаемой историческими народами, но подчеркивалось, что нѣтъ препятствій для культурнаго возвышенія и дикихъ племень. Гуманное чувство Грановскаго не допускало радикальнаго раздѣленія человѣчества на привилегированныя и низшія расы. Онъ безусловно вооружался противъ теорій, которыя находили не мало приверженцевъ, въ то время, какъ среди гордыхъ своимъ образованіемъ европейцевъ, такъ и на рабовладѣльческой почвѣ Америки. «Человѣчество, имѣющее слиться въ лонѣ христіанства въ одну духовную семью, уже составляетъ семью естественную, соединенную общимъ праотцемъ Адамомъ. Допустивъ такое родство, существующее между обитателями земного шара, мы должны необходимо принять и истекающую изъ этого родства равную способность всѣхъ породъ къ образованности и совершенствованію» (соч. II, стр. 462). Обширныя этнографическія свѣдѣнія Грановскаго давали ему возможность подойти къ вопросу о племени съ научной точки зрѣнія. Онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ начатки антропологии, перевелъ и снабдилъ примѣчаніями письмо Эдуардса къ Амедею Тьерри о физическихъ признакахъ породъ и ихъ устойчивости. Вопросъ о племени былъ жгучимъ вопросомъ въ то время, когда особенно интересовались опредѣленіемъ племенныхъ характеровъ и часто опредѣляли ихъ пристрастно и произвольно. Въ связи съ этими занятіями у Грановскаго являлся планъ написать монографію о галлахъ и на примѣрѣ этого племени показать значеніе племенныхъ признаковъ. Дѣло не состоялось, но въ курсахъ нашего ученаго не мало слѣдовъ работы надъ этими вопросами. Въ публичномъ курсѣ 1845 года, наприм., видное мѣсто занимаетъ опредѣленіе племеннаго состава французской и англійской національностей, особенно первой. Разнообразію племенныхъ элементовъ приписывается большое вліяніе въ исторіи.

Итакъ, чрезъ посредство географіи, этнографіи, антропологии, Грановскій приходилъ въ соприкосновеніе съ естествознаніемъ и получалъ возможность значительно умѣрить фило-софское увлеченіе гегеліанства. Слѣдуя за знаменитымъ біоло-

гомъ Беромъ, онъ въ актовѣ рѣчи 1852 года призналъ, что «ходъ всемірной исторіи опредѣляется высшими физическими условіями; вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно» (соч. I, стр. 14). Но, освобождаясь отъ односторонней и произвольной схемы Гегеля, Грановскій, по всему складу своего образованія, неспособенъ былъ предоставить себя и въ исключительное руководство естественникамъ. Въ общеніи съ Герценомъ онъ признавалъ великіе результаты естествознанія, но протестовалъ противъ матеріализма какъ философскаго, такъ и научнаго, настаивая на томъ, что явленія міра духовнаго и нравственнаго, при всей своей зависимости отъ физическихъ условій, не разлагаются безъ остатка на послѣдствія этихъ условій, а вносятъ, кромѣ того, въ міровую жизнь своеобразные элементы, которые требуютъ и своеобразнаго изученія. «У исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимыя отъ него, данныя природою, условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодействіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т.-е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ-быть мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія».

Мы перебрали основныя направленія исторической науки первой половины нашего вѣка и показали отношеніе къ нимъ Грановскаго. Повсюду обнаружилась отзывчивость нашего ученаго, свобода и шпота его мысли, способность оцѣнить крупное и плодотворное безъ предразсудковъ и пристрастій. Но повсюду обнаружилась и самостоятельность ума, критическое отношеніе, которое предохраняло отъ крайностей или, по меньшей мѣрѣ, освобождало рано или поздно отъ ихъ господства. Остается спросить, какъ подъ всеми этими вліяніями, среди всехъ этихъ спорящихъ началъ, окончательно сложилась личность мыслителя, какъ опредѣлились для него за-

дачи науки, къ чему направилась и чего достигла его личная работа.

Помимо отдѣльныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ, лекціяхъ, перепискѣ, можно воспользоваться тремя главными источниками для характеристики его основныхъ взглядовъ: подробнымъ конспектомъ введенія къ курсу всеобщей исторіи, который Грановскій составилъ передъ тѣмъ, какъ начать чтенія въ университетѣ въ 1839 году; конспектъ этотъ пополняется студенческими записями,—и то и другое пока не издано. Затѣмъ на актѣ 1852 г. произнесена была рѣчь о современномъ состоянціи и значеніи всеобщей исторіи. Наконецъ, составляя въ 50-хъ годахъ учебникъ по своему предмету, Грановскій предпослалъ ему введенье, которое вкратцѣ резюмируетъ его взгляды. Между этими тремя характеристиками есть разница въ подробностяхъ, главныя же идеи остались тѣ же.

Грановскій ищетъ закона и порядка въ колоссальной массѣ фактовъ, переданныхъ исторіей. Что въ ней важно и что не важно? Всего знать нельзя и не стоить. Какія мѣрила можно установить для выбора и оцѣнки? XVIII вѣкъ подбиралъ факты съ точки зрѣнія ихъ непосредственной пользы для человѣка. Но что такое польза? То, что полезно для одного, можетъ быть вредно для другого. То, что полезно для немногихъ, можетъ быть вредно для массы; то, что полезно для ума, можетъ быть вредно для сердца; то, что полезно для одного поколѣнія, вредно для другого. Очевидно, нельзя свести исторію на сообщеніе о безспорныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, частныхъ усовершенствованіяхъ. Не лучше мѣрило вліянія, которое предлагали другіе представители XVIII вѣка. Въ рукахъ замѣчательнаго ученаго—Шлецера—это мѣрило обращалось на оцѣнку чисто-матеріальнаго давленія человѣческихъ обществъ. Измѣреніе площади государствъ и численности населенія приобрѣтало первостепенную важность. Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ становились по своей силѣ разрушенія высшими дѣятелями исторіи, маленькія Асины затеривались въ ничтожномъ уголкѣ Балканскаго полуострова.

Не было недостатка въ попыткахъ выйти изъ такихъ грубыхъ опредѣленій, поставивъ начала полезности и вліянія болѣе косвеннымъ и тонкимъ образомъ. Уже древніе занимались такъ — называемою прагматическою исторіей, стремились подвести причинное объясненіе для отдѣльных фактовъ и полагали пользу исторіи въ томъ, что своимъ восхожденіемъ отъ слѣдствій къ причинамъ она научитъ политическихъ дѣятелей вліять на причины, чтобы произвести слѣдствія. Въ дѣйствительности эта прагматическая литература всегда грѣшила двумя капитальными недостатками: во-первыхъ, при постоянномъ измѣненіи историческихъ комбинацій никакъ не удавалось установить непосредственнаго перехода отъ анализа прошедшаго къ обработкѣ настоящаго; во-вторыхъ, самый анализъ прошедшаго сводился на опредѣленіе мелкихъ условий, второстепенныхъ вліяній, случайныхъ вмѣшательствъ; въ немъ не выдвигались элементы постоянные и потому — главные, объединяющіе.

Средневѣковое, церковное пониманіе первое выдвинуло могучую объединяющую идею, которая тотчасъ организовала историческія свѣдѣнія. Средневѣковая церковь, начиная съ Августина, поняла исторію какъ взаимодействіе двухъ силъ: грѣховной человѣческой природы, которая влечетъ свѣтскую жизнь человѣчества къ неудержимому упадку, и божественной благодати, которая чрезъ посредство церкви подготавливаетъ спасеніе избранныхъ въ Градѣ Божіемъ. Новая исторія отказалась отъ такого пониманія. За немногими исключениями, ея мыслители уповаютъ, что природа человѣка имѣетъ въ себѣ залогъ и возможность совершенствованія, что самая земная жизнь человѣчества не обречена на роковое разложеніе. XVIII вѣкъ въ лицѣ Лессинга, Гердера, Кондорсе выразилъ горячую вѣру въ прогрессъ. Исторія была понята какъ воспитаніе рода человѣческаго, а не какъ его развращеніе. Идея прогресса оказалась благотворнымъ, спасительнымъ завѣтомъ, способнымъ воодушевить людей, дать имъ силу въ борьбѣ со злостью жизни или бѣдствіями времени. Кондорсе исповѣдовалъ эту свѣтлую вѣру въ торьмѣ, приготавлиаясь умереть, — онъ одер-

жалъ духовную побѣду надъ жалкими случайностями людскаго существованія.

Идея прогресса является первою основой историческаго міросозерцанія. Подъ ея вліяніемъ исторія распадается на всемірную и на всеобщую. Всемірная обнимаетъ всѣ народы, захватываетъ весь этнографическій матеріалъ. Всеобщая выдѣляетъ то, что вошло вкладомъ въ человѣческую культуру, описываетъ и объясняетъ прогрессивное движеніе человѣчества. Но какъ совершается это движеніе? Очевидно, не по прямой линіи, и даже не подъ тѣми правильными углами, которые предполагала діалектика Гегеля. Поступательное шествіе обуславливается тѣмъ, что идетъ впередъ не единый народъ, а смѣняющіе другъ друга путники. Идея прогресса осложняется идеей органическаго развитія. Каждый народъ принимаетъ участіе въ шествіи, вступаетъ въ него въ юности, проходитъ свою дорогу, въ періодъ роста и образованія вырабатываетъ болѣе или менѣе своеобразнымъ и одностороннимъ образомъ свои цѣли и идеи, мало-помалу костенеетъ въ нихъ, останавливается, опускается и уступаетъ мѣсто болѣе свѣжимъ дѣятелямъ. Путь длинный и конца его не видно, но видно направленіе къ свѣту, свободѣ и правдѣ, и этого довольно для стремящихся. Въ чемъ же значеніе исторіи, всеобщей исторіи? Она не научитъ разрѣшить сегодняшнюю задачу и предотвратить завтрашнее несчастье. Но она покажетъ, что въ длинной вереницѣ есть смыслъ, единый и благодѣтельный, и что потому стоить жить, стоить биться надъ задачами, претерпѣвать несчастія. Пусть попробуютъ образованные, снабженные всѣми средствами люди воспитать въ себѣ духъ Кондорсе. Пусть памятуя они, что исторія есть великая воспитательница человѣчества и что отдѣльный человѣкъ не имѣетъ лучшаго средства усвоить себѣ результатовъ этого воспитанія, какъ подумавъ и почувствовавъ послѣдовательность его развитія. Много поколѣній прошло къ великому кладбищу исторіи, — они извѣдали и радость жизни, и бремя труда, и муку смерти, и надежду безсмертія. Завѣщали они и намъ, своимъ потомкамъ, стремиться къ добру и бороть-

ся со зломъ, и оставили намъ на помощь лучшее, бессмертное, что сами выстрадали. Но, чтобы принять завѣщанное, мало протянуть руку къ готовымъ результатамъ, перенять открытія, споры, свѣдѣнія. Нравственною силой становится завѣщанное только для тѣхъ, кто вникъ въ самый процессъ борьбы. Нельзя стать культурнымъ человѣкомъ, не овладѣвъ такъ или иначе исторіей. И еслибъ она занимала свое истинное мѣсто въ образованіи юношества и общества, культура стала бы тверже, — не подвергались бы постоянно вопросу самыя цѣнныя и безспорныя ея приобрѣтенія.

Такъ выяснялась для Грановскаго руководящая идея его занятій—идея всеобщей исторіи. Самая постановка задачи до нѣкоторой степени опредѣляла методы изученія и изложенія. Мало привлекалъ анализъ историческихъ явленій. Грановскій не пренебрегалъ критикой источниковъ, толкованіемъ актовъ, разъединеніемъ условій исторической жизни для болѣе удобнаго изученія ихъ порознь. Но все это имѣло для него второстепенное и подготовительное значеніе. Онъ избѣгалъ сложныхъ аргументацій, не любилъ рѣзко проведенныхъ раздѣленій, возставалъ противъ чисто-логическихъ схемъ, въ томъ числѣ и противъ гегелевской. Можетъ-быть самою слабою его работой была магистерская диссертация о Юмбургѣ, въ которой онъ взялся за мало свойственную ему роль аналитика, представилъ въ угоду ученому цеху рядъ соображеній о подлинныхъ и ложныхъ элементахъ преданія и, въ концѣ-концовъ, не вытерпѣлъ, — вставилъ длинную и живописную сагу о норманнскихъ набѣгахъ.

Другая его работа—о родовомъ бытѣ у германцевъ—также характерная: онъ выставляетъ рядъ положеній по спорному вопросу объ отношеніяхъ между родомъ и сельскою общиной, — выставляетъ для ученыхъ и въ специальномъ журналѣ, — принимая во вниманіе специальную аргументацію Эйхгорна, Вайца, Зибеля. Точка зрѣнія выбрана очень удачно, основные взгляды опредѣлены съ большою осторожностью, знашемъ дѣла, чувствомъ мѣры. Но ученый аппаратъ сведенъ къ *minimum* у и потому статья болѣе возбуждаетъ мысль, чѣмъ доказываетъ ее.

Истинная сила Грановскаго заключалась въ историческомъ синтезѣ, въ способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты въ одно цѣлое, указывать взаимодѣйствіе, зависимость. Эта драгоценная его способность нужна для исторіи не менѣе, нежели сила анализа, нужна она, въ сущности, и въ другихъ наукахъ, хотя въ основѣ эта способность художественная, поэтическая. Нельзя ни въ какомъ знаніи обойтись однимъ логическимъ процессомъ. Самыя замѣчательныя открытія дѣлаются чутьемъ или отгадываніемъ, за которымъ уже впоследствии слѣдуетъ логическое оправданіе. Особенно велика область художественнаго творчества въ исторіи, потому что она охватываетъ всѣ формы жизни въ прошедшемъ и главною своею задачей ставитъ не характеристику отдѣльныхъ сторонъ хозяйства, права, литературы, науки, религіи—порознь, а изображеніе сложнаго взаимодѣйствія, такъ-называемой *жизни*. И вотъ именно чувствомъ жизни и умѣньемъ раскрыть ее другимъ обладалъ Грановскій въ рѣдкой степени. Нельзя сказать про его курсы и статьи, посвящены ли они внѣшней или внутренней исторіи, учрежденіямъ или идеямъ, матеріальнымъ условіямъ или духовному процессу. Они посвящены историческому взаимодѣйствію всѣхъ этихъ факторовъ и сторонъ.

Въ связи съ этимъ его особенно интересовали переходныя эпохи, когда совершается смѣна стараго повымъ, когда приближается крушеніе давняго, когда-то славнаго и плодотворнаго порядка и обрисовывается уже фізіономія новаго, молодого строя. Конецъ Римской имперіи и выступленіе на историческую сцену христіанства и варваровъ; крестовые походы, какъ переходное время отъ феодальной и рыцарской культуры къ новой—промышленной, государственной, гуманистической; XV вѣкъ и реформація—зарожденіе новой Европы:—вотъ сюжеты, на которыхъ онъ останавливался съ особенною любовью. Здѣсь была богатая пища и его таланту разсказчика, его умѣнью создавать образы, живые и многознаменательные; въ драматическомъ переломѣ борьбы находило удовлетвореніе его поэтическое чувство; его волновалъ контрастъ міровыхъ идей и тра-

гическая судьба лиц и народов, которымъ приходилось ихъ представлять и вынашивать; въ этихъ эпохахъ, наконецъ, всего замѣтнѣе слышался шагъ всеобщей исторіи, ея движеніе отъ одной культурной формы къ другой, болѣе совершенной.

Грановскій былъ именно созданъ для всеобщей исторіи. Въ его рукахъ эта наука была не трудолюбивою компиляціей чужихъ мыслей, какъ у Вебера или Беккера, не безпощаднымъ судоразбирательствомъ, какъ у Шлоссера, не искусственнымъ выдѣленіемъ международныхъ явленій, какъ у гениальнаго Ранке, не обширнымъ введеніемъ къ современности, какъ оно будетъ у Лависса и Рамбо. Любопытно, что именно русскій историкъ проявилъ необыкновенное дарованіе въ этой области, — любопытно и естественно. Не будетъ парадоксомъ сказать, что именно всеобщая исторія должна быть русскою наукой. Русскіе имѣютъ еще менѣе права уединяться въ своей отдѣльной національной культурѣ, нежели англичане, французы или нѣмцы, на которыхъ, впрочемъ, такое уединеніе дѣйствуетъ достаточно вредно. Съ другой стороны, если русскимъ нужна и близка вся общая гражданственность человѣчества, за то имъ нѣтъ основанія связывать себя изученіемъ одной какой-либо отрасли или націи. Грановскій всегда такъ и смотрѣлъ на дѣло и при своемъ изъ ряду вонъ выходящемъ талантѣ усвоилъ и передавалъ всеобщую культурную исторію какъ никто изъ иностранцевъ.

Но, къ сожалѣнію, на немъ сказались и другія, менѣе благоприятныя условія русской жизни. Веберъ, Шлоссеръ, Беккеръ написали всеобщія исторіи, Лависсъ и Рамбо, навѣрное, свою напишутъ. Грановскій не написалъ, не напечаталъ, не закрѣпилъ свое изложеніе. Передъ нами остались обломки, — положимъ, обломки благородные. По поводу какой-нибудь безцвѣтной книжки, какой-нибудь диссертациі Медовикова о латинскихъ императорахъ Грановскій написалъ классическія страницы о Византіи въ эпоху крестовыхъ походовъ. Разборъ сочиненія Шмидта по исторіи Римской имперіи обращался въ краснорѣчивую характеристику культурнаго броженія передъ приняті-

емъ христіанства. Публичная лекція о Людовикѣ IX можетъ поспорить съ лучшими произведеніями французской литературы по изяществу, продуманности, многозначительности дашнаго въ ней изображенія. И все-таки это — обломки, которые тѣмъ болѣе заставляютъ жалѣть о несдѣланномъ и недокопченномъ. Краткій срокъ былъ данъ Грановскому для его славы и дѣла: 42 года прожилъ онъ, 16 лѣтъ преподавалъ въ Московскомъ университетѣ. Много пришлось ему бороться съ собой, съ своею страстною натурой, съ неудовлетворенною жаждой дѣятельности, практической борьбы. Часто посѣщала его тяжелая тоска, сознаніе беспомощности, отвращеніе къ себѣ и къ своему положенію. Человѣкъ тонкой чувствительности, самостоятельнаго характера, выше всего ставившій право и человѣческое достоинство, долженъ былъ быстро израсходоваться въ тѣсной политической обстановкѣ, предшествовавшей великимъ реформамъ Александра II. Послѣдніе годы онъ чувствовалъ усиленный запросъ на дѣятельность, внутренне оживалъ вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, мечталъ и подготовлялъ обширныя работы. И тутъ его взяла смерть.

Нужно ли строить предположенія о томъ, что бы онъ написалъ и сдѣлалъ въ освободительные годы? У насъ есть болѣе благодарная задача. Грановскій не напечаталъ ни всеобщей исторіи, ни очерка переходныхъ эпохъ. Но онъ 16 лѣтъ преподавалъ и оставилъ этимъ преподаваніемъ глубокой слѣдъ въ исторіи русской мысли. Мы старались разобрать, въ чемъ состояли его историческія идеи; намъ остается коснуться ихъ приложенія въ живомъ вліяніи на людей въ университетѣ, въ Москвѣ, въ Россіи.

Московский университетъ 30-хъ годовъ представлялъ довольно безотрадное зрѣлище, въ особенности по отдѣлу гуманитарныхъ наукъ. Исторію читали Каченовскій и Погодинъ. Первый совершенно устарѣлъ и сбился съ толку. Его лекція описываетъ Юрій Федоровичъ Самаринъ: «Каченовскій въ это время до того состарился, что не былъ въ состояніи прочесть о чемъ бы то ни было лекціи для слушателей своихъ; онъ читалъ про

себя, падъ развернутою книгой, горячо спорилъ съ авторомъ ея, бранилъ его, одобрялъ, улыбался ему, но о чемъ трактовала книга, что правилось или не правилось профессору, все это для насъ оставалось тайной. Погодинъ былъ человѣкъ знающій, умный и хитрый, но полудикій, безъ всякаго чувства достоинства, съ весьма сомнительными нравственными взглядами. Особенно не кстати было то, что онъ читалъ и всеобщую исторію. Пока онъ слѣдовалъ изложенію Герена, дѣло еще шло, но онъ пробовалъ и отдѣлиться отъ него, и тогда происходило нѣчто совершенно несообразное.

За то сороковые годы были не бѣдны замѣчательными людьми. Въ Москвѣ собралось въ это время блестящее общество, которому подобнаго нельзя было отыскать и въ великихъ западныхъ центрахъ. Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Юрій Самаринъ, Герценъ, Крюковъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ и другіе—представляли самые разнообразные оттѣнки мнѣній, но всѣ были люди отборные. И между ними передъ общественнымъ мнѣніемъ, по крайней мѣрѣ, первое мѣсто занялъ Грановскій. Онъ былъ обязанъ такимъ положеніемъ не учености, не глубокомыслію, не своеобразности взглядовъ, а въ значительной степени своему нравственному складу, который просвѣчивалъ въ его статьяхъ и еще болѣе въ его преподаваніи. Его любили слушать, потому что въ его рѣчи сказывался весь человѣкъ.

Намъ трудно теперь составить себѣ понятіе объ этомъ обаяніи. Остались студенческія записи его курсовъ, несовершенныя, отрывочныя, какъ большая часть такихъ записей. При просмотрѣ ихъ особенно поражаетъ простота плана, отсутствіе истонныхъ эффектовъ, обстоятельность и добросовѣстность, съ которой лекторъ касается всего существеннаго. Не видно никакого желанія прикрасить предметъ для аудиторіи. Нѣтъ намековъ, эпохи взяты обыкновенно отдаленныя отъ дѣйствительности. Авторъ, впрочемъ, нисколько не скрываетъ своихъ симпатій. Рыцарство и рыцарская честь, конечно, получаютъ прочувствованную оцѣнку въ словахъ человѣка, который самъ былъ

рыцаремъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Низшіе классы, обремененные трудомъ и заклейменные презрѣніемъ «лучшихъ людей», вездѣ вызываютъ глубокое состраданіе. «Въ XII столѣтіи монахи монастыря св. Германа вытребовали позволеніе своимъ крѣпостнымъ людямъ выходить на поединокъ съ людьми какого бы то ни было сословія. Въ первый разъ рабъ, несчастный рабъ былъ поставленъ наравнѣ съ другими». Покаяніе Генриха II англійскаго у праха Бекета является удовлетвореніемъ духовнаго права со стороны высшаго могущества. «Это было смиреніе грубой, матеріальной силы передъ мужествомъ идей, которыхъ носительницей была церковь въ средніе вѣка. Сколько пути надо было пройти Генриху отъ того времени, когда онъ вырывалъ своими руками глаза у пажей, до того времени, когда онъ позволялъ себя бичевать передъ тѣломъ Оомы. Церковь смягчила и укротила этого звѣря». Съ особеннымъ вниманіемъ останавливался лекторъ на подвигахъ просвѣтителей народа. Эпоху Карла Великаго онъ считалъ самымъ великимъ временемъ въ исторіи. Альфредъ Великій занимаетъ чуть не главное мѣсто въ публичномъ курсѣ 1845 года.

О высней формѣ лекцій и объ ораторскомъ дарѣ преподавателя дають нѣкоторое понятіе 4 напечатанныя лекціи 1851 года. Форма классическая, едипственная по соединенію простоты и мѣры съ гибкостью, образностью и силой. Странно даже подумать, что Грановскаго упрекали во фразѣ. До насъ не дошло ни единого его слова, которое было бы сказано ради звона, и это рѣшаетъ дѣло: фразѣръ не скрылся бы отъ потомства. Онъ всегда себя выдастъ, потому что не знаетъ цѣны словамъ и тратитъ ихъ охотно. Это мы легко можемъ сообразить и теперь. Но что намъ совершенно недоступно, это—неотразимое впечатлѣніе живой рѣчи, ея таинственная, волнующая вибрація, наслажденіе публики, присутствовавшей при импровизаціи, къ которой не подходитъ шаблонный эпитетъ—блестящей, потому что дѣло было не въ блескѣ отдѣльных періодовъ или сравненій, а въ классической законченности и музыкальной гармоніи всей рѣчи. Единственное средство прибли-

зять къ себѣ тѣ впечатлѣнія, это—спросить хорошаго цѣнителя тѣхъ временъ, человѣка, который самъ слышалъ и умѣлъ сравнивать. Вотъ что говорилъ о Грановскомъ, какъ человѣкъ и ораторъ, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, по сообщенію лица, близкаго къ знаменитому историку Россіи. Онъ сравнивалъ Грановскаго съ другимъ замѣчательнымъ профессоромъ, съ Крюковымъ, который читалъ древнюю исторію и словесность. «Между талантомъ Крюкова и талантомъ Грановскаго такая же большая разница, какъ и между ихъ наружностью: Крюковъ имѣлъ чисто-великороссійскую фizioномію, круглое, полное лицо, бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтлорусые волосы, свѣтлокаріе глаза; талантъ его болѣе поражалъ съ внѣшней стороны, поражалъ музыкальностью голоса, изящною обработкой рѣчи; къ нему какъ нельзя болѣе шло прилагательное *elegantissimus*, какъ мы, студенты, его величали; но при этой элегантности, щегольствѣ въ немъ самомъ, въ его рѣчи, въ чтеніяхъ было что-то холодное; его рѣчь производила впечатлѣніе, какое производитъ художественное изваяніе. Грановскій имѣлъ малороссійскую южную фizioномію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однихъ женщинъ, но и на мужчинъ. Грановскій своею наружностью всего лучше доказываетъ, что красота есть завидный даръ, очень много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные, огненные, глубокосморящіе глаза. Онъ не могъ, подобно Крюкову, похвастать внѣшнею изящностью своей рѣчи: онъ говорилъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова; но внѣшніе недостатки исчезали предъ внутренними достоинствами рѣчи, предъ внутреннею силой и теплотой, которая давала жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывала вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, которое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиной, которая дышетъ тепломъ, гдѣ всѣ фигуры ярко разцвѣчены, дышатъ, дѣйствуютъ передъ вами. И въ обществен-

ной жизни между этими двумя людьми замѣчалось тоже различіе: оба были благородные люди, превосходные товарищи; но Крюковъ могъ внушать большое уваженіе къ себѣ, только не внушая сильной сердечной привязанности, ибо въ немъ было что-то холодное, сдерживающее; въ Грановскомъ же была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодыхъ и не молодыхъ людей, но, что всего важнѣе, людей порядочныхъ, ибо съ увѣренностью можно сказать, что тотъ, кто былъ врагомъ Грановскаго, любилъ отзываться о немъ дурно, былъ человѣкъ дурной».

Положеніе такого преподавателя въ университетѣ было и блестящее, и трудное. Всѣ взоры обращались къ нему. Не только его лекціи, но и его поступки задавали тонъ, провѣрялись и обсуждались всѣмъ университетомъ. Но Грановскому нечего было бояться этой требовательности. Онъ былъ чистъ и честенъ, и если вредилъ кому, такъ только себѣ. Студенты молились на него и порядочно мѣшали своему кумиру. Его брали на-расхватъ; онъ цѣлые дни проводилъ въ разговорахъ, совѣщаніяхъ по всевозможнымъ вопросамъ. Это можетъ-быть было и неудобно, и тягостно, но Грановскій не умѣлъ отказывать. За то у него и образовалась со студенчествомъ связь не только умственная, но и нравственная. Въ биографіи приведено трогательное мѣсто изъ письма 1855 года, послѣдняго года его жизни. Грановскій ѣхалъ изъ деревни въ Москву, полный тяжелыхъ впечатлѣній несчастной Крымской кампаніи и раскрытаго ею общественнаго распада. По дорогѣ онъ встрѣтилъ нижегородское ополченіе и говорилъ съ офицерами. Бывшіе студенты горячо его привѣтствовали, говорили, что память о немъ живо сохранилась въ нихъ, что она и въ настоящее время одушевляла и поддерживала ихъ въ рѣшимости служить отечеству. Онъ писалъ жепѣ: «Я самъ видѣлъ (по дорогѣ сюда) нижегородское ополченіе и толковалъ съ офицерами. Между ними очень много бывшихъ студентовъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, X—ъ: «Ни одинъ изъ проживающихъ въ Нижегородской губерніи воспитанниковъ Московскаго универ-

ситета не уклонился отъ выборовъ. Мы все пошли. За то другіе надъ нами смѣялись». Я гордился въ эту минуту званіемъ московскаго профессора (біографія, стр. 293).

Понятно, что этотъ «московскій профессоръ» и среди товарищей стремился поддержать чувство достоинства и высокаго призванія. Онъ смотрѣлъ на университетскую корпорацію отчасти тѣмъ глазами, какими офицеры смотрятъ на свой полкъ. Честь университета едва не заставила его выйти въ отставку въ 1848 году. Одинъ изъ ближайшихъ къ Грановскому людей и изъ самыхъ даровитыхъ преподавателей университета оказался взяточникомъ и вообще запятналъ себя низкими поступками. Рѣдкинъ, Кавелинъ и Грановскій объявили, что не будутъ служить съ нимъ, и подали въ отставку. Рѣдкинъ и Кавелинъ такъ и лишились университета. Что касается Грановскаго, то начальство удержало его на службѣ и, притомъ, связавъ его честью. Ему было поставлено на видъ, что онъ не отслужилъ еще за командировку, которою пользовался въ концѣ 30-хъ годовъ. Если въ данномъ случаѣ Грановскій поставилъ на карту свое положеніе, то характерно, что онъ и не думалъ объ отставкѣ въ печальные годы, послѣдовавшіе за февральскою революціей. Это движеніе отозвалось въ Россіи цѣлымъ рядомъ стѣсненій, изъ которыхъ главныя пали на университетъ. Известно, что число студентовъ было ограничено 300, что нѣкоторыя кафедры были закрыты. Общее положеніе обрисовывается, напримѣръ, въ исторіи, происшедшей съ преподавателемъ философіи въ Московскомъ университетѣ, адъюнктомъ Катковымъ. Одною изъ мѣръ для устраненія вредныхъ началъ въ университетахъ было истребованіе программъ преподаванія отъ профессоровъ. Между прочимъ, и адъюнктъ Катковъ подалъ программу по логикѣ, психологіи и исторіи философіи. Программу эту разсматривалъ петербургскій профессоръ философіи Фишеръ, нѣмецъ родомъ, и нашелъ ее несоотвѣтствующею началамъ истиннаго христіанства. Факультетъ вступился за своего члена. «По единогласному мнѣнію факультета, основанному на самомъ внимательномъ наблюденіи за преподаваніемъ г.

Каткова, сей послѣдній никогда не отступалъ какъ въ началахъ своей науки, такъ и въ подробномъ изложеніи ея отъ истинъ христіанской религіи и церкви и не заслужилъ ни малѣйшаго упрека въ этомъ отношеніи, но снискалъ совершенную похвалу, особенно же въ отношеніи къ тому духу, который распространялъ онъ между учениками своими и который засвидѣтельствованъ былъ и публично разсужденіемъ студента Безсонова, прочтеннымъ въ присутствіи его сіятельства г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова въ 1848 году по предмету психологіи» (Архивъ историко-филологическаго факультета 1850 года, засѣданіе 3 іюня). Это, однако, не помогло. Адъюнктъ Катковъ вскорѣ подалъ прошеніе о томъ, чтобы его освободили отъ чтенія по логикѣ, психологіи и исторіи философіи. Кончилось тѣмъ, что онъ вышелъ изъ университета, а его курсы были переданы профессору богословія Терновскому, хотя тотъ всеми мѣрами старался отказаться отъ нихъ. Чувства Грановскаго въ это время понятны. «Есть отъ чего сойти съ ума, — писалъ онъ. — Благо Бѣлпнскому, умершему во-время». Онъ, однако, считалъ себя обязаннымъ оставаться на своемъ посту. И странное дѣло, авторитетъ его былъ такъ великъ, что какъ разъ въ это время ему удалось не только поддерживать на прежней высотѣ свое преподаваніе, но даже вліять на строгое начальство, отстаивать передъ нимъ интересы университета. Въ 1850 г. ему даже было поручено министромъ составленіе учебника по всеобщей исторіи; въ 1855 году онъ былъ избранъ и утвержденъ деканомъ словеснаго факультета.

Говоря о значеніи Грановскаго, какъ университетскаго дѣятеля, мы, въ то же время, касаемся и его общественной роли. Университеты всегда были не только педагогическими и учеными учрежденіями, но до нѣкоторой степени и центрами общественной жизни, такъ какъ на нихъ особенно сильно отражаются идеи, двигающія и волнующія общество. И никогда это свойство не было такъ замѣтно, какъ въ Московскомъ университетѣ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Особые условія тогдашняго русскаго строя давали университету значительное поло-

женіе. Гласность почти не существовала, государственная дѣятельность имѣла чисто-бюрократическій характеръ, литература и журналистика стояли подъ строгою цензурой. Общество поэтому прислушивалось къ голосу съ кафедры гораздо болѣе, чѣмъ стало дѣлать впоследствии.

Но понятно, что университетскими дѣлами и дѣятелями не исчерпывалось общественное движеніе того времени. Оно находило и другія, своеобразныя формы. Это было время «кружковъ». Никогда въ Москвѣ столько не собирались и не спорили. Это обсужденіе общихъ вопросовъ изо дня въ день одними и тѣми же собесѣдниками наложило опредѣленный отпечатокъ на самыя теоріи и ихъ выраженія въ литературѣ. Мало-помалу взгляды отшлифовывались, если можно такъ выразиться, пріобрѣтали правильность, діалектическое развитіе и нѣкоторую искусственность. Не было того разнообразія, беспорядочности, необработанности, которыя поражаютъ въ наше время.

Всѣмъ извѣстно, что главная борьба происходила между лагерями славянофиловъ и западниковъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе и критику этихъ теорій. Но мы не можемъ не коснуться общей ихъ противоположности уже въ виду того, что Грановскій вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ и Герценомъ являлся главнымъ оплотомъ западничества.

На поверхности спора лежалъ вопросъ объ усвоеніи Россіей западной культуры. Но дѣло не состояло просто въ томъ, что одни считали всякое усвоеніе полезнымъ, а другіе—вреднымъ, что одни защищали древнюю Россію, а другіе—новую. Разница сводилась не къ такимъ грубымъ противоположностямъ; чтобъ уяснить ее себѣ, надо прежде всего указать, что обѣ теоріи были въ цѣломъ рядѣ пунктовъ согласны. Славянофилы, подобно западникамъ, допускали усвоеніе полезныхъ приемовъ, знаній, памятниковъ литературы и искусства. Западники, подобно славянофиламъ, во многомъ упрекали новую Россію,—и тѣмъ, и другимъ былъ не по сердцу «петербургскій» бюрократическій строй. И тѣ, и другіе, наконецъ, признавали, по Гегелю, возможность и необходимость исторической смѣны дрях-

лѣющихъ народовъ болѣе свѣжими и сильными. Но одни находили, что всѣ основныя культурныя начала Россія должна искать въ себѣ самой, что религіозный и политическій матеріалъ достаточенъ для дальнѣйшаго развитія. Другіе утверждали, что удовлетворяться этимъ матеріаломъ—значить останавливаться на первоначальныхъ ступеняхъ развитія, отказываться отъ западно-европейскихъ идей—значить отречься отъ великаго наслѣдія общаго культурнаго развитія, которое прошло черезъ западную Европу раньше, чѣмъ черезъ восточную, и потому должно быть усвоено Востокомъ съ Запада. Одни возставали противъ всей практики «петербургскаго» періода и примирялись съ организациею правительственной власти, но сколько она перешла къ петербургскому періоду отъ московскаго; другіе горячо защищали дѣло Петра, какъ культурное обновленіе, и, въ то же время, желали продолженія этого дѣла, какъ политическаго обновленія. Одни думали, что въ преемственности великихъ народовъ не только найдешь наслѣдникъ для дряхлѣющаго Запада—Россія, но что дряхлый Западъ умеръ, гниетъ, и остается только вступить въ наслѣдство. Другіе находили такое притязаніе очень преждевременнымъ и совѣтовали подождать, пока дѣйствительно загложнетъ въ Европѣ духовное творчество, а Россія обнаружитъ свою силу не только въ предварительной работѣ государственнаго и хозяйственнаго строительства, но и въ сферѣ высшей культуры, выдвинетъ новыя и плодотворныя идеи, создастъ свои духовныя памятники. И, въ сущности, въ глубинѣ этихъ споровъ лежало коренное разномысліе въ пониманіи основнаго принципа культуры. Славянофилы имѣли въ виду культуру народную, которая усвоивается непосредственно большинствомъ, широкія религіозныя и политическія обобщенія, которыя почти безсознательно вырастаютъ въ народѣ подъ вліяніемъ его племеннаго преданія, общаго историческаго и географическаго положенія, формъ труда, климата и, наконецъ, начальной школы или проповѣди. Эти формы дѣйствительно опредѣлились уже въ древней Россіи, и славянофилы считали прямо вреднымъ подвергать ихъ дальнѣйшимъ

видоизмѣненіямъ. Западники отпращивались отъ понятія культуры, какъ сознательнаго творчества человѣчества. Дѣло великихъ мыслителей было для нихъ не простою надставкой къ общей жизни людей, а высшимъ ея выраженіемъ. Различая между народами дикими и историческими, они различали дальше между полусонною жизнью темнаго люда, безпомощнаго и несчастнаго отъ своей темноты, и сознательною самодѣятельностію людей, которые знаютъ, какая великая сила — человѣческая мысль. Они видѣли въ исторіи, какъ духовныя приобрѣтенія непогихъ дѣлались достояніемъ всѣхъ и какъ высшія идеи становились рычагомъ для улучшенія въ бытѣ массъ. Не будь высшей, идейной культуры, до сихъ поръ существовало бы рабство. Ни одинъ изъ этихъ идеалистовъ и въ умѣ не имѣлъ отгородиться отъ массы, этимъ требованіемъ высшей культуры создать основаніе для умственной аристократіи, для самодовольнаго господства меньшинства. Напротивъ, вся ихъ дѣятельность была направлена къ тому, чтобы поднять массы до себя, дать имъ досугъ и образованность, дать имъ личность.

Понятно, на какую сторону въ этомъ спорѣ долженъ былъ стать Грановскій. «Многочисленная партія подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ не убыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, бессмысленно-жестокі и бессмысленно-добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача — нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество» (соч. II, стр. 220). Онъ не могъ не быть западникомъ. Къ этому вела не заграничная командировка и не

занятіе иностраннымъ матеріаломъ, а все пониманіе исторіи, основной принципъ этого пониманія — идея всеобщей исторіи. Грановскій призналъ, что существуетъ нѣкоторое общее историческое движеніе въ отличіе отъ всѣхъ частныхъ, — призналъ, что показателемъ этого движенія служить прогрессивная выработка идей, — призналъ, что каждый шагъ впередъ отправляется отъ предшествовавшаго, призналъ, что въ жизни народной это равносильно усвоенію чужеземной культуры вступающимъ на смѣну народомъ. Практическія приложенія къ Россіи были очевидны. Необходимо было сдѣлать западную цивилизацію своею, чтобы одолѣть ее и пойти дальше. И Грановскій былъ слишкомъ възыскателемъ, чтобы ошибиться относительно того, въ какой степени эта приготовительная работа исполнена. Онъ не видѣлъ еще въ Россіи той «новой науки», которую провозглашалъ Хомяковъ, возмущался, когда говорили о гражданскомъ распаденіи Западнаго люда, сидѣвшіе въ грязи крѣпостнаго права.

Мы уже настолько отошли отъ этихъ споровъ, что можемъ попытаться взглянуть на нихъ безпристрастно. Великою несправедливостью было бы признать заслуги и побѣды только за одними и презирать другихъ. Увлеченія были и на той, и на другой сторонѣ, но, въ то же время, и та, и другая сторона выражали своимъ споромъ борьбу двухъ широкихъ міровоззрѣній. Въ извѣстномъ смыслѣ сталкивались философія безсознательнаго и философія сознательности. А въ жизни Россіи и та, и другая партія сдѣлали свое дѣло. Славянофилы первые обратили вниманіе на народъ, какъ цѣлое, на его привычки и учрежденія; съ энергіей и правдой отстаивали значеніе его «роковыхъ опредѣленій» въ противоположность попыткамъ какъ правительства, такъ и образованнаго общества; наконецъ, смѣло исповѣдовали самостоятельное значеніе религиозныхъ идеаловъ, религіозной жизни. Главная сила западниковъ была въ ихъ требовательности; они напоминали, что для справедливости и истины «пѣсть Эллиновъ и Іудей, рабъ и свободъ», не давали успокоиться на полдорогѣ, требовали подвиговъ высшей духовной жизни, искали прежде всего гуманности.

Прежде всего—человѣчность, сказалъ Грановскій, и за одно это слово о немъ никогда не забудутъ въ Россіи. Высока была цѣль, велики препятствія, но несокрушима вѣра въ свой народъ и силу добра.

Еще лежитъ на побѣ тѣнь,
Еще далекъ прекрасный день,
Но благъ Господь: Онъ знаетъ срокъ,
Онъ вышлетъ утро на Востокъ.

Павель Виноградовъ.

Casa giojosa.

(Этюдъ изъ исторіи новой школы.)

Крупныя перемѣны въ общественной жизни всегда захватываютъ школу, и она послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сопротивленія реформируется въ духъ времени и подчиняется новымъ требованіямъ. Если старая школа имѣла твердую организацію и успѣла выработать прочныя традиціи, то она вступаетъ въ упорную борьбу съ новыми жизненными потребностями, отстаетъ отъ жизни и только мало-помалу приходитъ въ соотвѣтствіе съ другими сторонами современной культуры. Такъ, языческая школа весьма долго противилась уже восторжествовавшему христіанству, а потомъ, сдѣлавшись христіанской, долго держалась старыхъ педагогическихъ приемовъ и прежняго, языческаго учебнаго матеріала. Только мало-помалу аскетическій духъ, наложившій печать на всѣ стороны духовной жизни средневѣковаго общества, овладѣлъ и школой, поставилъ ей новыя задачи воспитанія и предписалъ соотвѣтственные педагогическіе приемы. Подобно монастырю, школа монашескими средствами должна была готовить своихъ питомцевъ къ загробной жизни, внушая имъ вражду къ міру, въ которомъ видѣли одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ грѣха, и всячески подавляя ихъ плоть, другое могучее орудіе врага рода человѣческаго. Такимъ образомъ самый педагогическій идеалъ отрывалъ школу отъ жизни и осуждалъ ее на крайнюю односторонность, считая физическое воспитаніе за потворство грѣху. Съ

другой стороны, за духовнымъ развитіемъ не признавалось самостоятельной цѣлы, и подъ суровой монашескою ферулой оно подвергалось сильнымъ ограниченіямъ и получало одностороннее направленіе. Прежде всего, школа должна была такъ дисциплинировать волю питомца, чтобъ она безпрекословно подчинялась чужой волѣ; такой же дисциплинѣ долженъ быть подвергнутъ разумъ, который иначе легко можетъ привести къ дьявольской гордынѣ и къ отрицанію церковнаго авторитета. Въ силу этого самостоятельная наука считалась ересью, и въ малѣйшихъ проблескахъ критицизма видѣли такой же тяжелый грѣхъ, какъ въ неурегулированномъ церковью удовлетвореніи физическихъ потребностей нашей природы. Совершенно естественно поэтому, что средневѣковая школа отличалась безпощадною суровостью въ педагогическихъ приемахъ и безжизненнымъ формализмомъ въ воспитаніи, которое стремилось подавить не только физическое, но и духовное развитіе учащихся.

Эпоха возрожденія подвергла смѣлой критикѣ всѣ средневѣковые авторитеты и противопоставила аскетизму новый взглядъ на жизнь и на человѣческую природу. Гуманисты съ самаго начала движенія объявили всестороннее развитіе неотъемлемымъ правомъ личности и всѣми средствами старались провести этотъ принципъ въ жизнь. Въ силу этого, ихъ столкновеніе съ средневѣковою школою, основанною на діаметрально противоположныхъ воззрѣніяхъ, было неизбѣжно, и это столкновеніе ускорило, благодаря общественному положенію дѣятелей ранняго Ренессанса и условіямъ развитія гуманистическаго движенія. Весьма многіе гуманисты занимали мѣста ученыхъ секретарей при легальныхъ и нелегальныхъ правителяхъ тогдашней Италіи; совершенно естественно, что къ нимъ обращались за совѣтомъ по всѣмъ вопросамъ, касавшимся науки и просвѣщенія. Кромѣ того, педагогическая дѣятельность была одной изъ наиболѣе распространенныхъ специальностей гуманистовъ, такъ какъ только они обладали хорошимъ знакомствомъ съ античною литературою, которая, благодаря имъ, пользовалась высокимъ почетомъ въ тогдашнемъ обществѣ. Наконецъ, педагогія была

однимъ изъ самыхъ надежныхъ орудій гуманистической пропаганды; поэтому вопросы воспитанія и образованія занимали даже тѣхъ гуманистовъ, которые не были учителями по специальности. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, педагогическіе трактаты, всегда составлявшіе значительную отрасль гуманистической литературы, стали появляться почти съ самаго начала движенія и съ перваго же раза провозгласили новые принципы воспитанія и поставили школѣ новыя задачи. Чтобы составить себѣ представленіе о педагогическихъ теоріяхъ гуманистовъ, достаточно познакомиться съ однимъ изъ наиболѣе раннихъ трактатовъ такого содержанія «О воспитаніи юношей» Леонардо Бруни (1369—1444) *).

Авторъ придаетъ воспитанію огромную важность. «Закладывать фундаментъ для хорошей жизни и приспособлять душу къ добродѣтели,—говоритъ онъ,—нужно въ нѣжномъ возрастѣ, который легко доступенъ всякому впечатлѣнію. То, что сложится въ этомъ возрастѣ, останется и на всю жизнь». Поэтому хорошее воспитаніе дѣтей составляетъ не только главную обязанность родителей, но и важный государственный интересъ. Въ противоположность средневѣковымъ педагогамъ, Бруни требуетъ отъ воспитанія не только духовнаго, но и физическаго развитія и настаиваетъ на необходимости обучать молодежь военнымъ приемамъ, ѣздѣ верхомъ и гимнастикѣ. Должно вводить,—пишетъ онъ,—такія упражненія, которыя сохраняютъ здоровье и укрѣпляютъ члены. Съ гигиенической точки зрѣнія, рекомендуетъ Бруни и нѣкоторое воздержаніе отъ тѣлесныхъ удовольствій. Такъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ поменьше спать и ѣсть; хотя у различныхъ людей потребности въ этомъ отношеніи не одинаковы, но въ общемъ «природа довольствуется немногимъ». Точно также въ школьномъ возрастѣ не слѣдуетъ давать много вина, потому что «излишнее его употребленіе вредно для здоровья». «Слѣдуетъ заботиться,—пишетъ онъ далѣе,—чтобы юноши какъ можно долѣе оставались цѣломудрен-

*) *Leonardi Aretini: „De institutione adolescentium ad ubertinum Carraricenses“*. Трактатъ не изданъ.

ными и чистыми, потому что незрѣлая любовь (*immatura Venus*) ослабляетъ душевныя и тѣлесныя силы». Духовное воспитаніе, на которомъ авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ, должно быть построено на психологической основѣ, причемъ педагогъ долженъ тщательно изучить индивидуальныя свойства своихъ питомцевъ и воспитывать ихъ сообразно съ ихъ психическими особенностями. Такъ если у ребенка очень слаба память или рѣзко выражены практическія склонности, то его слѣдуетъ готовить не для ученыхъ занятій, а для дѣловой жизни. Если же юноша способенъ къ наукамъ, то слѣдуетъ изучить болѣе тонкіе отбѣнки его способностей, чтобы сообразно съ этимъ направить его потомъ на специальное изученіе той или другой науки; при этомъ Бруни обстоятельно излагаетъ результаты своихъ и чужихъ наблюденій надъ различными свойствами ума человѣческаго. На такихъ же основаніяхъ должны быть построены и педагогическіе приемы. «Слѣдуетъ пользоваться различными средствами, чтобы занятія шли хорошо и правильно,—говоритъ Бруни:—однихъ нужно привлекать похвалою и надеждою на почести, другихъ подарками и побрякками, однихъ надо принуждать угрозами, другихъ ударами или розгами. Но всѣмъ этимъ нужно пользоваться со строгою обдуманностью и разумною умѣренностью и слѣдуетъ остерегаться, чтобы наказанія не были ни слишкомъ слабы, ни слишкомъ суровы. Какъ излишнее своеволие приводитъ къ распушенности и хорошо одаренныя натуры, такъ и суровыя и постоянныя наказанія ослабляютъ духовныя силы и гасятъ природный огонекъ въ дѣтяхъ, такъ что они, не будучи въ состояніи ни на что рѣшиться и боясь ошибиться въ каждомъ дѣлѣ, дѣлаютъ промахи всегда и во всемъ».

Цѣль духовнаго воспитанія, по Бруни, нравственное и умственное развитіе юноши. Автору совершенно чужды идеалы монашеской школы, и его педагогическія теоріи носятъ чисто свѣтскій характеръ; тѣмъ не менѣе религія составляетъ важный ингредиентъ его программы воспитанія. «Хорошо воспитанный юноша,—пишетъ Бруни,—долженъ прежде всего заботиться о

дѣлахъ божественныхъ и питать къ нимъ уваженіе, и такое направленіе ему должно быть внушено съ самыхъ юныхъ лѣтъ. На самомъ дѣлѣ, что святого будетъ въ человѣческихъ дѣлахъ для такого человѣка, который презираетъ божество? Но не слѣдуетъ выдвигать на первый планъ старушечьихъ суевѣрій, которыя въ этомъ возрастѣ обыкновенно болѣе всего осуждаются и подвергаются осмѣянію... Особенно же слѣдуетъ наставлять юношей, чтобы они не кощунствовали и не насмѣхались надъ священными именами, что отвратительно въ каждомъ возрастѣ». Такое почтительное отношеніе къ существующей религіи не препятствуетъ Бруни рѣзко отклониться въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія отъ традиціонныхъ педагогическихъ приемовъ. Онъ не рекомендуетъ ни постовъ, ни бичеваній, ни другихъ благочестивыхъ упражненій въ томъ же духѣ и не придаетъ большого значенія наказаніямъ и внѣшней дисциплинѣ. Авторъ и здѣсь, какъ повсюду, старается держаться психологической почвы, стремится воспитывать, а не дрессировать, выработать нравственныя склонности, которыя сами собою вызываютъ соответствующую дѣятельность, а не удерживать только страхомъ дурныхъ проявленій порочной натуры, которыя обыкновенно обнаруживаются съ полною силой, какъ только юноша выйдетъ изъ-подъ чужой ферулы. Такъ, чтобы подольше сохранить юношей цѣломудренными, Бруни рекомендуетъ воспитывать фантазію и, въ особенности, «никогда не оставлять молодежь праздною, а всегда занимать ее какимъ-нибудь благопристойнымъ упражненіемъ духа или тѣла». Особенно важную роль въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія приписываетъ авторъ наглядному примѣру, поэтому онъ требуетъ не только назидательнаго поведенія отъ старшихъ, но и усиленнаго изученія образцовъ античныхъ добродѣтелей. Наконецъ, самое умственное развитіе должно вести, по Бруни, къ нравственному улучшенію.

Въ началѣ XV столѣтія приходилось еще доказывать пользу образованія, и Бруни обстоятельно останавливается на этомъ вопросѣ. По его мнѣнію, научное образованіе необходимо вся-

кому человѣку, какой бы дѣятельности онъ себя ни посвятилъ, потому что оно ведетъ къ мудрости и къ добродѣтели. «Мы называемъ, — пишетъ онъ, — свободными науками (*liberalia studia*) тѣ, которыя достойны свободнаго человѣка. Это тѣ научныя занятія, посредствомъ коихъ развиваются или отыскиваются добродѣтели и мудрость и которыя располагаютъ тѣло или духъ ко всему наилучшему». Изученіе этихъ свободныхъ наукъ и искусствъ должно быть положено въ основу образованія, и Бруни подробно говоритъ о воспитательномъ значеніи каждой составной части своей программы образованія. Но, настаивая на всесторонности развитія учащихся, авторъ относится враждебно къ дилетантской многопредметности и требуетъ, чтобы каждый выбиралъ для спеціального изученія ту науку или то искусство, къ которому онъ чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ. Точно также Бруни не только далеко отъ обремененія учащихся чрезмѣрнымъ трудомъ, но считаетъ необходимымъ удерживать даже самихъ учениковъ отъ непосильнаго усердія къ наукѣ. «При обученіи, — говоритъ онъ, — обыкновенно является препятствіемъ то, что должно было бы служить большимъ подспорьемъ, а именно — чрезмѣрная страсть къ ученю, вслѣдствіе которой учащіеся, желая одинаково овладѣть всѣмъ, не могутъ ничего вполне усвоить». Наконецъ, заслуживаетъ вниманія еще одна черта педагогическаго трактата Бруни: авторъ свободенъ отъ умственнаго аристократизма, которымъ страдало большинство гуманистовъ, и требуетъ болѣе заботливаго воспитанія для дѣтей, мало одаренныхъ отъ природы. «Хотя о способныхъ должно тщательно заботиться, — пишетъ онъ, — но не слѣдуетъ пренебрегать и тѣми, которые обладаютъ посредственными способностями, — имъ нужно даже болѣе помогать, потому что у нихъ слабѣе природныя силы».

Таковы идеалы новой педагогіи. Полагая въ основу воспитанія психологію, новые педагоги смотрѣли на человѣческую природу съ точки зрѣнія, діаметрально противоположной аскетической морали, и требовали гармоническаго развитія всѣхъ тѣхъ свойствъ, къ подавленію которыхъ стремилась монашеская школа.

Педагогическія воззрѣнія Бруни, которыя дополнили и развили въ томъ же духѣ другіе гуманисты, стоятъ въ органической связи съ міросозерцаніемъ новаго времени, и ихъ осуществленіе въ старой школѣ было такою же абсолютною невозможностью, какъ и примиреніе новой культуры съ средневѣковыми католицизмомъ. Гуманисты пытались примкнуть къ университетамъ, и эти попытки имѣли благопріятный результатъ для развитія движенія; но въ высшей школѣ было невозможно полное примѣненіе новыхъ педагогическихъ теорій по многимъ причинамъ. Прежде всего университеты имѣли дѣло уже со взрослою молодежью, которая приходила сюда доканчивать свое образованіе, т.-е. приобретать пужныя свѣдѣнія въ правѣ и медицинѣ для практической дѣятельности или изучать богословскія тонкости, полезныя для церковной карьеры. Кромѣ того, въ университетахъ сложились прочныя традиціи, вполне согласныя съ общимъ духомъ средневѣковой культуры: тамъ царилъ безусловный авторитетъ, исключавшій всякую критику и не допускавшій никакой свободы научнаго изслѣдованія: право и медицина, поскольку они не были цеховымъ ремесломъ и сохраняли научныя тенденціи, разрабатывались чисто-схоластическими методами и были подавлены массой излишнихъ тонкостей и ненужныхъ мелочей. Гуманисты вступили въ борьбу съ этой одряхлѣвшею ученостью и съ ея ремесленнымъ духомъ, но имъ не удалось одержать побѣду, по крайней мѣрѣ, на итальянской почвѣ. Для успѣха было необходимо противопоставить схоластикѣ новую науку, а ее нужно было еще создать, такъ какъ въ античной литературѣ нельзя было найти готовыхъ образцовъ для христіанскаго богословія или для каноническаго права. Такая задача при началѣ научнаго движенія не подъ силу никакому гению, и гуманисты въ борьбѣ со схоластиками ограничивались критикой ихъ доктринъ и предъявленіемъ къ нимъ научныхъ требованій. Эта критика расчищала пути новой наукѣ, но не могла дать положительной замѣны господствовавшей въ университетахъ схоластики, такъ что даже гуманистически настроенные юристы и медики должны бы-

ли оставаться консерваторами въ своей спеціальности. Въ силу этого гуманисты, державшіеся въ университетахъ особнякомъ, не были довольны своимъ положеніемъ и охотно мѣняли катедру на мѣсто «апостольскаго» секретаря или придворнаго ученаго. Для осуществленія педагогическихъ теорій имъ приходилось основывать свои школы, и такихъ частныхъ школъ было довольно много уже въ XIV и началѣ XV вѣка, но всѣ онѣ имѣли скромные размѣры и не обладали опредѣленной и прочной организаціей. Дѣло измѣнилось, когда на помощь къ новымъ педагогамъ пришли сочувствующіе имъ меценаты, и первая строго организованная школа въ гуманистическомъ духѣ была устроена въ Мантуѣ *Витторино Рамбальдони да Фельтре* въ 1425 году при дворѣ Джанъ-Франческо Гонзаги и на его средства.

Витторино Рамбальдони (1378—1446) по натурѣ и по возрѣніямъ обладалъ всѣми свойствами первостепеннаго педагога. Онъ самъ прошелъ суровую жизненную школу и много поработалъ надъ собственнымъ воспитаніемъ, чтобы, побѣдивши дурныя стороны своего характера и развивши хорошія, приблизиться къ идеалу человѣка, какъ его понимали въ ту эпоху. Витторино родился въ городкѣ Фельтре, въ Венеціанской области, и принадлежалъ къ крайне бѣдной семьѣ, которая часто нуждалась въ самомъ необходимомъ. Научившись кое-чему въ родномъ городѣ, онъ полюбилъ науку и уже взрослымъ юношей отправился въ Падую, ближайшій къ Фельтре центръ тогдашней учености. Здѣсь, пробиваясь кое-какъ уроками, Витторино слушалъ въ мѣстномъ университетѣ какъ свѣтилъ средневѣковой науки, такъ и профессоровъ-гуманистовъ. Положеніе молодого человѣка было крайне тяжелое; иногда приходилось даже платить профессорамъ личною службой. Такъ, Витторино очень хотѣлось изучить математику. Самымъ знаменитымъ спеціалистомъ въ этой наукѣ считался тогда Бьяджіо Пелакане; но въ университетѣ онъ читалъ философію, а математику, которая была главнымъ источникомъ его славы, онъ преподавалъ дома и за особую плату. Тщетно упрашивалъ Витторино жад-

наго ученаго позволить ему даромъ вмѣстѣ съ другими слушать математику; Пелакане согласился принять его только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы бесплатный слушатель сдѣлался слугою въ его домѣ, и Витторино цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ уплату за лекціи мылъ посуду и исправлялъ другія обязанности въ домѣ профессора. Изучивши, подъ руководствомъ хозяина, Эвклида, Витторино оставилъ Пелакане и продолжалъ занятія безъ чужого руководства.

Несмотря на нѣкоторый интересъ къ средневѣковой наукѣ, Витторино по своимъ возрѣніямъ и симпатіямъ принадлежалъ къ числу гуманистовъ и съ весьма многими изъ нихъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Но онъ былъ чуждъ крайностей Возрожденія, не питалъ безусловной и слѣпой вражды къ прошлому, а, наоборотъ, старался воспользоваться тѣми его сторонами, которыя можно было примирить съ новыми стремленіями. Витторино глубоко, всѣмъ существомъ усвоилъ основное возрѣніе гуманизма, что человѣческая природа обладаетъ высокими достоинствами и способна къ безконечному совершенствованію и что отдѣльная личность не только имѣетъ право, но даже обязана развивать всѣ хорошія стороны своей природы. Это возрѣніе сдѣлалось руководящимъ принципомъ Витторино, которому онъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ до конца жизни. Въ молодости онъ старался не только образовать умъ и воспитать чувство и волю, но также развить тѣло, и усердно занимался гимнастическими упражненіями, благодаря которымъ этотъ маленькій, тщедушный человѣкъ до глубокой старости не зналъ болѣзни. Вся его жизнь была непрерывною дѣятельностью, такъ что, по выраженію его ученика, онъ не оставался празднымъ ни одного момента. Но въ пониманіи права на всестороннее развитіе Витторино нѣсколько расходился съ своими единомышленниками. Гуманистамъ пришлось защищать этотъ принципъ противъ традиціоннаго аскетизма, и въ жару полемики они впадали въ противоположную крайность и забывали, что нѣкоторыя склонности человѣческой природы необходимо обуздывать и врагамъ монашества. Воюя противъ безбрачія,

гуманисты обнаруживали иногда неопозволительный цинизм и въ жизни, и въ сочиненіяхъ; считая бесполезнымъ постъ, они слишкомъ высоко цѣнили противоположныя наслажденія, и, какъ извѣстно, гастрономическими безразсудствами эпоха Возрожденія могла смѣло поспорить съ императорскимъ Римомъ. Витторино иначе понималъ принципъ всесторонняго развитія и былъ далеко отъ гуманистической односторонности. Прежде всего онъ твердо держался того ученія о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, которое было формулировано еще древними философами и освящено христіанствомъ. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ имѣетъ право удовлетворять своимъ физическимъ потребностямъ, но лишь въ той мѣрѣ, поскольку это не вредитъ его духовной природѣ. Въ такомъ духѣ Витторино много поработалъ надъ самимъ собой.

Такъ, сознавая въ себѣ слишкомъ сильныя эротическія наклонности, онъ непрерывно борется съ ними, тщательно избѣгаетъ такой литературы, такихъ разговоровъ и зрѣлищъ, которые могутъ возбуждать фантазію. Болѣе того, этотъ поклонникъ классической литературы, другъ Поджіо и Филельфо, съ молодыхъ лѣтъ и до старости подвергалъ себя монашескимъ бичеваніямъ, чтобъ обуздать чрезмѣрно развившуюся физическую потребность. Съ этой же точки зрѣнія боролся онъ противъ гастрономическихъ излишествъ. Витторино не держалъ поста въ монашескомъ смыслѣ слова и ѣлъ все, что считалъ полезнымъ для здоровья; но онъ ратовалъ за умѣренность въ пищѣ и не дѣлалъ изъ ѣды наслажденія. «Вѣрьте мнѣ,—говорилъ онъ своимъ ученикамъ,—что не много пищи нужно для поддержки жизни; прочее же—только угожденіе брюху, а для этой бездонной пропасти и многого недостаточно». По словамъ ученика-біографа, Витторино всегда употреблялъ одно и то же количество пищи и оканчивалъ обѣдъ гораздо раньше другихъ, говоря, что питаніе не должно служить препятствіемъ для послѣдующихъ занятій и для физической работы. Благодаря этой умѣренности, непрерывной дѣятельности и тщательному воспитанію фантазіи, Витторино привелъ въ норму слишкомъ уси-

лившуюся склонность: воспѣвая любовь и женщину въ латинскихъ и итальянскихъ стихахъ, онъ въ такихъ выраженіяхъ изображалъ свое чувство, что, по выраженію его біографа, его поэзія не заставила бы покраснѣть и самую скромную весталку. Съ такою же энергіей боролся Витторино противъ другого недостатка своего характера—чрезмѣрной вепльчивости. Исходя изъ того положенія, что разгнѣванный человѣкъ не можетъ сказать или сдѣлать ничего достойнаго одобренія, онъ не только самъ постоянно наблюдалъ за собою, но и обращался къ содѣйствію своихъ учениковъ: тѣ изъ нихъ, на которыхъ онъ наиболѣе полагался, замѣтивъ начпающееся раздраженіе учителя, должны были незамѣтно для другихъ обратиться на это его вниманіе.

Наряду съ такимъ пониманіемъ права личности на всестороннее развитіе, Витторино, благодаря особенностямъ своего характера, нѣсколько иначе относился и къ другимъ людямъ, чѣмъ большинство гуманистовъ. Гуманистическій индивидуализмъ, въ теоріи весьма высоко ставившій служеніе ближнему, на практикѣ весьма часто извращался въ эгоизмъ. Идеаломъ очень многихъ дѣятелей Возрожденія былъ «почетный досугъ», который давалъ бы время наставлять публику въ наукахъ и добродѣтеляхъ и доставлялъ бы возможность безбоязненно карать людскіе пороки. Для достиженія этой цѣли прежде всего необходимы были деньги, и христіанское нестяжаніе не было распространеною добродѣтелью среди гуманистовъ. У Витторино теорія не расходилась съ жизнью, можетъ-быть, благодаря также и природной добротѣ сердца. Пройдя суровую школу бѣдности и тяжелыхъ лишеній, онъ умѣлъ понимать чужую нужду и съ величайшею готовностью приходилъ на помощь къ бѣднотѣ. Витторино дѣлился съ нуждающимся скромнымъ педагогическимъ заработкомъ, какой онъ имѣлъ до переселенія въ Мантую, раздавалъ свое обильное содержаніе, которое получалъ отъ Гонзаги, умѣлъ привлекать къ благотворительности богатыхъ людей и умеръ такимъ бѣднякомъ, что хоронить его пришлось на общественный счетъ. Единственнымъ достояніемъ

Витторино былъ садикъ съ хижиной на холмѣ Пьетоле, гдѣ, по преданію, родился Виргилій, да значительная по тому времени библіотека, книги изъ которой онъ, впрочемъ охотно дарилъ лучшимъ изъ своихъ учениковъ. Точно также ему было чуждо и тщеславіе—недостатокъ, чрезвычайно распространенный среди гуманистовъ. Чрезмѣрная погоня за славой, результатъ отчасти индивидуализма, отчасти вліянія классической литературы, отчасти стремленія къ наживѣ, значительно подрывала нравственную репутацію гуманистовъ. Создавъ публицистику и возведя ее на степень общественной силы, дѣятели Возрожденія очень часто злоупотребляли ею въ личныхъ интересахъ. Чтобы подорвать авторитетъ соперника, чтобы наказать скупого мецената или унижить врага щедрого покровителя, чтобы отомстить мелкую или даже фиктивную обиду, они писали такъ-называемыя инвективы, т.-е., въ лучшемъ случаѣ, памфлеты, а чаще всего пасквили, наполненные площадною бранью и самой грязною клеветой. Подъ вліяніемъ мелочного самолюбія, даже литературная и ученая критика почти всегда получала характеръ инвективы. Витторино умѣлъ служить дѣлу, а не лицамъ, умѣлъ ладить съ товарищами и, никогда не прибѣгая къ инвективамъ, не имѣлъ враговъ между единомышленниками, представляя въ этомъ отношеніи исключительное явленіе въ исторіи итальянскаго гуманизма.

Наконецъ, послѣднее отличіе Витторино отъ современныхъ ему гуманистовъ составляло его благочестіе. Непримиримая противоположность новыхъ идеаловъ съ той формой христіанства, которая была извѣстна дѣятелямъ Возрожденія, и рѣзкій критицизмъ новыхъ ученыхъ, которые не останавливались и передъ безошаднымъ анализомъ церковныхъ ученій, насколько это не компрометтировало ихъ положенія, губительно дѣйствовали на религиозное чувство гуманистовъ и приводили ихъ чаще всего къ насмѣшливому индифферентизму, который всегда вредилъ движенію и былъ одной изъ главныхъ причинъ его прекращенія на итальянской почвѣ. Витторино избѣжалъ этого недостатка. Произошло ли это вслѣдствіе того, что, по своей

своимъ своей натуры, онъ не чувствовалъ склонности къ критической провѣркѣ старыхъ основъ на почвѣ новыхъ идеаловъ, или религиозное чувство было настолько въ немъ сильно, что уберегло старыя вѣрованія отъ разрушительной критики,— во всякомъ случаѣ Витторино былъ добрымъ католикомъ и хорошимъ христіаниномъ. Онъ не только тщательно исполнялъ все обряды, предписанные церковью, не только часто по ночамъ покидалъ постель для молитвы, но помогая бѣднымъ, навѣщала больныхъ, посѣщала заключенныхъ и такимъ образомъ въ высокой нравственной сторонѣ христіанскаго ученія находилъ твердую опору въ стремленіи къ совершенствованію своей личности въ гуманистическомъ духѣ. Больше сходства съ другими гуманистами обнаруживается въ отношеніи Витторино къ патриотизму. Мечта о возвращеніи Риму его прежняго вліянія и стремленіе къ объединенію Італіи подрывали мѣстный, городской патриотизмъ; но когда эти обширныя надежды не осуществились, среди гуманистовъ распространяются, хотя и не особенно широко, космополитическія тенденціи, и многіе изъ нихъ открыто провозглашали: *ubi bene, ibi patria*,— разумѣя подъ *bene* личныя выгоды. Нѣсколько иначе понималъ это изреченіе Витторино. Онъ обыкновенно называлъ себя мантуанцемъ и объяснялъ своимъ ученикамъ предпочтеніе Мантуи своей родиной тѣмъ, что въ Фельтре онъ только родился, а здѣсь исполнялъ важныя обязанности и здѣсь получилъ возможность хорошо прожить и принести пользу другимъ.

Лучшаго педагога для новой школы, благодаря всѣмъ этимъ особенностямъ Витторино, нельзя было найти между гуманистами. Основной его взглядъ на человѣческую природу внушалъ ему глубокую вѣру въ плодотворность воспитанія, и эта вѣра поддерживалась личнымъ опытомъ. Съ другой стороны, пониманіе человѣческихъ обязанностей, въ которомъ лучшія воззрѣнія гуманизма соединялись съ христіанскою моралью, давало наилучшее направленіе его педагогической дѣятельности. Кромѣ того, отсутствіе гуманистическихъ односторонностей давало Витторино широкій взглядъ на задачу школы, позволяло

ему готовить учеников не только къ ученой и литературной дѣятельности въ новомъ духѣ, но и къ служенію на всякомъ другомъ поприщѣ; при этомъ важное значеніе для дѣла имѣла его религіозность, которая помогала ему давать ученикамъ положительные нравственные идеалы, какихъ не удалось выработать итальянскому Возрожденію. Наконецъ, личныя свойства Витторино, доставившія ему всеобщее уваженіе, возвышали авторитетъ новой школы, которой посвятилъ онъ всѣ свои силы. Витторино не былъ ни писателемъ, ни профессиональнымъ ученымъ. Кромѣ немногихъ стихотвореній, нѣсколькихъ писемъ и рѣчей, онъ не написалъ ничего, о его ученыхъ занятіяхъ извѣстно только, что онъ работалъ надъ критическимъ исправленіемъ текста Плинія и Ливія, вѣроятно, въ интересахъ преподаванія. Главнымъ и исключительнымъ объектомъ его дѣятельности была педагогія. Отношеніе Витторино къ школѣ лучше всего характеризуетъ слѣдующій рассказъ одного изъ раннихъ его биографовъ. Друзья убѣждали его жениться и воспитать сыновей, чтобъ они продолжали его работу. «Вотъ мои сыновья», отвѣчалъ Витторино, показывая на своихъ учениковъ. Такимъ образомъ школа не только составляла главное общественное служеніе Витторино, но и замѣняла ему семью. Тѣмъ не менѣе ему не сразу удалось найти подходящее мѣсто для полного осуществленія своихъ педагогическихъ идеаловъ.

Витторино началъ педагогическую дѣятельность въ Венеціи, открывъ тамъ маленькую школу для преподаванія латинскаго языка, затѣмъ онъ занялъ кафедру въ Падуанскомъ *Ginnasio*, а въ то же время имѣлъ учениковъ и на дому. Но университетское преподаваніе не давало ему удовлетворенія: Витторино былъ воспитатель по преимуществу, а ему приходилось только обучать. Кромѣ того, тогдашніе университетскіе нравы, крайняя распущенность студентовъ, интриги и раздоры между профессорами отравляли жизнь Витторино, который сознавалъ свое безсиліе сколько-нибудь улучшить существующія отношенія. Поэтому онъ оставилъ Падую и вновь открылъ школу въ Венеціи; но и здѣсь приходилось дѣйствовать въ очень тѣсныхъ

рамкахъ. Есть извѣстіе, что въ это время Витторино хотѣлъ поступить въ монастырь, вѣроятно, для того, чтобы поставить тамъ на болѣе широкую ногу педагогическую дѣятельность, такъ какъ по возрѣніямъ онъ былъ далекъ отъ монашества. Но репутація Витторино, какъ выдающагося педагога, получила широкую извѣстность, и Джанъ-Франческо Гонзага, богатый и могущественный владѣтель Мантуи, предложилъ ему мѣсто воспитателя своихъ дѣтей и на весьма выгодныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе бѣдный педагогъ не безъ колебаній принялъ блестящее предложеніе. Дворы итальянскихъ властителей пользовались печальной извѣстностью, а ихъ дѣти, выращенныя въ развращающей обстановкѣ, сулили тяжелый и неблагодарный трудъ воспитателю. Но Гонзага былъ лучше другихъ, и Витторино надѣялся, что ему удастся организовать при его материальномъ содѣйствіи такую школу, какаю носилась въ его воображеніи. Кромѣ того, при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ Италіи, когда ея судьбами распоряжались абсолютные властители, воспитаніе будущаго государя и само по себѣ представлялось важною задачей. Въ силу этихъ соображеній Витторино отправился въ Мантую; но при первомъ свиданіи съ Гонзагой объявилъ ему: «Я пришелъ по твоему зову, но останусь у тебя только до тѣхъ поръ, пока ты не потребуешь отъ меня того, что недостойно насъ обоихъ». Гонзага назначилъ Витторино значительное содержаніе и приказалъ своему казначею выдавать, сколько онъ потребуетъ, на устройство школы. Такимъ образомъ гуманистическій педагогъ получалъ возможность осуществить свои планы.

Въ воображеніи Витторино носилось античное воспитаніе, какъ оно изображено въ педагогическихъ трактатахъ Плутарха и Квинтилиана, но видоизмѣненное сообразно съ новыми потребностями. Въ этомъ духѣ онъ и началъ свое дѣло. Гонзага отвелъ превосходное помѣщеніе для новой школы и далъ ей роскошную обстановку. Школьное помѣщеніе называлось *Casa giojosa* (радостный или веселый домъ) *) и, благодаря своему

*) Въ современныхъ документальныхъ описаніяхъ Мантуи оно называется *la Zouosa* или *Domus jocosae*.

положенію, вполнѣ заслуживало этого названія. Школа расположена была въ сторонѣ отъ городского шума, на берегу озера среди луговъ и около парка съ тѣнистыми аллеями. Внутренняя обстановка отличалась роскошью: обширныя комнаты, украшенныя стѣнною живописью, изображавшею различныя дѣтскія игры, соединялись широкими галереями; столы были изукрашены золотомъ и серебромъ и въ такомъ же родѣ была остальная мебель. Среди этой роскошной обстановки жили дѣти Гонзаги, окруженныя сверстниками изъ знатныхъ фамилій и разодѣтыми и раздуженными слугами. Содержалась будущая школа соотвѣтственно съ обстановкой: столъ отличался изысканностью и вся жизнь состояла изъ непрерывнаго ряда забавъ и наслажденій. Витторино началъ съ того, что круто измѣнилъ всѣ порядки. Онъ остался очень доволенъ только внѣшнимъ положеніемъ школы и просторомъ ея внутренняго помѣщенія; но всяческое проявленіе роскоши было заботливо устраниено: затѣйливая мебель была замѣнена болѣе простою, изысканный столъ — здоровой и питательною пиццей, количество прислуги было сокращено и оставлены были только нравственно надежныя слуги, между которыми были точно разграничены ихъ обязанности. Витторино не побоялся раскассировать и знатныхъ товарищей своихъ питомцевъ: онъ оставилъ только тѣхъ немногихъ, которые обнаруживали хорошія нравственныя склонности и способность къ наукамъ, остальные были отправлены къ своимъ родителямъ. Чтобы не допустить въ школу нежелательныхъ элементовъ извнѣ, Витторино поставилъ у дверей сторожа, который безъ разрѣшенія никого не впускалъ въ школу и не выпускалъ изъ нея.

Эти первые и весьма трудные шаги въ дѣлѣ организаціи новой школы Витторино совершилъ не посоветовавшись съ своимъ патрономъ, чтобы сразу создать себѣ независимое положеніе и испытать степень довѣрія къ себѣ со стороны Гонзаги. Джанъ-Франческо поддержалъ педагога, и протесты знатныхъ родителей, недовольныхъ за удаленіе своихъ дѣтей, смолкли передъ авторитетомъ ихъ повелителя. Тогда Витторино при-

ступилъ къ дальнѣйшему осуществленію своихъ плановъ. Отправляясь въ Мантую, онъ не имѣлъ въ виду ограничиться воспитаніемъ дѣтей Гонзаги, а хотѣлъ создать цѣлую школу; поэтому онъ началъ принимать постороннихъ учениковъ. Педагогическая репутація Витторино все расширялась, и въ Мантую стекались ученики не только изъ различныхъ областей Италіи, но также изъ Франціи, Германіи и даже изъ Греціи. Помѣщеніе вскорѣ оказалось тѣснымъ, и рядомъ съ Casa giojosa возникла другая школа, правилыше—другой пансіонатъ, такъ какъ обученіе и воспитаніе велись совмѣстно. Расширеніе дѣла потребовало сотрудниковъ для Витторино, и онъ пригласилъ особыхъ преподавателей по разнымъ предметамъ, но главное руководство обѣими школами принадлежало ему самому, и онъ до самой смерти оставался душой своей системы. Витторино съ большимъ разборомъ принималъ учениковъ, не будучи въ состояніи помѣстить всѣхъ желающихъ. Еще держа маленькую школу въ Падуѣ, онъ подвергалъ нравственному и умственному испытанію вновь поступающихъ: дѣти, нравственно испорченныя или съ рѣзко выраженными порочными склонностями, не допускались въ школу или исключались изъ нея, если это обнаруживалось позже; неспособныя къ наукамъ и искусствамъ возвращались родителямъ съ совѣтомъ выбрать для нихъ другую карьеру, болѣе подходящую къ ихъ склонностямъ. На общественное положеніе и состояніе ребенка Витторино не обращалъ вниманія, только богатые родители должны были платить сообразно со своими средствами, и на эти деньги содержались, воспитывались и обучались дѣти бѣдняковъ. Такимъ же аристократическимъ принципомъ въ гуманистическомъ духѣ руководился Витторино при приѣмѣ учениковъ и въ Мантуанскую школу. Разница заключалась только въ томъ, что бѣдняковъ принимали смѣлѣе, потому что Гонзага не жалѣлъ денегъ на школу, тѣмъ не менѣе Витторино весьма охотно принималъ знатныхъ питомцевъ, держась того взгляда, что тотъ особенно нуждается въ нравственномъ и умственномъ воспитаніи, отъ кого впоследствии будетъ зависѣть судьба другихъ людей.

Педагогическая система, господствовавшая въ Мантуанской школѣ, основана была приблизительно на тѣхъ же принципахъ, которые проповѣдывалъ Бруни въ знакомомъ намъ трактатѣ. Витторино ставилъ своею задачей воспитывать тѣло, умъ и чувство, т. е. исправлять недостатки и развивать достоинства всѣхъ сторонъ человѣческой природы, причемъ воспитательные приемы основывались на изученіи индивидуальных особенностей питомцевъ. Въ силу этого, физическое воспитаніе занимало видное мѣсто въ Casa gioiosa. Витторино ставилъ его на первомъ планѣ, по крайней мѣрѣ, для дѣтей младшаго возраста, которыхъ онъ особенно охотно принималъ въ свою школу. Исходя изъ того положенія, что *mens sana in corpore sano*, онъ считалъ необходимымъ прежде всего поддерживать и укрѣплять здоровье, а также упражненіями помогать природѣ въ развитіи физическихъ силъ ребенка. Витторино внимательно слѣдилъ за ницей учениковъ, всегда обѣдалъ вмѣстѣ съ ними и, не допуская никакихъ излишествъ въ столѣ, тщательно заботился, чтобъ обѣдъ былъ простой, но здоровый, причемъ принимались во вниманіе и индивидуальныя особенности учениковъ. Такъ, старшій сынъ Гонзаги, Лодовико, отличался такою толщиной, что съ трудомъ могъ двигать членами, а второй сынъ, Карло, представлялъ собою длинную, сухую и нескладную фигуру съ огромными руками и ногами и страдалъ слабостью во всѣхъ членахъ и крайнею неловкостью всѣхъ движеній. Витторино сократилъ обѣдъ Лодовико, запретилъ ему ужинать и предписалъ ему какъ можно больше движенія; Карло, наоборотъ, не стѣсняли въ ницѣ и предписанныя ему упражненія заключались главнымъ образомъ въ укрѣпленіи членовъ и въ развитіи физической ловкости. Результаты были чрезвычайно успѣшны: молодые Гонзаги позже славились выносливостью и совершенствомъ во всемъ томъ, что требовало тѣлесныхъ силъ и ловкости, такъ что старшій Витторино съ умиленіемъ называлъ Лодовико своимъ Гекторомъ, а Карло — Ахиллесомъ. Съ большою заботливостью относился Витторино и къ костюму своихъ учениковъ. Каждый долженъ былъ одѣ-

ваться по своему состоянію, но франтовство и роскошь преслѣдовались безпощадно. Прежде всего, платье должно быть чисто и опрятно, что важно для здоровья; кромѣ того, дѣтямъ запрещалось чрезмѣрно кутаться, чтобы не сдѣлать ихъ чрезчуръ чувствительными къ простудѣ. Самъ Витторино ходилъ зимою и лѣтомъ въ одинаковомъ костюмѣ, и ему подражали старшіе и крѣпкіе ученики; если же кто изъ дѣтей жаловался на холодъ, то его заставляли прогуляться или побѣгать и не позволяли грѣться около печки и каминна. Устраняя все то, что могло изнѣжить ребенка, Витторино слѣдилъ, чтобы сонъ, также какъ нища и костюмъ, приучалъ дѣтей къ умѣренности и выносливости.

Устроивъ для дѣтей наилучшую гигиеническую обстановку, какъ понимали это дѣло въ началѣ XV вѣка, Витторино для содѣйствія естественному развитію тѣла ввелъ въ свою школу цѣлую систему физическихъ упражненій. Каждый день его ученики ѣздили верхомъ, боролись, занимались фехтованіемъ, стрѣляли изъ лука, играли въ мячъ и т. п., причемъ каждому назначалось такое упражненіе, которое соответствовало его индивидуальнымъ наклоностямъ и подготовляло къ будущей карьерѣ. Кромѣ того, допускались также охота и рыбная ловля; но самое любимое упражненіе, въ которомъ принимала участіе вся школа, составляли примѣрныя сраженія и штурмы крѣпостей, причемъ ученики дѣлились на два лагеря и побѣдителямъ назначалась награда. «Витторино сердечно радовался, — рассказываетъ его ученикъ-біографъ, — когда до неба поднимались крики запыленныхъ учениковъ». Всѣмъ этимъ упражненіямъ придавалось очень важное значеніе также и для развитія выносливости. Витторино требовалъ, чтобъ они происходили подъ открытымъ небомъ во всякую погоду и при всякой температурѣ. Тѣмъ не менѣе до крайностей не доходили: въ Мантуѣ лѣтомъ воздухъ считался нездоровымъ, и учениковъ на это время перевозили на дачу въ болѣе здоровыя мѣстности. Физическое воспитаніе въ Casa gioiosa не ограничивалось укрѣпленіемъ здоровья и развитіемъ силы и выносливости. Вит-

торино, какъ истый гуманистъ, стремился также и къ развитію въ своихъ ученикахъ граціи и виѣшней красоты: въ школѣ исправляли недостатки голоса, приучали къ плавнымъ и изящнымъ жестамъ, позамъ и движеніямъ и т. п. и доходили въ этомъ отношеніи до скрупулезной тщательности. Въ дѣтяхъ преслѣдовали некрасивыя гримасы, слишкомъ громкое сморканье или зѣванье, — словомъ, эстетическій вкусъ педагога ничего не упускалъ изъ вниманія, придавалъ значеніе всякой мелочи.

Физическое воспитаніе признавалось самостоятельной и важною задачей новой школы; но въ то же время оно должно было содѣйствовать умственному и нравственному развитію учащихся. Гимнастическія упражненія служили превосходнымъ отдыхомъ отъ учебныхъ занятій и, подкрѣпляя тѣло, облегчали трудъ приобрѣтенія научныхъ познаній, которыя въ Мантуанской школѣ стояли чрезвычайно высоко. Съ другой стороны, такое чередованіе умственныхъ и физическихъ упражненій самымъ производительнымъ образомъ постоянно занимало дѣтей и не оставляло времени праздности, которую Витторино справедливо называлъ матерью всѣхъ пороковъ. Такимъ образомъ физическое воспитаніе стояло въ связи съ духовнымъ, которое составляло существенную задачу новой педагогіи. Витторино на вопросъ одного изъ своихъ учениковъ, что необходимо для того, чтобы сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ, такъ формулировалъ его обязанности: «ты долженъ разучиться, если случайно научился чему-нибудь дурному, и, очистивши свою душу отъ всякаго предрасудка и отъ всякихъ дурныхъ привычекъ, долженъ отдаться хорошему учителю, который возьметъ на себя родительскія заботы о тебѣ и которому ты долженъ оказывать сыновнее повиновеніе». На учителей, слѣдовательно, лежатъ обязанности отца, и Витторино исполнялъ ихъ чрезвычайно добросовѣстно. Принимая въ школу дѣтей самаго младшаго возраста, онъ начиналъ съ обученія грамотѣ, причемъ главная забота преподавателя заключалась въ облегченіи дѣла. Витторино писалъ буквы на разноцвѣтныхъ кусочкахъ

картона, облегчалъ всѣми способами ихъ запоминаніе, и, по свѣдѣтельству современника, дѣти играя научались читать. Грамотность считалась обязательною для всѣхъ; но дальнѣйшее обученіе обусловливалось изученіемъ индивидуальныхъ особенностей учащихся. По словамъ Витторино, для учащагося необходимы способности, упражненія и познанія, и онъ сравнивалъ способности съ полемъ, упражненія — съ его обработкой, а познанія — съ урожаемъ. Поля различны, и было бы нецѣлѣбно одинаково ихъ обрабатывать и дѣлать на нихъ одинаковыя посявы; урожай зависитъ отъ того, знаетъ ли земледѣлецъ свое поле и правильно ли его обрабатываетъ. Раздѣляя гуманистическій взглядъ на человѣческую природу, Витторино твердо вѣрилъ, что всякій человѣкъ можетъ достигнуть совершенства въ той или другой сферѣ, если только вѣрно опредѣлены его способности и на ихъ развитіи основано его воспитаніе. Чуждый гуманистической односторонности, мантуанскій педагогъ ввелъ въ свою школу преподаваніе всѣхъ наличныхъ наукъ и искусствъ. Кромѣ него самого, тамъ были учителя грамматики, логики, метафизики, математики, а также живописи, вокальной и инструментальной музыки, фехтованія, верховой ѣзды и т. д., — словомъ, всевозможныхъ специальностей. Отсутствовали только право и медицина; но если Витторино замѣчалъ въ какомъ-нибудь изъ своихъ учениковъ склонности къ этимъ наукамъ, то отправлялъ его въ университетъ и, въ случаѣ надобности, содержалъ его тамъ на свой счетъ. Въ основѣ преподаванія лежало изученіе античныхъ писателей, которые въ XV вѣкѣ составляли единственный источникъ свѣтской науки и философіи, недостижимый образецъ истинной поэзіи и краснорѣчія. Въ Мантуанской школѣ изучали классиковъ въ гуманистическомъ духѣ, т.-е. не только форму, но главнымъ образомъ содержаніе, и ученики-біографы Витторино сохранили намъ его взгляды на педагогическое значеніе отдѣльныхъ писателей. Въ Casa gioiosa изучали прежде всего только четырехъ писателей: Гомера, Виргилія, Демосоена и Цицерона, такъ какъ они съ поучительностью содержанія соединяютъ изящество формы. За-

тѣмъ Витторино знакомить учениковъ и съ другими писателями съ цѣлью сообщенія имъ научныхъ свѣдѣній и нравственнаго назиданія: съ Цезаремъ, Ливіемъ и Саллюстіемъ, чтобы показать образцы историческаго изложенія, съ Платономъ, Аристотелемъ и стояками для ознакомленія съ нравственною философіей, съ Пиндаромъ, Теокритомъ и Горациемъ, чтобы дать образцы различныхъ видовъ лирики, съ греческими трагиками «ради познанія человѣческаго сердца», съ комиками, такъ какъ они бичуютъ пороки, и т. д. На сочиненіяхъ Валерія Максима и Сенеки Витторино показывалъ, на ряду съ ихъ достоинствами, вредное вліяніе лести и другихъ пороковъ ихъ авторовъ. Римскіе элегики, а также Ювеналь, исключались изъ преподаванія за безнравственность содержанія ихъ произведеній. По древнимъ авторамъ излагалъ Витторино логику, философію и литературу, причемъ его преподаваніе отличалось особенною ясностью. Для этой цѣли онъ тщательно готовился къ лекціи и останавливался съ чрезвычайной обстоятельностью на анализѣ трудныхъ мѣстъ у философовъ и поэтовъ, добиваясь, чтобы ученики понимали самыя тонкіе отѣнки мысли писателя. Для провѣрки результатовъ лекціи онъ заставлялъ кого-нибудь изъ своихъ учениковъ прочитывать вслухъ прокомментированное мѣсто и по выраженію лица и голоса опредѣлялъ степень усвоенія комментарія; въ то же время другой ученикъ долженъ былъ отмѣчать основную мысль и самыя изящныя выраженія въ данномъ отрывкѣ. Но преподаваніе не ограничивалось изложеніемъ съ каюдры, — наоборотъ, Витторино старался всѣми средствами возбудить самостоятельную дѣятельность учениковъ. Прежде всего, на чтеніяхъ вслухъ онъ исправлялъ ихъ произношеніе, недостатки голоса, приучалъ къ выразительной дикціи; затѣмъ, они заучивали наизусть лучшіе отрывки изъ философовъ, поэтовъ и ораторовъ; далѣе, Витторино весьма поощрялъ дополнителныя и критическіе вопросы учениковъ при его объясненіяхъ и иногда даже нарочно допускалъ неясности и неправильности, чтобы вызвать съ ихъ стороны критику. На-ряду съ развитіемъ критическихъ способно-

стей, въ Мантуанской школѣ приучали и къ самостоятельной творческой работѣ. Ученики писали сочиненія, причемъ источникомъ, а отчасти и образцомъ служили древніе авторы, и Витторино съ необыкновенною тщательностью разсматривалъ эти работы, не упуская изъ вниманія ни одного промаха и не оставляя безъ одобренія ни одного достоинства. По словамъ современника, если ученикъ обнаруживалъ въ своей работѣ или особенное изящество стиля, или зрѣлость сужденія, то Витторино приходилъ въ восторгъ и даже плакалъ отъ умиленія. Наконецъ, особенно способнымъ и любознательнымъ ученикамъ онъ раннимъ утромъ, до занятій, давалъ частные уроки. Такииъ образомъ, классическое образованіе въ Мантуанской школѣ имѣло въ виду не только изученіе языка и формы древнихъ писателей, но главнымъ образомъ почерпало изъ ихъ содержанія богатый для того времени запасъ научныхъ свѣдѣній, развивало эстетическій вкусъ въ литературѣ и давало доступное возрасту философское міросозерцаніе, и при педагогическомъ тактѣ Витторино его преподаваніе достигало поразительныхъ успѣховъ. Чтобы составить себѣ представленіе о результатахъ такого классицизма, достаточно привести показаніе компетентнаго современника, посѣтившаго Мантуанскую школу. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, рассказываетъ онъ, «прочиталъ составленное имъ стихотвореніе изъ 200 стиховъ, въ которомъ описывается торжество въ Мантуѣ при вступленіи туда императора Сигизмунда, и прочиталъ съ такою граціей и съ такимъ изящнымъ произношеніемъ, что показался мнѣ чудомъ для своего возраста. Этотъ же милый мальчикъ показалъ намъ двѣ теоремы съ чертежами, прибавленныя имъ къ геометріи Эвклида, откуда можно заключить, какихъ результатовъ въ наукѣ достигъ онъ при своихъ способностяхъ. Тамъ же была десятилѣтняя дочка князя (Чечилія Гонзага), которая писала по-гречески съ такимъ изяществомъ, что мнѣ стало стыдно за всѣхъ моихъ бывшихъ ученикомъ, изъ которыхъ едва ли одинъ могъ писать съ такимъ искусствомъ». Приѣзжій гуманистъ отмѣчаетъ далѣе изумительную зрѣлость

ученическихъ работъ и легкость, съ которой они переводятъ съ греческаго на латинскій и обратно.

Въ основѣ нравственнаго воспитанія, составлявшаго третью задачу педагогической программы Витторино, лежалъ гуманистическій взглядъ, что въ человѣческой природѣ сильнѣе лучшія ея стороны и что разумными мѣрами возможно подавить развитіе ея недостатковъ. Исходя изъ этого положенія, Витторино стремился прежде всего устранить всѣ вліянія опасныя для нравственности: безъ разрѣшенія нельзя было проникнуть въ школу постороннему человѣку, за учениками былъ установленъ самый строгій надзоръ, ихъ никогда не оставляли праздными и не позволяли уединяться отъ товарищей; самъ Витторино и его сотрудники тщательно слѣдили, чтобы ни одно предосудительное слово не выходило изъ устъ ученика; точно также наблюдали и за чтеніемъ, и соблазнительныя книги и картины не допускались въ школу. Устраняя правильнымъ режимомъ препятствія, которыя могли помѣшать развитію хорошихъ сторонъ человѣческой природы, Витторино старался усилить это развитіе личнымъ примѣромъ и назидательнымъ чтеніемъ. Онъ обладалъ способностью горячо и искренно проповѣдывать нравственныя истины, а поведеніе его самого и тщательно выбранныхъ имъ сотрудниковъ составляло превосходную иллюстрацію проповѣди. Ученикамъ старались внушать правила христіанской нравственности, очищенныя отъ средневѣковыхъ предрассудковъ и въ такомъ видѣ легко примиримыя съ моралью античныхъ философовъ и съ новыми потребностями; но въ критику церковныхъ ученій не пускались, и Витторино требовалъ отъ учениковъ строгаго исполненія католическаго культа.

Морализующее вліяніе имѣла и школьная дисциплина, установленная Витторино. Въ ея основѣ лежала искренняя любовь педагога къ дѣлу и дѣтямъ, и, по единодушному свидѣтельству учениковъ, Мантуанская школа боготворила своего директора. Опираясь на эту привязанность, естественно и необходимо вытекавшую изъ родительскаго отношенія къ дѣтямъ, Витторино дѣйствовалъ на своихъ учениковъ, главнымъ обра-

зомъ, лаской и убѣжденіемъ. Даже первая реформа, круто измѣнившая образъ жизни знатныхъ питомцевъ Витторино, проведена была имъ съ ихъ согласія путемъ убѣжденія въ ея необходимости. Такимъ же образомъ онъ дѣйствовалъ и позже, и для старшихъ учениковъ, вполне понимавшихъ своего учителя и высоко цѣнившихъ его авторитетъ, не было большаго наказанія, какъ недовольное лицо Витторино и отѣнокъ презрѣнія въ его рѣчи. Школа стремилась предупредить пороки и рѣдко прибѣгала къ наказаніямъ. Тѣмъ не менѣе совершенно устранить наказанія Витторино не считалъ возможнымъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ, если не помогала ласка и убѣжденія, употреблялись карательныя мѣры, причемъ ихъ примѣняли сообразно съ индивидуальными особенностями провинившихся. Для однихъ достаточно было выговора, другихъ лишали игръ, третьихъ обѣда, иныхъ ставили на колѣни или заставляли носить на себѣ какой-нибудь знакъ наказанія. Тѣлесныя наказанія почти совершенно отсутствовали, а исключеніе изъ школы влекла за собою только крайняя и неисправимая испорченность, которая могла быть опасна для другихъ. Но Витторино очень хорошо понималъ нравственную опасность карательныхъ мѣръ, такъ какъ онѣ пріучаютъ ко лжи изъ желанія скрыть проступокъ; поэтому откровенное признаніе вины спасало отъ наказанія.

Отдавая свои силы на служеніе любимому дѣлу, Витторино понималъ, что, отворачиваясь отъ жизни, нельзя служить настоящимъ образомъ школѣ и что для успѣха дѣла чрезвычайно важно, своими отношеніями за предѣлами школы, на практикѣ доказать приложимость той морали, въ правилахъ которой воспитались его ученики, и Мантуанскій педагогъ удачно выполнялъ эту трудную задачу. Прежде всего, несмотря на свое зависимое положеніе, онъ смѣло говорилъ правду Гонзагѣ и сумѣлъ пріобрѣсти огромный авторитетъ при его дворѣ. Лестъ была противна его натурѣ, и когда одинъ изъ итальянскихъ князей просилъ у него панегирика, Витторино прямо ему отвѣтилъ: «есть много государей и лучше тебя». Въ случаѣ

надобности онъ рѣзко выступалъ и противъ самого Гонзаги. Такъ, старый Джанъ-Франческо почему-то отстранялъ своего старшаго сына Лодовико отъ участія въ военныхъ походахъ и всегда бралъ съ собою втораго сына Карло. Тогда Лодовико, желая приобрести военную опытность, рѣшился убѣжать къ Филиппо-Маріи Висконти и подѣ начальствомъ его полководца, знаменитаго Пиччино, участвовалъ въ походѣ въ Романью. Бѣгство Лодовико и само по себѣ страшно раздражило отца, а кромѣ того старый Гонзага былъ тогда на службѣ у Венеціи, которая находилась во враждѣ съ Висконти, и хотя Лодовико не сражался противъ Венеціи, тѣмъ не менѣе подозрительная республика не вѣрила своему полководцу, что его сынъ противъ отцовской воли служить подѣ знаменами врага. Джанъ-Франческо потребовалъ сына домой и, когда Лодовико отказался вернуться, лишилъ его наслѣдства, запретилъ произносить при себѣ его имя и даже заочно приговорилъ его къ смертной казни. Общественное мнѣніе было на сторонѣ непослушнаго сына; его дѣло перомъ защищали гуманисты и за него ходатайствовали самыя авторитетныя лица Италіи и, между прочимъ, папа Евгений IV. Гонзага былъ неумолимъ, но это не помѣшало Витторино смѣло и рѣшительно защищать своего бывшаго ученика. Прежде всего, вопреки запрещенію, онъ не прекращалъ сношеній съ бѣглецомъ, а затѣмъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы показать Джанъ-Франческо несправедливость его поведенія, и въ концѣ концовъ добился прощенія и возстановленія правъ Лодовико. Не менѣе упорную борьбу и, можетъ-быть, не только съ отцомъ, но и съ самимъ собою, пришлось выдержать Витторино за свою ученицу Чечилію, дочь Джанъ-Франческо Гонзаги. Эта юная красавица, получившая блестящее воспитаніе, единственная дочь владѣтеля Мантуи, рѣшила сдѣлаться монахиней вопреки духу времени. Отецъ слышать не хотѣлъ о такомъ рѣшеніи и уже приготовилъ ей блестящую партію, обѣщавши ей руку Оддоне да-Монтефельтре, властителю Урбано. Тогда дѣвушка обратилась за помощію къ своему бывшему учителю, и Витторино, убѣдившись путемъ

долгою и задушевною бесѣдою въ глубинѣ и искренности ея желанія, уговаривалъ ее настаивать на своемъ рѣшеніи и самъ выступилъ на ея защитѣ. Началась борьба, и Гонзага наконецъ согласился съ доводами педагога. Чечилія поступила въ монастырь и такъ исполняла свой обѣтъ, что церковь канонизировала ее подѣ именемъ св. Клары. Изъ этихъ примѣровъ видно, какимъ высокимъ авторитетомъ пользовался Витторино при дворѣ стараго Гонзаги. Но мантуанскій педагогъ не ограничивался защитою своихъ учениковъ послѣ окончанія ими курса. Онъ также тщательно слѣдилъ за политикой, и однажды Джанъ-Франческо дорого заплатилъ за то, что отвергъ политическій совѣтъ стараго учителя. Гонзага послѣ многолѣтней службы порвалъ съ Венеціей и рѣшилъ начать съ ней войну. Витторино долго убѣждалъ его въ опасности этого предпріятія и въ ненадежности союзниковъ; тѣмъ не менѣе Джанъ-Франческо началъ войну и, покинутый союзниками, потерялъ часть своихъ владѣній. Эта неудача только возвысила авторитетъ совѣтника, который приобрѣлъ еще болѣе вліянія, когда владѣтелемъ Мантуи сдѣлался послѣ смерти отца Лодовико, который всегда вставалъ при появленіи своего бывшаго учителя.

Занимая блестящее положеніе при дворѣ, Витторино пользовался имъ прежде всего для самой широкой благотворительности: онъ поддерживалъ родителей бѣдныхъ учениковъ, и не только ни одинъ бѣднякъ не уходилъ отъ него съ пустыми руками, но онъ самъ отыскивалъ бѣдныхъ, тратилъ на нихъ все свое состояніе и умѣлъ привлекать къ помощи богатыхъ людей. Кромѣ того, опираясь на свое вліяніе, Витторино умѣлъ усмирять фамиліные раздоры, составлявшіе великое зло тогдашней Италіи, и помогать обиженнымъ добиться правосудія. Совершенно естественно и понятно поэтому, что вся Мантуя знала, любила и уважала своего педагога, извѣстность котораго широко распространилась за предѣлы этого города. Лопелло д'Эсте, владѣтель Феррары и ученикъ другаго знаменитаго гуманиста-педагога Гуаріно да-Верона, говоритъ въ письмѣ къ своей невѣстѣ, что, по его мнѣнію, «Витторино превосходитъ всѣхъ чест-

ныхъ и ученыхъ людей своей эпохи—высокою нравственностью, образованіемъ и своей рѣдкой и своеобразною системою моральнаго воспитанія». Самъ папа Евгений IV, не особенно сочувствовавшій гуманистическому движенію, чрезвычайно высоко цѣнилъ Витторино. Такъ, принимая его однажды на аудіенціи, папа воскликнулъ: «какая великая душа живетъ въ этомъ маленькомъ тѣлѣ», и, обращаясь къ окружающимъ, прибавилъ: «я вставалъ бы при появленіи этого великаго человѣка, если бы санъ первосвященника позволялъ мнѣ это сдѣлать». Но особенно характерно отношеніе къ Витторино гуманистовъ, руководителей и выразителей тогдашняго общественнаго мнѣнія. Враговъ между ними у него не было; наоборотъ, его имя встрѣчается въ гуманистической перепискѣ только съ лестными эпитетами, а кромѣ того и до насъ дошла цѣлая масса написанныхъ въ честь его панегириковъ. Правда, его ученики-біографы говорятъ также и о недоброжелателяхъ Витторино, котораго обвиняли за то, что онъ училъ ненужнымъ вещамъ; но изъ этихъ обвиненій видно, что врагами мантуанскаго педагога были тѣ обскуранты, противъ которыхъ боролись гуманисты. Понятно, что вражда защитниковъ мрака только констатировала заслуги Витторино и возвышала авторитетъ новой школы.

Успѣхи Casa giojosa лучше всего видны по результатамъ педагогической дѣятельности Витторино. Его новый біографъ Росмини собралъ свѣдѣнія о 40 болѣе выдающихся воспитанникахъ мантуанскаго педагога. Къ ихъ числу относятся, между прочимъ, монахиня св. Клары, извѣстный богословъ Кастильоне, а также поэтъ Базиніо и гуманистическіе писатели Корарро, Алиотти и друг.; нѣсколько благочестивыхъ епископовъ, цѣликомъ преданныхъ церковному служенію, а также епископъ-гуманистъ Перотто и Босси, епископъ Алерія, извѣстный издатель классическихъ авторовъ, знаменитый врачъ Сассуало и педагогъ Лониго, а также искусный правитель Мантуи Лодовико Гонзага и извѣстный кондотьеръ и меценатъ Федерико да-Монтефельтре. Это были представители различныхъ и часто враждебныхъ профессій; но тщательное вниманіе къ инди-

видуальнымъ особенностямъ при ихъ воспитаніи сдѣлало каждаго изъ нихъ выдающимся дѣятелемъ въ своей сферѣ, и гуманное обращеніе учителя и разумная организація обученія внушили глубокую и постоянную любовь къ школѣ и искреннее уваженіе къ ея руководителю. Такимъ образомъ первая классическая школа во всѣхъ отношеніяхъ оправдала свое названіе Casa giojosa, и если позже по временамъ она снова превращалась въ душный монастырскій казематъ, то виновата въ этомъ не та система классическаго образованія, которой держался мантуанскій педагогъ Витторино да-Фельтре.

М. Норелинъ.

Оригинальный поэт XVIII вѣка.

Французская литература прошлаго вѣка должна была рѣшить вопросъ о преобразованіи вѣкового политическаго и общественнаго строя и очистить путь человѣчества отъ безчисленныхъ предразсудковъ и нравственныхъ извращеній. На сцену выступили идеи, подвергшія критикѣ всю массу историческихъ преданій и представившія цѣлый рядъ реформаторскихъ плановъ. Эти идеи безконечно разнообразны по своему содержанію, по своимъ цѣлямъ. Можно сказать, не осталось ни одного уголка въ практической и нравственной жизни человѣка, не затронутаго французскими просвѣтителями. Сколько бы вопросовъ ни поднималось въ позднѣйшее время, мы можемъ быть увѣрены, что въ завѣтной просвѣтительной эпохѣ мы найдемъ всегда отголосокъ—чаще всего сильный и ясный, одушевленный вѣрой въ силы и развитіе человѣчества. Если этихъ отголосковъ иногда не подозреваютъ или рѣшаются ихъ отрицать,—это только потому, что достаточно не знаютъ эпохи и всей широты ея идеаловъ.

Въ наше время много писали и говорили, продолжаютъ писать и говорить до сихъ поръ о такъ-называемомъ натурализмѣ. Основатель школы—даровитый и талантливый романистъ—съ самаго начала стремился присвоить себѣ честь отрытія новой, будто бы невѣдомой раньше, идеи. Ему указали на заблужденіе, но не дошли до первоначальнаго источника мнимаго новшества. Истинный источникъ—даже съ увлеченіями и край-

ностями новаго проповѣдника—лежитъ во французской литературѣ XVIII вѣка, съ однимъ только различіемъ, говорящимъ не въ пользу современнаго главы натуральной школы.

Золя требуетъ научно-достоверной художественной литературы. Романъ—результатъ анатомическихъ и физиологическихъ изслѣдованій общественнаго организма. Именно эти научные термины пользуются особеннымъ пристрастіемъ Золя, и онъ не затрудняется сравнивать себя съ Клодомъ Бернаромъ. Художникъ долженъ быть такимъ же изслѣдователемъ, точнымъ, безпристрастнымъ и—что особенно важно—такимъ же безстрастнымъ и настолько же свободнымъ отъ какого бы то ни было личнаго идеала, отъ предвзятой нравственной или иной цѣли; романистъ долженъ воспроизводить общественную жизнь въ томъ самомъ настроеніи, какое сопровождаетъ работу анатома надъ трупомъ. Это—важное и будто бы особенно научное условие повѣйшаго натурализма.

Особенную заслугу этотъ натурализмъ видѣлъ въ пристрастіи къ самымъ непригляднымъ явленіямъ дѣйствительности: будто бы жизненная правда осуществляется только среди преступленій, зла, всевозможной грязи, будто писатель немедленно рискуетъ утратить научную остроту зрѣнія, лишь только выйдетъ изъ тупоцѣль на свѣжій воздухъ. Правда и природа пребываютъ, именно, не на однихъ задворкахъ общественнаго зданія. Случается, даже и сюда проникаетъ лучъ здороваго яркаго свѣта. Но для научнаго наблюдателя этотъ свѣтъ долженъ пропасть безслѣдно, иначе наблюдатель подвергнется страшной опасности—быть обвиненнымъ въ идеализмѣ.

Въ прошломъ вѣкѣ умѣли придавать не меньше значенія жизненной правдѣ художественныхъ изображеній и отлично сознавали, насколько важно выставить на всеобщее зрѣлице всѣ бѣдствія и муки людей, потерпѣвшихъ неудачу въ житейской борьбѣ или съ самаго начала дурно вооруженныхъ для этой борьбы. Тогда знали, сколько безобразнаго, мнимаго, отталкивающаго скрывается, живетъ съ красотой и радостью. Тогда хотѣли, чтобы все зло появилось подъ перомъ автора

безъ прикрасъ и безъ утайки, чтобы лишены, доводящія часто людей до безумія и смерти, во всей неприкосновенности предстали предъ глазами счастливыхъ и легкомысленныхъ. Здѣсь должны были рисоваться картины отнюдь не менѣе натуральныя и во всякомъ случаѣ не менѣе правдивыя, чѣмъ въ произведеніяхъ какого угодно повѣйшаго натуралиста. Но разница была въ одномъ: нынѣшній натуралистъ, при всей своей погонѣ за отвратительнѣйшими сторонами современнаго общества, оказывался такимъ же чистымъ художникомъ, сизифомъ эстетики и литературы, какимъ былъ старый классикъ. Одинъ цѣль красоту, другой—безобразіе ради ихъ самихъ, не желая ни на минуту задуматься, что изъ этого выйдетъ.

Мы имѣемъ въ виду писателя прошлаго вѣка, къ сожалѣнію, мало извѣстнаго сравнительно съ другими дѣятелями эпохи. Въ насъ авторѣ можно открыть не одну оригинальную и въ высшей степени цѣнную черту. Его творчество любопытно по художественнымъ основамъ, еще любопытнѣе идеи, одушевлявшія писателя. Они въ свою очередь докажутъ намъ, что не въ одной литературѣ современныя проповѣди—только повтореніе стараго, современная общественная мысль въ ея послѣднихъ результатахъ—отголосокъ задушевныхъ думъ далекаго прошлаго. Въ этомъ прошломъ мы можемъ найти существенную поправку къ нашимъ увлеченіямъ, узнать, какъ художественный натурализмъ можетъ служить не искусству рисовать зло ради самого зла, а прогрессивнымъ идеаламъ общества и государства. Пусть,—скажетъ намъ старый писатель,—ваша литература воплощаетъ грязную, неподкупную правду жизни, но пусть въ то же время вашимъ перомъ водятъ горячее убѣжденіе, что зло противно природѣ и должно исчезнуть, и исчезнетъ, какъ все ненормальное и безсильное, предъ свѣтомъ и человѣческимъ счастьемъ. Это убѣжденіе покажется современному натуралисту дѣтской «музыкой сповѣ», опъ именно такъ и пазоветь его. Но мы должны помнить, что когда-то оно вдохновляло не только рѣчи, но и дѣла, и тотъ самый авторѣ, который сейчасъ будетъ говорить съ нами, рядъ литератур-

ныхъ произведеній закончить мужественной практической дѣятельностью.

Мерсье не принадлежалъ къ партіи энциклопедистовъ, не посѣщаль ихъ собраній, — можетъ быть потому имя его и не пользуется славой наравнѣ съ другими именами. У Мерсье былъ свой кружокъ писателей, не имѣвшихъ ничего общаго съ салонами и свѣтскимъ обществомъ, — писателей крайне демократическаго направленія въ литературѣ и въ жизни. Здѣсь все интересы сосредоточивались на положеніи низшихъ классовъ, особенно на крестьянахъ, писались романы изъ деревенской жизни, — не идиллическіе и разукрашенные цвѣтами нѣжныхъ чувствъ, а полные жизненныхъ мотивовъ, правдивые, въ лучшемъ смыслѣ слова реальные. Такими романами отличался Ритивъ де ла Бретоннь, страстный поклонникъ Руссо, самъ вышедшій изъ народа и посвятившій свой талантъ изображенію его жизни. Мерсье былъ его искреннимъ другомъ, въ принципахъ совершенно сходялся съ нимъ, и вокругъ ихъ группировался особый кругъ писателей, теперь сказали бы—писателей-народниковъ. Мерсье писалъ драмы, издалъ нѣсколько сочиненій о литературѣ и современной общественной жизни. Его книги—*Tableau de Paris* и *Du théâtre* пользовались весьма широкою популярностью: первая изъ нихъ, несмотря на запрещеніе, быстро разошлась въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Во время революціи Мерсье игралъ очень видную роль. Онъ принадлежалъ къ партіи жирондистовъ, засѣдалъ въ конвентѣ, велъ себя въ высшей степени мужественно и независимо, вотировалъ, между прочимъ, противъ казни Людовика XVI и былъ однимъ изъ немногихъ смѣльчаковъ, говорившихъ противъ Робеспьера. Мерсье пережилъ трагическую участь своей партіи, былъ членомъ совѣта 500 и умеръ въ 1814 году. Этой карьерѣ предшествовала не менѣе горячая и оригинальная литературная дѣятельность. Мерсье пыталъ глубокое уваженіе къ энциклопедистамъ, преклонялся предъ Дидро, но шель свою дорогой. Онъ не противорѣчилъ основнымъ стремленіямъ философовъ XVIII вѣка, но гораздо энергичнѣе и

последовательнѣе велѣ общество къ рѣшенію современныхъ задачъ.

Энциклопедисты не переставали утверждать, что они работаютъ для самой обширной публики, для толпы, что они гордятся своими демократическими успѣхами. Они употребляли всѣ успія — представлять свои идеи въ возможно популярной формѣ, пользовались летучими статьями, эпиграммами, театральными пьесами, чтобы проложить путь новой мысли въ среду искони темную и равнодушную къ знанію. Мерсье шелъ тою же дорогой, но шелъ до конца, демократическую проповѣдь превращая въ социальную и заботу о просвѣщеніи народа дѣлая истиннымъ изученіемъ его матеріальныхъ условий. Энциклопедисты требовали отъ литературы правды, реализма, и указывали новымъ героямъ въ средѣ третьяго сословія. Мерсье хотѣлъ правды не только въ изображеніи будничной нормальной жизни, — онъ требовалъ сближенія литературы со всѣми извращеніями дѣйствительности, требовалъ знакомства писателей со всѣми безднами человѣческихъ страданій и посылалъ ихъ далеко за предѣлы буржуазіи — въ хижины крестьянъ и въ подземелья рабочихъ. Въ наше время литературную теорію Мерсье назвали бы натурализмомъ, его общественные идеалы — социальными. Для современнаго европейца это послѣднія слова искусства и науки: для XVIII вѣка Мерсье казался крайнимъ идеалистомъ и слишкомъ увлекающимся демократомъ большинству просвѣтителей. Только съ Кондорсэ — изъ всего лагеря энциклопедистовъ — связывали его дружескія чувства. Можетъ-быть потому Кондорсэ и замолвилъ слово за трудовую массу народа и въ будущемъ прогресса мечталъ объ ея счастьѣ, о знакомствѣ науки съ ея жизнью.

У Мерсье неразрывно идутъ художественные и политическіе взгляды. Онъ высказывалъ ихъ при всякомъ случаѣ, въ предисловіяхъ къ драмамъ, въ самыхъ драмахъ и въ большомъ сочиненіи *О театрѣ, или новый опытъ о драматическомъ искусствѣ* *). Мерсье жилъ въ эпоху, когда одновременно шла

*) Du théâtre ou nouvel essai sur l'art dramatique. Amsterdam 1773.

борьба съ классицизмомъ въ искусствѣ и съ сословными привилегіями въ общественной жизни. Одинъ вопросъ трудно было отдѣлить отъ другого: старая литература выросла на почвѣ стараго рабства и покорно служила на утѣху и славу высшимъ классамъ. Это была литература лжи въ художественномъ отношеніи и рабской лести въ идеалахъ и чувствахъ. Потребовать литературной правды — значить заговорить о человѣческомъ достоинствѣ, о свободѣ и правахъ личности. У Мерсье тѣ же другіе вопросы рѣшаются вмѣстѣ.

Литература стараго порядка занималась господами и всѣхъ другихъ людей считала ниже своего вниманія. А между тѣмъ, по общественному смыслу, хижина бѣдняка несравненно выше самаго роскошнаго дворца. Общественный мыслитель станетъ рѣшать вопросъ о благоденствіи государства не посреди празднаго привилегированнаго общества, а скорѣе въ заброшенной захолустной деревнѣ, подъ убогой тростниковою кровлей. Здѣсь онъ получитъ краснорѣчивый и вѣрный отвѣтъ, благоденствуетъ ли страна или нѣтъ. Писатель, въ свою очередь, не будетъ искать вдохновенія въ книгахъ и въ салонной болтовнѣ. Онъ лично войдетъ въ теченіе жизни, познакомится съ жизнью всѣхъ слоевъ общества и убѣдится, что самые низшіе или, вѣрнѣе, самые полезные классы могутъ дать интереснѣйшіе мотивы для поэтического творчества. Писатель не упуститъ ни одной мелочи, — онъ знаетъ, что мелкіе факты и едва замѣтныя черты въ человѣческой природѣ ярче всего освѣщаютъ картину.

Посмотрите, говорятъ Мерсье, городъ полонъ праздною толпой, поглощенной единственною мыслью объ удовольствіяхъ, выходящею изъ себя, если погода портится и ихъ проекты разстраиваются. А въ тридцати миляхъ отъ столицы живутъ милліоны въ вѣчныхъ невзгодахъ. Они терпѣливо выносятъ всевозможныя переменныя погоды, собираютъ послѣднія крохи, чтобы уплатить налоги, хотя не знаютъ, куда идутъ ихъ деньги, не знаютъ даже имени царствующаго короля, и столица представляется для нихъ какимъ-то фантастическимъ міромъ.

Ихъ мозолистыя руки ведутъ непрестанную борьбу съ природой и совершаютъ благороднѣйшія и полезнѣйшія побѣды— для силы и пользы государства. Всѣ граждане должны бы съ благодарностью взирать на этихъ труженниковъ, безъ которыхъ голодь и бѣдность поразили бы даже обитателей мраморныхъ дворцовъ. Но такова невѣроятная справедливость человѣка: стоить только быть для него полезнымъ, чтобы потерять въ его глазахъ, а къ людямъ, которые его давятъ и попираютъ ногами, онъ питаетъ какое-то бессмысленное удивленіе.

Мерсье подробно характеризуетъ новую поэзію и новыхъ героевъ. Авторъ говоритъ въ эпоху, когда еще царила кругомъ салонная ложь и разряженные кавалеры лепетали каламбуры и шарады. Мерсье не можетъ безъ раздраженія представить этой бессмысленной забавы и туенядцевъ, убивающихъ на нее все время и силы. Негодованіе переходить въ другую крайность. Салонъ не хочетъ совсѣмъ знать жизни,—Мерсье требуетъ на сцену все, что только говорить о самой неизяцкой, жестокой, удручающей дѣйствительности. Поэтъ до сихъ поръ былъ забавникомъ богачей и знатныхъ, — теперь онъ будетъ защитникомъ несчастныхъ, ораторомъ угнетенныхъ предъ обществомъ. Раньше поэтъ изображалъ пустяки и глупости, занимавшія салонныхъ шутовъ,—теперь онъ будетъ воплощать въ своихъ произведеніяхъ всевозможные виды несчастья и угнетенія. Онъ долженъ поколебать жесткія сердца эгоистовъ,—и Мерсье вѣритъ, что истина всегда достигнетъ этого результата. Авторъ, какъ истинный сынъ просвѣтительной эпохи, вѣритъ въ исконную доброту человѣческой природы,—вѣритъ, что даже злымъ приходится бороться съ природой прежде, чѣмъ совершить зло.

Ничего нѣтъ въ жизни, что не могло бы явиться предметомъ искусства. Богачи и сильные часто ввергаютъ въ тюрьму и больницы своихъ ближайшихъ родственниковъ,—поэтъ изобразить на сценѣ эти учрежденія и покажетъ, какъ обращаются съ человѣческимъ существомъ среди культурнаго общества. Онъ напомнитъ, о чемъ забываютъ счастливые лю-

ди, другимъ онъ покажетъ, чего они не знаютъ; онъ вызоветъ на сценѣ всѣ ужасы, какимъ подвергаются несчастные только потому, что были неблагоразумны или пали въ непосильной борьбѣ съ жизнью.

Изяцкій поэтъ рассказываетъ публикѣ о герояхъ, истребленныхъ тысячи людей, одержавшихъ блистательныя побѣды,—а между тѣмъ ежедневно идетъ жестокая борьба за существованіе и совершаются подвиги, предъ которыми геройство полководцевъ не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Нуждаться въ хлѣбѣ, прозябать въ лачугѣ, открытой со всѣхъ сторонъ, воспитывать дѣтей плодами поденной работы — это такого рода героизмъ, предъ которымъ должны преклониться пресловутые герои крови и челоуѣкоубійства. И развѣ съ этими труженниками, съ незамѣтными, но великими героями происходятъ несчастья менѣе важныя и менѣе интересныя для общества, чѣмъ интриги салонныхъ туенядцевъ? Пусть же писатели изучаютъ впредь *этихъ* героевъ, *эти* подвиги и *эти* несчастья—и пусть показываютъ читателямъ эту жизнь во всей ея наготѣ. Нищій и чернорабочій пусть появятся на сценѣ въ родной своей обстановкѣ, говорятъ своимъ языкомъ, выражаютъ свое чувство и носятъ свое платье. Если вы вздумаете показать бѣду, постигшую человѣка, вы должны призвать на помощь всю силу своихъ красокъ: пусть блѣдное лицо, мрачный взглядъ, тщедушное трепещущее тѣло, жалкія лохмотья — поразятъ взоръ зрителя, и если вы не смягчите жестокихъ сердець, вы, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько минутъ лишите ихъ эгоистическаго спокойствія.

Мерсье не требуетъ мелодрамы: природу, замѣчаетъ онъ, слѣдуетъ заставить говорить, а не кричать. Онъ хочетъ только полного соответствія поэзіи и правды, и если вспомнить, какую роль играли тюрьмы при старой французской монархіи,—упоминаніе о нихъ у Мерсье не покажется намъ ни излишнимъ, ни мелодраматическимъ. Но авторъ не ограничивается частными, случайными бѣдствіями, постигающими его беззащитныхъ героевъ.

Онъ хочетъ драму превратить въ политическую рѣчь и на сценѣ подвергнуть всеобщему позору самыя основы общественнаго строя. На сцену пусть будутъ выведены всѣ злоупотребленія, какія не допускаютъ законы и какія терпятся современными законами и обычаями. Писатель долженъ стремиться возстановить равенство гражданъ предъ закономъ и отъ его взора не должно ускользнуть ни одно дѣло, позорящее честь націи. Онъ долженъ пробудить спящихъ и ободрить слабыхъ. Современная жизнь и преданія исторіи могутъ сослужить поэту однаково великую службу, — пусть прошлое всякій разъ подвергается общественной карѣ и пусть преступленія, совершенныя предыдущими поколѣніями, послужатъ урокомъ для потомковъ. Мерсье совѣтуетъ изображать гоненія католическаго фанатизма на гугенотовъ и повторять на сценахъ приговоры суда и общественнаго мнѣнія надъ современными злодѣями.

Мерсье въ своихъ драмахъ оставался вѣрнѣе разъ высказаннымъ принципамъ. Его произведенія посвящены социальнымъ и историческимъ вопросамъ, и цѣль ихъ одна и та же — излѣчить современное общество отъ сословныхъ предрасудковъ, воспитать идеи гуманности, терпимости, равенства. Мерсье старается воспроизвести предъ зрителями жизнь бѣдныхъ классовъ во всей реальной правдѣ. Онъ подробно говоритъ объ обстановкѣ жилищъ, о питаніи, объ одеждѣ, тщательно останавливается на міросозерцаніи и нравственныхъ взглядахъ бѣдняковъ. Предъ нами своего рода главы социальнаго трактата.

Въ драмѣ *L'Indigent* представлена семья рабочаго. Отецъ попалъ въ тюрьму за то, что вмѣшался въ распоряженія полиціи, когда она стала продавать за неплатежъ податей имущество его односельчанъ. Его сынъ съ сестрой живутъ вмѣстѣ въ сыромъ холодномъ углѣ и работаютъ, не складая рукъ, чтобы дастъ отцу бутылку хорошаго вина и сытный обѣдъ. Авторъ вводитъ насъ во всѣ подробности трудовой жизни. Рядомъ съ тружениками живетъ молодой богатъ, проводящій время въ оргіяхъ. Его домоправитель является въ уголь бѣдняковъ, чтобы помѣстить въ немъ двухъ собаченокъ. Но комната оказы-

вается неудобной для этихъ созданій: до такой степени въ ней темно и холодно. Хозяинъ общается поправить окна и прибрать жилище, но только ради собакъ: бѣдные жильцы найдутся при какихъ угодно условіяхъ. Онъ хочетъ очистить уголь, — происходитъ ужасная сцена, молюба и слезы.

Испытанія этимъ не оканчиваются. Богачъ дѣлаетъ дѣвущкѣ постыдное предложеніе и даже покушается на насиліе. Въ ствѣтъ героиня произноситъ страстную рѣчь противъ богатей, воображающихъ, что у бѣдныхъ нѣтъ и не можетъ быть чувства личнаго достоинства, что среди лишенныхъ нѣтъ мѣста нравственности и что добродѣтель бѣдняковъ продается за деньги. Вся семья до конца ведетъ борьбу за свою честь, не терять мужества даже въ то время, когда подкупленный представитель суда грозитъ упячтожить ихъ. Герои говорятъ много рѣчей: это въ духѣ литературы прошлаго вѣка; рѣчи отзываются иногда декламаціей, — это нисколько не противорѣчило и не противорѣчило французскому вкусу; но въ общемъ драма — вѣрная и въ высшей степени характерная картина изъ жизни городского рабочаго класса.

Такое же вниманіе Мерсье удѣляетъ деревнѣ. Крестьянамъ, ихъ нуждѣ посвящено нѣсколько драмъ; въ нихъ съ замѣтательною смѣлостью и полнотой рисуется положеніе сельскаго населенія при старомъ порядкѣ. Мы узнаемъ, до какой степени оно безвыходно. Мерсье не боится вводить своихъ читателей въ область специальныхъ вопросовъ. Для просвѣтительной эпохи все было популярно, ни одно научное открытіе, ни одна идея не казалась недоступными какому угодно гражданину. Мерсье былъ убѣжденъ, что во всей Франціи нѣтъ настолько жалкаго человѣка, чтобы общественные вопросы не могли касаться его. Естественно, въ драмахъ Мерсье не отступаетъ ни предъ какими разсужденіями. Его герои пространно бесѣдуютъ о теоріи экономистовъ и доказываютъ, что все спасеніе отнюдь не заключается въ экономическихъ реформахъ. На рабской почвѣ не можетъ вырасти благороднаго растенія, и экономисты совершенно ошибочно относятся съ презрѣніемъ къ политическимъ

вопросамъ. Пока будутъ господствовать привилегіи, всё успѣхи страны послужатъ на пользу привилегированнаго меньшинства. Слѣдуетъ предварительно создать свободную почву и потомъ сѣять добрыя сѣмена.

Это все говорится со сцены въ драмѣ *Le Compagnard*. Здѣсь же подробно объясняется, какъ поденщики ничего не выигрываютъ отъ прибылей собственниковъ,—напротивъ, часто проигрываютъ. Герой рассказываетъ, что цѣна на земледѣльческіе продукты повысилась, а заработная плата осталась прежняя: въ результатѣ земледѣльцы богатѣютъ, а бѣднякъ во что бы то ни стало долженъ сокращать свои нужды.

Тотъ же герой возстаетъ противъ откупа налоговъ, противъ феодальнаго права охоты, говоритъ о реформѣ податной системы, ссылается на примѣръ Америки. Вообще, мы присутствуемъ при самыхъ оживленныхъ дебатахъ скорѣе политическаго собранія, чѣмъ гостей и сельскаго хозяина. Авторъ показываетъ намъ и другую сторону вопроса. Оппоненты оратора въ высшей степени слабы. Они или смѣются надъ его ученостью, надъ его дикимъ увлеченіемъ деревней съ мужиками, или съ презрѣніемъ отзываются объ его будто бы «громкихъ словахъ» и кончаютъ свои возраженія бранью, гдѣ самыми бранными словами оказываются: «философъ и экономистъ».

Въ драмѣ *Le Juge* описывается процессъ графа съ крестьяниномъ, напоминающій знаменитое приключеніе Фридриха II съ мельникомъ. Графу понадобился кусочекъ земли, принадлежащій бѣдному сосѣду. Онъ сначала хочетъ купить его, но крестьянинъ крѣпко привязанъ къ мѣсту, гдѣ онъ родился и гдѣ пролито имъ столько пота. Графъ начинаетъ процессъ. Крестьянинъ на его настоянія и угрозы отвѣчаетъ рѣчью, подобною той, какую въ городѣ бѣдная дѣвушка держала предъ развратнымъ богачомъ. Крестьянинъ говоритъ: «чтобы поступить съ нами, какъ вы поступаете, насъ слѣдуетъ считать со всѣмъ нечувствительными. Вы, знатные, воображаете, что мы должны сносить всё оскорбленія, какія вамъ приходятъ въ го-

лову паносить намъ. Вотъ ты мужикъ, ты хуже собаки съ задняго двора, которую прогоняютъ шикомъ ноги. Еслибы мы осмѣлились сопротивляться всѣмъ насиліямъ, насъ бы немедленно разослали по тюрьмамъ, галерамъ, присудили бы къ позорному столбу и мы напрасно стали бы ждать какого-либо суда. Насчетъ насъ аристократы крайне смѣлы. Они говорятъ вслухъ: «бояться нечего, съ деньгами мы укротимъ этихъ бѣдниковъ, и они еще придутъ лизать наши руки». Вотъ какъ вы обращаетесь съ нами, а мы такъ еще уважали всё ваши права!... Мы уважаемъ ихъ до того, что не смѣемъ трогать вашихъ кроликовъ, которые размножаются тысячами и поѣдаютъ насъ живьемъ. Ваши сторожа убили собаку за то, что она погналась за кроликомъ, который могъ съѣсть всё наши овощи. Ей такъ и слѣдовало, я присутствовалъ при этомъ и не скажалъ ни слова».

Крестьянинъ указываетъ на громадные пространства, не приносящія ни малѣйшей пользы земледѣлію. Они могли бы прокормить цѣлую провинцію, но знатный баринъ пользуется ими для своихъ охотъ. Это — кровь народа расточается на дѣтскія забавы, но говорить объ этомъ не смѣй. Графъ задумалъ новыя постройки, но не успѣетъ ихъ выполнить, — капризъ его пропадетъ,—а между тѣмъ крестьянинъ долженъ пожертвовать ради этого каприза своей родною землей.

Мерсе стоило немалого труда пропагандировать свои идеи. Этимъ объясняется безпрестанное повтореніе ихъ. Въ предисловіи къ одной изъ первыхъ драмъ онъ писалъ: «Поэтъ, который изобразилъ бы мнѣ бѣднаго рабочаго, окруженнаго женой и дѣтьми и не имѣющаго силъ снаться отъ нужды и лишений, несмотря на работу отъ зари до глубокой ночи,—этотъ поэтъ изобразилъ бы мнѣ правду и то, что я ежедневно вижу передъ глазами. Эта картина, воспроизведенная предъ согражданами, вызвала бы у нихъ добрыя чувства и здравыя идеи о политикѣ и законодательствѣ, указала бы и дѣйствительные пороки ихъ отечества и была бы, слѣдовательно, гораздо полезнѣе, чѣмъ исторія о разныхъ переворотахъ въ государствахъ,

не имѣющихъ къ намъ никакого отношенія». Десять лѣтъ спустя въ драмѣ *Le Compagnard* герой, удалившійся изъ города въ деревню, смѣется надъ городской жизнью и между прочимъ надъ театрами. «Гордый Агамемнонъ и пылкій Ахиллъ,—говоритъ онъ,—все еще сообщаютъ свои тайны мѣщанамъ съ улицы С.-Дени. Арабы, греческіе и римскіе герои, вывернутые на новый ладъ, все еще вѣрны рюмовавшимся стилямъ, а нарпжанинъ безпрестанно горячится изъ-за свободы и величія римлянъ и аплодируетъ, когда послѣ двадцатичетырехчасоваго заговора думать тирана, какъ ягненка. И онъ умираетъ съ большою граціей, на рукахъ тѣлохранителей и съ двустипіемъ на устахъ».

Мерсье всѣ эти вымыслы считалъ совершенно бесполезными и недостойными французскаго народа. Онъ былъ глубоко увѣренъ въ здоровомъ смыслѣ простыхъ зрителей. Онъ рассказываетъ случай съ однимъ крестьяниномъ, попавшимъ на классическій спектакль. Здѣсь герой, по обыкновенію короли и принцы, бесѣдовали о своихъ вѣчныхъ матеріяхъ — о заговорахъ, войнахъ и обо всемъ прочемъ. «Это меня не касается», сказалъ крестьянинъ своему сосѣду и пересталъ слушать пьесу. — Мерсье указываетъ на изумительную способность парижской толпы схватывать смыслъ политическаго положенія. На парижскомъ рынкѣ о министрахъ и о разныхъ предпріятіяхъ правительства судятъ отнюдь не хуже, чѣмъ въ салонахъ, и куплетъ уличной пѣсенки часто съ изумительною мѣткостью характеризуетъ личностей и событія. Писателямъ остается только воспользоваться этою чуткостью. Пусть они говорятъ просто, главное — искренно и сердечно, и каждый французъ пойметъ ихъ и будетъ глубоко благодаренъ. Какой-нибудь молодой поэтъ изъ силъ выбивается сочинить трагедію, измышляетъ заговоры и политическія интриги, описываетъ тирановъ, ихъ дворцы и ихъ наперсниковъ. Все это мучительные плоды воображенія. Насколько было бы лучше и полезнѣе, еслибы тотъ же поэтъ, оставивъ въ сторонѣ королей, которыхъ онъ не знаетъ, спустился въ среду дѣйствительной простой жизни, прислушался

къ крикамъ настоящаго горя, раздающимся ежедневно, вникъ въ смыслъ этихъ криковъ и попытался воплотить свой опытъ въ образахъ. Можетъ-быть онъ и здѣсь не достигъ бы особенныхъ успѣховъ, но за то обнаружилъ бы добрыя намѣренія, здравый смыслъ и чувство.

Вотъ по какимъ даннымъ Мерсье считалъ нужнымъ судить писателя. Талантъ не имѣетъ никакого значенія, если онъ не направленъ на полезный предметъ. Это основное положеніе эстетики Мерсье. Оно совершенно естественно при его взглядѣ на роль поэта въ общественной жизни. Поэтъ долженъ быть посредникомъ между подданными и правительствомъ, между слабыми и сильными: это — трибунъ и просвѣтитель. Очевидно, ни одно слово его не должно быть празднымъ и безцѣльнымъ.

На основаніи того же принципа Мерсье выбиралъ историческіе сюжеты для драмъ. Лучшая изъ нихъ — *Jean Hennuyer* — вызвала восторгъ даже у современниковъ, не сочувствовавшихъ крайнимъ демократическимъ взглядамъ Мерсье. Герой драмы — епископъ — замѣчательнъ тѣмъ, что въ эпоху Варооломеевской почти оказалъ сопротивленіе королевскому принцу подвергнуть гугенотовъ избиенію. Это было безпримѣрнымъ подвигомъ гуманности и терпимости со стороны католика въ эпоху гоненій. Драма полна трогательныхъ сценъ, но рѣчи епископа посвящены больше вопросу о королевской власти, чѣмъ о религіи. По обыкновенію, рѣчь въ высшей степени энергична и искренна.

Драма Мерсье, по очень понятнымъ причинамъ, не могла свободно появиться на французской сценѣ XVIII вѣка. Драматургъ поднималъ слишкомъ ягучіе и большые вопросы и разрѣшалъ ихъ въ направленіи крайне нежелательномъ для господствующаго строя. Большинство произведеній Мерсье печаталось за границей, въ Амстердамѣ, Женевѣ, въ Лондонѣ. Но это не мѣшало и широкой популярности во Франціи. Провинціальныя сцены весьма часто пользовались ими: столичная цензура не простирала своей власти на провинцію и Мерсье даже слылъ у своихъ многочисленныхъ противниковъ подъ именемъ «врожденнаго революціонера» и «провинціального драматурга». Были и

въ столицѣ поклонники Мерсье, между ними королева Марія-Антуанета. У нея было два любимыхъ поэта—Бомарше и Мерсье: по ея словамъ, Бомарше ее забавлялъ, Мерсье—растрогивалъ. Два писателя, наиболѣе опасные враги старой монархіи, были любимыми авторами королевы. Но Марія-Антуанеттѣ не было дѣла до политики и, кромѣ того, ослѣпленіе, непониманіе смысла и результатовъ современныхъ идей были удѣломъ не одной супруги Людовика XVI...

Было еще препятствіе, мѣшавшее драмамъ Мерсье появляться на столичной сценѣ. Писателя ненавидѣли актеры за его отзывъ объ ихъ невѣжествѣ и низкомъ уровнѣ ихъ искусства. Отзывъ Мерсье подтверждается такими свидѣтелями, какъ Вольтеръ и Даламберъ, но актеры читали пьесы и имѣли право принимать и отвергать ихъ. Послѣ злополучнаго отзыва они отказались даже читать драмы Мерсье и закрыли ему доступъ въ театръ. Местъ актеровъ возбудила всеобщее негодованіе и Мерсье началъ противъ нихъ процессъ. Но на сторонѣ актеровъ противъ Мерсье, какъ и слѣдовало ожидать, оказался дворъ. Его призвалъ начальникъ полиціи, потребовалъ прекратить процессъ и заявилъ, что это воля правительства.— «Милостивый государь,— отвѣтилъ Мерсье совершенно спокойно, — я не знаю, что вы разумѣете подъ словомъ правительство. У меня есть король и я одинъ изъ самыхъ мирныхъ подданныхъ. Когда онъ отдастъ мнѣ свои приказанія, я сумѣю повиноваться. Но еще разъ, я не понимаю, что вы хотите сказать».— «Если вы будете упорствовать, — отвѣтилъ лейтенантъ, — можетъ случиться дурно».— «Я только пользуюсь закономъ. Я считаю себя оскорбленнымъ въ своихъ правахъ гражданина. Я обращаюсь къ суду, признанному націей, чтобы принимать жалобы кого угодно. Я боюсь только его приговора». По обычаю, послѣдовало *lettre de cachet*, но парламентъ защитилъ Мерсье.

Въ такихъ условіяхъ находился писатель XVIII вѣка! Послѣ этого драмы Мерсье должны считаться настоящими подвигами гражданского мужества. И онѣ дѣйствительно были подвигами даже предъ лицомъ остальныхъ писателей эпохи.

Мерсье среди блестящихъ звѣздъ, окружавшихъ руководящее солнце—Вольтера, стоялъ одиноко. Самого вождя философовъ онъ не любилъ и по своей натурѣ не могъ питать къ нему уваженія. Вольтеру перѣдко приходилось высказывать идеи противорѣчивыя и не особенно точныя. Фернейскій патриархъ былъ большимъ политикомъ и умѣлъ пользоваться людьми по моментамъ, какъ никто изъ его учениковъ и товарищей. Онъ могъ выпустить книгу безъ своего имени и торжественно отказать отъ нея, могъ написать комедію въ крайнемъ демократическомъ направленіи, почти въ духѣ Руссо—и привѣтствовать комплиментами аристократовъ и дворъ, возбуждавшій всеобщее презрѣніе у писателей XVIII вѣка, даже у такихъ скромныхъ критиковъ, какъ Монтескьё. Дипломатическое искусство Вольтера часто повергало въ смущеніе самыхъ вѣрныхъ его послѣдователей. Они, напримѣръ, никакъ не могли понять, какъ авторъ *Кандида*, *Генриады*, *Дневсеницы* могъ участвовать. А между тѣмъ это случилось и дворъ, по словамъ современниковъ, былъ пріятно пораженъ. Вольтеръ замѣчалъ, что на старости лѣтъ у него нѣтъ никакого желанія принять мученичскій вѣнецъ. Но врядъ ли кто рѣшился бы наградить Вольтера такимъ вѣнцомъ. Дипломатія, повидимому, хватила черезъ край.

Никто сильнѣе Мерсье не могъ негодовать на такія уловки, и онъ говорилъ о Вольтерѣ, «будто тотъ» почти всегда писалъ для одного момента и смотря по обстоятельствамъ (*il a presque toujours écrit pour le moment et selon le besoin*). Замѣчаніе, можетъ-быть, отчасти и справедливое, но ни на одну минуту не заставляющее насъ забыть о заслугахъ великаго вожда просвѣтительной мысли. На славу Вольтера отзывъ Мерсье не могъ оказать никакого дѣйствія, но на судьбѣ идей и произведеній Мерсье несомнѣнно должно было отразиться его отчужденіе отъ общества энциклопедистовъ.

Философы, по крайней мѣрѣ наиболѣе видные изъ нихъ: Вольтеръ, Дидро, Даламберъ—пользовались большимъ личнымъ вліяніемъ въ обществѣ и даже у властей. Философія жестоко

преслѣдовалась, надъ *Энциклопедіей* вѣчно тяготѣли черныя тучи, трагедіи Вольтера запрещались, противъ Даламбера въ академіи стояла настоящая черная банда духовенства и за него дворъ,—и все-таки съ Вольтеромъ совѣтовались цензоры, къ Дидро посылались на просмотръ сомнительныя произведенія, на Даламбера писались эпиграммы, какъ на неограниченнаго владыку академическихъ креселъ. Философамъ иногда удавалось сбивать съ позиціи завѣдомыхъ слугъ правительства, и притомъ сбивать съ помощью представителей власти. Даже у Руссо, неподдѣльнаго изъ философовъ, были свои защитники и друзья. У Мерсье было нѣсколько пріятелей среди писателей-демократовъ. У нихъ были свои собранія, такъ-называемые «философскіе завтраки», на которыхъ каждый присутствующій обязанъ былъ выпить восемнадцать чашекъ кофе. И здѣсь Мерсье часто поднималъ бурю своими «литературными парадоксами». Но ему удавалось убѣждать противниковъ, его идеи здѣсь иногда признавались,—особенно идеи, касавшіяся народа, его жизни, его будущаго.

Но это былъ небольшой и совершенно невліятельный кружокъ писателей-романтиковъ и критиковъ. Впослѣдствіи вновь народившіеся романтики повторяютъ многое изъ того, о чемъ проповѣдовалъ Мерсье, и Викторъ Гюго напишетъ одинъ изъ лучшихъ романовъ на тему о незамѣтныхъ, но великихъ подвигахъ, о никому невѣдомыхъ, но достойныхъ удивленія герояхъ. Онъ даже выразится словами Мерсье. Вообще идеи стараго писателя въ теченіе времени будутъ казаться все менѣе страшными и парадоксальными. И еслибы новые писатели къ своему культу жизненной правды присоединили горячее вѣрующее и любящее сердце и неустанную мысль о будущемъ человѣчества, и особенно объ его младшихъ дѣтяхъ,—тогда новые писатели приблизились бы къ идеаламъ своего предшественника и въ грядущихъ поколѣніяхъ слава ихъ можетъ-быть поднялась бы еще выше.

Ив. Ивановъ.

Золотые сны.

Легенда.

I.

Красавица Эддигэ-Сулу, любимая дочь Амбай-хана, потеряла свой дѣвичій сонъ. Все у нея было, а только не было того, что равняетъ богатыхъ и бѣдныхъ, молодыхъ и старыхъ, счастливыхъ и несчастныхъ,—во снѣ все равны. Лучшіе, самые знаменитые врачи употребляли все средства, чтобы вернуть сонъ ханской дочери, но ничего не могли подѣлать.

— Ничего не пожалѣю тому, кто ее вылѣчитъ!—повторялъ Амбай-ханъ, плакавшій отъ горя.—Была у меня любимая жена Фужинь и она подарила мнѣ Эддигэ, а сама умерла. Вылѣчите мнѣ мою дочь... А кто вылѣчитъ, возьметъ столько золота, сколько можетъ увезти самый сильный оселъ.

Всѣмъ врачамъ очень хотѣлось разбогатѣть и угодить хану, но съ горя они могли только спать.

Нашелся одинъ смѣльчакъ изъ нихъ, который рѣшился сказать хану:

— Свѣтъ міра, грозное дыханіе бури, драгоценный камень мудрости, позволь ничтожному червю науки подползти къ твоимъ ногамъ и высказать жалкій бредъ разстроеннаго воображенія...

— Говори, радость знанія...

— Ханъ Амбай, розовая заря человѣческаго счастья, солнце

справедливости, дыханіе жизни, твоя любимая Эддигэ-Сулу въ такомъ возрастѣ, когда дѣвушки начинаютъ думать о вещахъ...

— Говори, гордость науки.

— Да, о вещахъ, о которыхъ она только смутно догадывается. Молодой мужъ дастъ твоей Эддигэ-Сулу и сонъ, и покой, и счастье... Это—единственное лѣкарство, ханъ Амбай, цвѣтъ бытія, источникъ наслажденія, приближеніе красоты.

Ханъ Амбай задумался, покачалъ головой и улыбнулся.

— Нѣтъ, слышь тайны, твой осель не понесетъ моихъ сокровищъ. Много было желающихъ сдѣлаться мужемъ Эддигэ, но дѣвушка не хочетъ и слышать о женихахъ. Это особенная дѣвушка...

А Эддигэ-Сулу сидѣла въ своей шелковой палаткѣ и плакала. Единственное, что ее нѣсколько развлекало, были сказки и пѣсни молодой аячки (служанки) Буртэ. Молодая дѣвушка такъ хорошо рассказывала и еще лучше пѣла.

— Кто составилъ эти пѣсни, Буртэ?—спрашивала ханская дочь.

— Я не знаю... Ихъ всѣ поютъ.

— Да, хорошія пѣсни, и я чувствую, какъ мнѣ дѣлается легче, когда ты поешь, Буртэ. Какой счастливый человѣкъ долженъ ихъ сложить... Какое счастье должно разливаться и цвѣсти около него. Какъ я желала бы увидѣть его. Онъ одинъ вернулъ бы мнѣ спокойствіе...

Достаточно было Эддигэ выразить это желаніе, какъ начались розыски неизвѣстнаго поэта по всему государству. Оказалось, что никто его не зналъ.

— Вѣроятно, онъ скрываетъ свое имя,—предполагала Эддигэ.—Я знаю только одно, что онъ молодъ и красивъ, потому что въ его пѣсняхъ цвѣтеть весна...

Потихоньку ото всѣхъ молодая дѣвушка сама складывала стихи и сама ихъ пѣла. Она брала какую-нибудь пѣсню неизвѣстнаго поэта и отвѣчала на нее. Онъ пѣлъ о молодости, о радостяхъ любви, о загоравшемся счастьи,—она пѣла, что молодость такъ быстро проходитъ, радости любви — сладкій сонъ, счастье — призракъ, за которымъ люди вѣчно гонятся,

какъ за собственною тѣнью, и, какъ собственную тѣнь, не могутъ поймать. Никто бы не подумалъ, что у молодой красавицы могли быть такія мрачныя мысли.

Во время своей бессонницы Эддигэ заставляла пѣть свою аячку Буртэ эти пѣсни, нарядивъ ее въ свое лучшее платье.

— Каждый съ радостью полюбитъ меня, — пѣла Буртэ, закрывая глаза:—я молода, стройна, богата... Каждый полюбитъ во мнѣ ханскую дочь, мою красоту и молодость. Но отнимите все это—и что же останется? Гдѣ же тотъ человѣкъ, котораго полюбить? Гдѣ та душа, которая найдетъ себѣ отвѣтъ въ другой душѣ? Гдѣ то сердце, которое забьется съ моимъ сердцемъ? Да, жизнь—призракъ, тяжелый сонъ, обманъ... Я желала бы быть женой пастуха, которую мужъ любить такой, какой она есть.

Прошелъ цѣлый годъ, пока разыскали поэта. Его искали по всему государству, а оказалось, что онъ жилъ въ ханской столицѣ, мало этого—жилъ въ двухъ шагахъ отъ ханскаго дворца. Когда Буртэ принесла радостное извѣстіе, Эддигэ сказала:

— Я это чувствовала... Иди къ нему и спой пѣсню про ханскую дочь. Посмотримъ, что онъ скажетъ...

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала ханская дочь возвращенія посланной. Что-то она увидитъ, что отвѣтитъ ей поэтъ...

Буртэ вернулась. Она вошла съ опущенными глазами, точно ей было стыдно.

— Ну, что, Буртэ? Онъ очень красивъ, да? Ты поражена и не можешь говорить отъ восторга?...

— О, нѣтъ, моя госпожа... Я не рѣшаюсь сказать тебѣ всю правду...

— Говори все. Я хочу знать только одну правду...

— Зовутъ его Джакъ... Такое имя прилично погонщику ослевъ. Живетъ онъ какъ байгушъ (нищій), въ какой-то норѣ... Самъ онъ... у него нѣтъ возраста... У другихъ людей и глаза, и лицо, и волосы, и вся фигура показываютъ пережитые годы, а Джакъ смотритъ молодыми глазами, когда лицо уже покрылось морщинами. Онъ—байгушъ, а принялъ меня съ такимъ

достоинствомъ, точно князь. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ тебя, моя повелительница... Я не смѣю сказать...

— Говори, говори!...

— Еслибы ханъ Амбай слышалъ его слова, то Джанкь остался бы безъ головы...

— Что же онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, что ты уже приходила къ нему сама...

— Я?... О, этотъ дерзкій человѣкъ заплатитъ за свои слова!—Эддигэ покраснѣла отъ гнѣва; но, подумавъ, проговорила:—Я хочу видѣть этого человѣка...

II.

И ханская дочь отправилась сама къ Джанку. Никакая другая дѣвушка не могла бы этого сдѣлать, а Эддигэ рѣшилась. Кто можетъ дурно подумать о ханской дочери? Кому мѣшаетъ голова на плечахъ?...

Джанкь жилъ въ очень скверной лачугѣ, у которой даже дверь не затворялась. Онъ не вышелъ на-встрѣчу дорогой гостьи и встрѣтилъ ее съ такимъ видомъ, точно жилъ во дворцѣ и привыкъ принимать у себя такихъ гостей.

— Здравствуй, Джанкь!

— Здравствуй и ты, красавица Эддигэ. Что тебя привело въ мою лачугу?...

— Твои пѣсни, Джанкь, и твоя дерзость... Я хотѣла видѣть того человѣка, который осмѣлился сказать, что я приходила къ нему...

— А если это правда? Эту правду видятъ мои глаза сейчасъ... Я знаю женское любопытство, но тебя привело сюда не одно любопытство.

Эддигэ велѣла выйти провожавшей ее аячкѣ и съ недоумѣніемъ посмотрѣла, куда могла бы сѣсть.

— Сядишь прямо на полъ,—разрѣшилъ Джанкь это недоумѣніе.—Я всегда сижу на полу...

Когда Эддигэ сѣла, Джанкь помѣстился напротивъ и съ улыбкой проговорилъ:

— Ты меня считаешь байгушемъ, Эддигэ? О, какъ ты ошибаешься... Меня стѣсняетъ даже эта лачуга, потому что она закрываетъ отъ меня небо. Видѣ мнѣ принадлежитъ весь мѣръ—и небо, и земля.

— Да, но только, къ сожалѣнію, въ пѣсняхъ, какъ всѣмъ поэтамъ. Твои пѣсни совсѣмъ не походятъ на тебя... Я думала, что человѣкъ, складывавшій ихъ, и молодъ, и хорошъ, и знатенъ.

— А ты посмотри хорошенько на меня, красавица... Посмотри внимательно: вѣдь и я былъ молодъ, какъ молода сейчасъ ты, и у меня являлась смутная жажда счастья, и вотъ когда ты приходила ко мнѣ, ханская дочь!...

— Но когда ты былъ молодъ, меня не было еще на свѣтѣ.

— Для меня ты ужъ была, и я пѣнвалъ отъ тоски по твоей красотѣ. Да, и ты приходила ко мнѣ—ласковая, любящая, кроткая... Я чувствовалъ, какъ ты наклонялась надо мной, и твое горячее дыханіе жгло мое сердце, пробуждая въ немъ дремавшую пѣсню.

Дѣвушка слушала эту безумную рѣчь, и ея головка склонилась все ниже. Ничего подобнаго она еще не слыхала, и Джанкь уже не казался ей старымъ. Онъ не былъ и молодымъ, но отъ него вѣяло молодостью.

— Но еслибы ты тогда пришла ко мнѣ живая, какъ сейчасъ,—продолжалъ Джанкь уже тихимъ голосомъ,—тогда... тогда пѣсни замерли бы въ твоихъ поцѣлуяхъ.

— Я не понимаю тебя...

— Поймешь въ другой разъ... Ничто не дается даромъ. Вотъ ты сидишь со мной, слушаешь меня и не смѣешь спросить о томъ, что тебя сейчасъ занимаетъ.

Дѣвушка покраснѣла какъ мальчишка, залѣзшій въ чужой садъ красть яблоки и пойманый на мѣстѣ преступления.

— У тебя все есть, и ты позавидовала мопимъ пѣснямъ, красавица. Успокойся, ты никогда не будешь поэтомъ... Это тебѣ говорить Джанкь,—тотъ Джанкь, пѣсни котораго долетѣли до твоихъ ушей, какъ пестрыя лѣтнія бабочки,—да, тотъ Джанкь,

который прошелъ черезъ всѣ двери твоего ханскаго дворца, невидимкой миновалъ стражу, припалъ къ твоему изголовью и прошепталъ твоему сердцу горячее слово... Это я спугнулъ твой дѣвичій сонъ, отнялъ спокойствіе и покрылъ темною тѣнью грѣзы о счастья.

Ханская дочь ничего не отвѣтила и ушла въ свой дворецъ. Ей не понравился Джаякъ съ его странными рѣчами. Она думала встрѣтить другое. Она даже разсердилась на себя за желаніе видѣть его. Въ ней точно-что порвалось. Была какая-то другая жизнь, другія мысли и чувства, которыхъ она не понимала.

А Джаякъ оставался въ своей лачугѣ и по-прежнему пѣлъ свои пѣсни. Онъ не былъ удивленъ даже тогда, когда къ нему явился ханскій посолъ и потребовалъ его во дворецъ.

— Ты Джаякъ?—строго спросилъ ханъ Амбай, презрительно оглядывая бѣдное платье поэта.

— Я—Джаякъ, ханъ.

Ханъ махнулъ рукой, и привели осла, нагруженнаго золотомъ.

— Это тебѣ, Джаякъ... Моя любимая дочь Эддигэ заснула послѣ разговора съ тобой.

Джаякъ упалъ на колѣни и началъ умолять хана:

— Ханъ, оставь Джаяку его бѣдность... Мы бѣдными родились и бѣдными умремъ. Не нужно мнѣ ничего... Не хочу я быть рабомъ твоего богатства.

Спрятавшаяся за занавѣской Эддигэ слышала этотъ отвѣтъ и покрасилась отъ удовольствія. Да, это былъ онъ, тотъ человѣкъ, который подслушалъ ея сердце... Онъ былъ выше всѣхъ этихъ сановниковъ, окружавшихъ хана. Она быстро вышла изъ своей засады, подбѣжала къ Джаяку, подняла его и сказала:

— Любимый отецъ, это тотъ человѣкъ, который дастъ мнѣ счастье... Мнѣ тоже ничего не нужно, какъ и ему. Онъ приходилъ уже ко мнѣ и отнялъ то, чего никому не вернуть.

Свершилось великое чудо на глазахъ у всѣхъ. Джаякъ точно проснулся и помолодѣлъ. Да, разгладились морщины, за-

блестѣли глаза молодымъ огнемъ, выпрямился станъ. Ханъ Амбай былъ изумленъ. Онъ подозвалъ къ себѣ Джаяка, наклонился къ его уху и что-то шепнулъ... Эддигэ-Сулу не слышала, что онъ шепнулъ, потому что именно въ этотъ моментъ проснулась.

— Ты долго спала, моя дорогая госпожа,—говорила аячча Буртэ.

— Такъ это былъ сонъ? Ахъ, зачѣмъ я проснулась... Но все равно, ты одна получишь ханскую награду. А гдѣ же Джаякъ? Да, да, это былъ золотой сонъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ДММ

Васенька.

Рассказъ.

Я никогда не забуду этого блѣднаго мальчика въ узенькой темно-коричневой фуфайкѣ, сильно потертой и мѣстами разорванной, въ коротенькихъ штанишкахъ и въ резиновыхъ сапогахъ вмѣсто сапогъ. Онъ первый попался мнѣ на глаза, когда я, покинувъ скверную гостиницу уѣзднаго города, со своимъ легкимъ чемоданомъ въ рукѣ, подошелъ къ невзрачному домику на окраинѣ города и постучался въ калитку.

Это было передъ вечеромъ. Утромъ я заходилъ сюда удостовѣриться, что есть для меня комната. Я могъ бы найти себѣ квартиру въ центральной части города, но тамъ было нестерпимо душно, нечѣмъ было дышать. Притомъ же мнѣ сказали, что я облагодѣтельствую Марью Невзорову, если остановлюсь у нея и дамъ ей такимъ образомъ заработать. Мнѣ рекомендовали ее какъ очень бѣдную и крайне несчастную женщину. И правда, я нашелъ въ ея домикѣ самую жалкую обстановку. Комната, которую мнѣ предложили, выходила двумя окнами въ палисадникъ, но была совершенно пуста. Мнѣ обѣщали кровать и столъ; когда же рѣчь зашла о стулѣ, то Марья Невзорова задумалась и потомъ рѣшила, что стулъ можно достать у сосѣда-огородника. Мнѣ предстояло жить двѣ недѣли въ такой жалкой обстановкѣ; но такъ какъ я твердо рѣшилъ облагодѣтельствовать Марью Невзорову, тѣмъ болѣе, что мнѣ это ничего не стоило, ибо, говоря откровенно, различіе

между обстановкой въ ея домѣ и въ уѣздной гостиницѣ было гадательно, то я и остался у нея.

Блѣдному мальчику было съ виду лѣтъ десять. Худенькій, костлявый и какой-то безпомощный, онъ обладалъ необыкновенно симпатичнымъ лицомъ и темными вдумчивыми глазами.

Увидѣвъ меня, онъ живо поднялся съ низкой глиняной заваленки, выскочилъ изъ своихъ калошъ, которыя остались на мѣстѣ, и босыми ногами побѣжалъ мнѣ на-встрѣчу.

— Вы квартирантъ?—спросилъ онъ меня, поровнявшись со мной и идя уже въ уровень съ моимъ чемоданомъ.

— Да,—отвѣтилъ я, нѣсколько удивленный его смѣлостью, которая такъ мало подходила къ его безпомощному виду.—А ты не хозяинъ ли?

— Хозяйскій сынъ. Мамаша пошла на старку. Она велѣла мнѣ васъ принять... Комната готова.

— Прекрасно,—сказалъ я.—Какъ же ты меня принимать будешь?

— Сдѣлаю все, что надо.

Я посмотрѣлъ на него, и должно-быть мой взглядъ выразилъ сомнѣніе въ его способности что-нибудь сдѣлать, потому что онъ тотчасъ же поспѣшилъ увѣрить меня:

— Вы думаете, я маленький, такъ не могу? Я все могу сдѣлать!

Черезъ минуту мы были въ отведенной мнѣ комнатѣ. Мальчикъ заявилъ, что его зовутъ Васенькой, и я началъ такъ звать его. Онъ оказался исполнительнымъ, толковымъ и ловкимъ. Далъ мнѣ воды умыться, причемъ, за отсутствіемъ умывальника, сливалъ мнѣ воду на руки въ палисадникъ, посоветовавъ мнѣ стать подъ деревомъ, чтобы вода не пропадала. Вѣнулъ при помощи камня, подпятого на улицѣ, два гвоздя въ стѣну, вычистилъ сапоги и вообще оказался на высотѣ призванія.

— Экій ты ловкій, Васенька!—замѣтилъ я ему:—въ самомъ дѣлѣ ты все умѣешь дѣлать.

Онъ улыбнулся, очевидно, довольный моею похвалой.

— Я всегда все дѣлаю!—отвѣтилъ онъ.—Мамаша одна не можетъ все дѣлать. Я и гладить умѣю.

— Как гладить?

— Утюгом! Очень просто. Носки могу выгладить, полотенеце, салфетки... Только вот сорочку крахмальную не могу. Пробоваль,—трудно!

— Вот ты какой... Твоя мать—прачка?

— Да, бѣлье стираеть, а я ей помогаю. Какъ бы не я, не справилась бы. У нея спинная боль бываетъ... Этими только и живемъ.

— А отецъ? Вѣдь у тебя отецъ же есть?...

Васенька махнулъ рукой.

— Про папашу можно бы и не говорить. Его все одно что и нѣтъ!—промолвилъ онъ съ проницеской усмѣшкой.

— А что? Развѣ онъ не работаетъ?

— Пьетъ! Вотъ и вся его работа! Постоянно пить и мамашу бьеть... Еслибъ не я, давно убилъ бы. Придетъ это и сейчасъ лѣзетъ драться, а я стану между нимъ и мамашей и не пускаю. Меня онъ не можетъ бить, потому что я маленький. Это даже пьяному жалко. Иной разъ и ударить, да ничего... не такъ-то больно.

Я перебилъ разговоръ. Васенька можетъ-быть и не подозревалъ, что сразу раскрываетъ передо мной свою домашнюю драму. Мнѣ же казалось, что я злоупотребляю наивностью мальчика и забираюсь въ такія интимныя сферы, куда быть-можетъ Марья Невзорова и не хотѣла бы меня впускать.

— Ты грамотный?—спросилъ я, замѣтивъ, что Васенька съ какимъ-то любовнымъ стараніемъ перебираетъ и складываетъ мои книги и бумаги.

— Нѣтъ... Гдѣ-жъ мнѣ? Кто-жъ меня можетъ научить?

И мнѣ показалось, что въ голосъ его звучало сожалѣніе. Онъ продолжалъ уже безъ вопроса съ моей стороны:

— Мамаша говорить, что прежде была грамотная, да пере-забыла все... Когда съ утра до вечера стираешь бѣлье, гдѣ-жъ тутъ помнить? А папаша—очень даже грамотный, да толку мало... Папаша въ прежнее время письмоводителемъ у судьи былъ. А потомъ какъ занялъ, такъ его и съ мѣста прогнали.

— Давно?

— Уже года три будетъ... Съ тѣхъ поръ онъ ужъ и не вырезвляется... Такое несчастье!

— Почему же онъ сталъ пить?

Я позволилъ себѣ распришпывать его, такъ какъ онъ самъ обнаруживалъ склонность возвращаться къ этому предмету. Онъ отвѣчалъ:

— Такъ, съ баловства!... Мамаша говорить, что съ баловства. А папаша, когда выпьетъ очень ужъ, то говорить, что съ горя. Можетъ оно и правда...

— Значить, у него горе было?...

— Было... Да не знаю, чтѣ... Не говорить. Хотя и съ-пьяна, а никогда не проговорится... Мамаша сказывала, что онъ—несчастный, что ему большимъ бы человѣкомъ быть, да характеръ помѣшалъ... А характеръ у него такой, что онъ всею правду въ глаза говорить... Какъ это слово читается? Длинное какое!...

Слово, о которомъ была рѣчь, онъ напелъ на оберткѣ какой-то книги. Я прочиталъ ему: «исправленное», а онъ почему-то повторилъ его нѣсколько разъ. Потомъ онъ прибавилъ:

— Еслибъ я былъ грамотный, мамашѣ легче бы было...

— Почему это?

— Очень ее обманываютъ. Отдадутъ бѣлье со спискомъ, а какъ она не понимаетъ, чтѣ такое въ спискѣ написано, то потомъ и требуютъ, чего и не давали, и штрафъ дѣлаютъ. Сколько разъ это было!...

— Такъ ты учишь!—посоветовалъ я.

— Кто-жъ меня научить? Въ школу ходить некогда.—надо мамашѣ помогать,—да и не въ чемъ... Сапогъ нѣту... Исправлен-ное!—еще разъ чрезвычайно отчетливо повторилъ онъ.— А это?

— «Изданіе», прочиталъ я, а затѣмъ онъ попросилъ еще прочитать ему слово изъ середины книги. Это было: «Счастли-вый». И каждое изъ этихъ словъ онъ повторилъ по нѣскольку разъ.

Мы проболтали съ нимъ часа два. Приняла Марья, и мой Васенька тотчасъ же принялся помогать ей. Онъ сортировалъ бѣлье, которое она принесла, и занимался этимъ цѣлый вечеръ.

— Славный у васъ мальчишка! — сказалъ я Марьѣ, на что она только вздохнула.

Ночью я спалъ плохо. Въ хозяйской комнатѣ происходила возня. Кто-то падалъ и что-то падало, раздавались внезапные возгласы, слышался голосъ Васеньки, кто-то кого-то унималъ, слышался на присутствіе жильца. Все это вмѣстѣ сдѣлало для меня сонъ невозможнымъ. Очевидно, «палаша» пришелъ въ своемъ обычномъ видѣ и донималъ Марью, а Васенька умиралъ его и защищалъ ее.

На другой день у меня было много дѣла и я увидѣлся съ мальчикомъ только вечеромъ. Онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы приготовить постель, а кончивъ это дѣло, подошелъ къ столу, взялъ вчерашнюю книгу, раскрылъ ее на второй страницѣ и спросилъ, какъ читаются три первыхъ слова. Это были: «напрасно и некоторые утверждаютъ». Онъ повторилъ это вслухъ разъ пять.

— Зачѣмъ тебѣ это? — спросилъ я.

— Такъ... Занятно! — промолвилъ онъ, усмѣхнувшись.

Каждый день онъ выбиралъ изъ книги слова два-три, заставлялъ меня читать и повторялъ ихъ. Я привыкъ къ этому и сталъ смотрѣть на это какъ на Васенькину причуду.

Прошло дней десять. Я кончилъ всѣ свои дѣла и объявилъ Марьѣ, что завтра уѣзжаю. Вечеромъ ко мнѣ пришелъ Васенька и опять взялъ книгу. Я думалъ, что послѣдуетъ обычный вопросъ о томъ, какъ читается то или другое слово, но ошибся. Онъ подошелъ ко мнѣ, раскрылъ книгу и, указывая пальцемъ на слово, сказалъ: — это — «ну-ж-но»? Такъ?

Я подтвердилъ: — А это: «за-мѣ-ти-ть»?

Я съ величайшимъ изумленіемъ взглянулъ на него и въ свою очередь спросилъ его, указавъ на какое-то слово въ срединѣ страницы: — А это?

Онъ прочиталъ съ незначительной ошибкой. Я намѣтилъ еще нѣсколько словъ, — Васенька угадалъ ихъ. Попадались роковыя

ошибки, когда онъ «г» принималъ за «ч» или «и» за «п», но онъ тотчасъ же догадывался и поправлялся.

— Какимъ это ты образомъ? — спросилъ я.

Васенька лукаво усмѣхнулся.

— Я себѣ замѣтилъ одно слово: «исправленное», а какъ вы ушли, я и разобралъ его по буквамъ, да и замѣтилъ буквы, а тамъ другое — тоже самое, и третье... А какъ порядочно буквы (онъ такъ говорилъ) узналъ, сталъ искать ихъ въ другихъ словахъ. Ежели не разберу, у васъ спрошу, какъ читается, да такъ и выучился... Выходитъ, что я уже грамотный, а?

Я восторженно похвалилъ его.

— Только вотъ что, — съ миной грусти прибавилъ Васенька: — цифрей не знаю, а мамашу-то на цифряхъ и обманываютъ, и тоже по писанному читать...

Нечего и прибавлять, что я на другой день не уѣхалъ, а прожилъ у Марьи Невзоровой еще недѣлю двѣ. Мы провели все это время съ Васенькой, который дѣятельно совершенствовался въ грамотѣ. Онъ очень твердо читалъ по печатному, изрядно познакомился съ «писаннымъ» и постигъ тайну арабскихъ цифръ.

Мы разстались съ нимъ большими друзьями.

— Теперь ужъ мамашу обманывать не будутъ! — заявилъ мнѣ на прощанье Васенька, и его маленькіе глазки сіяли, а на худенькомъ, изможденномъ личикѣ выражалась такая великая радость, такое безконечное торжество, что я на минуту почувствовалъ себя человекомъ, печально совершившимъ доброе дѣло. Я очень цѣню такіа мпнуты, потому что онѣ чрезвычайно рѣдки...

И. Потапенко.

З а р я.

Брызнули первыя искры разсвѣта,
Дымкой туманной покрылся ручей;
Въ утренній часъ его рокотъ звончѣй.
Ночь умираетъ... И вотъ ужь одѣта
Въ нерукотворныя ткани изъ свѣта,
Въ поясѣ пышномъ изъ яркихъ лучей,
Мчится Заря благовоннаго лѣта
Изъ-за лѣсовъ и морей,
Медлить на высяхъ обрывистыхъ горъ,
Смотрится въ зеркало сплнхъ озёръ.
Мчится богиня разсвѣта.
Слѣдомъ за ней
Легкой гирляндой эльфы несутся,
Хоромъ поютъ: «пробудилась Заря!»
Эхомъ стозвучнымъ ихъ пѣсни вездѣ отдаются,
Листья другъ къ другу съ безмолвною ласкою жмутся,
Въ небѣ—и блескъ изумруда, и блескъ янтаря;
Нѣжныхъ малиновокъ пѣсни кристальныя льются:
«Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!»

На кладбищѣ.

Души измученной смолкаютъ здѣсь порывы,
Здѣсь спать моя друзья, здѣсь спать мой милый братъ;
Надъ ними блѣдныя, развѣсистыя ивы
Дрожащею листвою чуть слышно шелестятъ.
Въ моемъ умѣ встаютъ неслышныя мечтанья...
Погибшая любовь... Забытая печаль...
И тихо плачу я. Но въ сердцѣ нѣтъ страданья,
Душа моя мертва, мнѣ прошлаго не жаль,
И только горестны о васъ воспоминанья,
О, незабвенный братъ! о, милые друзья!
Среди могилъ, гдѣ вы заснули спомъ глубокимъ,
Зачѣмъ я здѣсь брожу, зачѣмъ не съ вами я?
Такъ тихо я скорблю—и вымысломъ далекимъ
Мнѣ кажется вся жизнь печальная моя.

К. Бальмонтъ.

Деревенскіе очерки.

Крестьянскія бѣдствія.

Живя въ городѣ, намъ рѣдко приходится реально скорбѣть надъ крестьянскими бѣдствіями. Правда, читаемъ мы въ газетахъ и журналахъ о падежѣ скота, о саранчѣ, о крестьянскомъ невѣжествѣ и предразсудкахъ, о голодѣ, но все это какъ-то далеко, все думается: «Богъ знаетъ, быть-можетъ все это преувеличено, раздуто!» И только когда пріѣдешь въ деревню, въ настоящую глухую деревню, безъ школы, безъ грамотныхъ людей, безъ медицинской помощи, — пріѣдешь хотя временно, на два, на три лѣтнихъ мѣсяца, и взглянешь пристально кругомъ, — вся эта горькая дѣйствительность встаетъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Вы не разсуждаете болѣе, что мѣры ваши, ваша помощь — лишь ничтожныя палліативы, замѣчпающіе временно хроническія извы: чувство живого состраданія поглощаетъ все, и вы помогаете, чѣмъ можете, какъ можете, подъ вліяніемъ этого гнетущаго васъ чувства.

Въ 18... году мы пріѣхали въ деревню А., только-что купленную у помѣщика М. Мы пригласили съ собою на лѣто, въ качествѣ учителя нашихъ дѣтей, молодого медика, оканчивающаго курсъ медицинскаго факультета, Н. Лѣчить крестьянъ не входило въ его обязанности, но по мѣрѣ того, какъ больные, послѣ двухъ-трехъ случаевъ оказанной помощи, стали осаждать ворота нашего жилища и мнѣ приходилось не подъ силу раздавать лѣкарства и перевязывать раны, онъ вызвался съ своей

стороны оказывать посильную помощь. Слухъ о нашей помощи распространился на десятки верстъ и подводы съ большими потянулись со всѣхъ деревень по направленію къ деревнѣ А. Тутъ были и параличные, и сухорукие, и хромые, и слѣпые, и въ оснѣ, и въ кори, и въ коклюшѣ; мысль о томъ, что зараза эта можетъ передаться моимъ дѣтямъ, не на шутку стала тревожить меня, и я напала у сосѣдняго помѣщика просторный флигель, разставила тамъ всѣ свои банки и стѣянки и стала принимать больныхъ съ Н.

Комната была полна народу. Я перевязывала рану мужику, которому бликъ прокололъ ногу, Н. мѣняла какое-то лѣкарство, въ углу, на кожухѣ, стонала лихорадочная женщина, у дверей, на рукахъ матери, плакалъ золотушный ребенокъ, чахоточная дочь старосты тяжело дышала надъ моимъ ухомъ, — казалось, картина больничнаго горя была переполнена лицами и красками, но оказалось, что это не все: отворилась дверь и вмѣстѣ съ струей чистаго воздуха ворвались дикіе, нестовые стоны. Все стихло, казалось, каждый забылъ о своемъ личномъ страданіи, одинъ золотушный ребенокъ по-прежнему хныкалъ. На порогѣ показался сильный, молодой парень; онъ держалъ въ своихъ мощныхъ рукахъ молодую женщину: ея голова, съ темнорусою косой, была опрокинута назадъ, худощавое лицо было очень блѣдно, глаза полузакрты, бѣлая рубаха вся въ крови; она билась какъ ребенокъ и нестово кричала.

— Боже мой! что съ нею? — спросила я, быстро подходя.

— Собаки... чабанскія... по степу йшла... сама... у сусѣднаго пана С. сколько вже лыха наробылы воны... чабанови 70 лѣтъ, куды-жъ ему зъ ними справицца... звалылы и грызлы, грызлы, сколько схотылы, — говорила старушка-мать, вошедшая вмѣстѣ съ ними, прерывая рѣчь рыданіями и вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Мы отнесли больную въ другую комнату, раздѣли, положили на кровать и осмотрѣли раны: ихъ было тридцать семь. Это не

были порѣзы, быстро стремящіяся къ заживленію и сращенію. при рациональномъ уходѣ,—это были тѣ раны лохмотьями, которыя медленно поддаются медицинскому уходу. Мы сдѣлали, что могли. Несчастливая кричала при всякомъ прикосновеніи мокрой губки, нѣсколько разъ съ нею дѣлался обморокъ и приходилось приостанавливать обмываніе, приводя ее въ чувство. Къ несчастію, больная оказалась самымъ нервнымъ субъектомъ, какого можно себѣ представить: кромѣ физической боли, она не могла переносить вида крови, лицо ея перво подергивалось и во всемъ тѣлѣ дѣлались страшныя конвульсіи. Возиться пришлось не съ нею одною, но и съ матерью,—на ней съ удивительною отзывчивостію повторялись все припадки дочери. Одинъ только парень, мужъ, сохранялъ наружное спокойствіе, силясь помогать намъ въ нашихъ перевязкахъ, но его сильныя руки дрожали на худенькихъ плечахъ жены и вѣки глазъ покраснѣли отъ слезъ, которыя, казалось, вотъ-вотъ ему не удастся сдержать.

Къ концу перевязки больная нѣсколько успокоилась,—быть-можетъ лавро-вишневыя капли оказали желанное дѣйствіе.

Красавецъ-мужъ снова взялъ ее бережно на руки, какъ ребенка; ея античная головка, съ блѣднымъ, какъ мраморъ, лицомъ, какъ-то безжизненно покоилась на его плечѣ, а тонкія, точно аристократическія, руки обвивали его шею.

На другой день старушка-мать явилась къ намъ вся въ слезахъ и просила сказать, какъ скоро могутъ зажить раны ея дочери.

— Не ранѣе шести недѣль,—отвѣтилъ рѣшительно Н.

Она снова ударилась въ слезы и объяснила, что дома идутъ большія непріятности.

— Свекровь и такъ не любитъ невѣстку, называетъ ее бѣло-ручкой, а тутъ еще эти шесть недѣль: она просто поѣдомъ ее съѣсть,—вѣдь это десять рублей деньгами.

Думали мы, думали, какъ помочь горю, и рѣшили написать мировому судѣ, который славился въ уѣздѣ за человѣка честнаго и гуманнаго.

Мировой судья, съ своей стороны, написалъ помѣщичку част-

ное письмо, выясняя, что требованія женщины заключаются въ десяти рубляхъ, а если дѣло пойдетъ судебнымъ порядкомъ, придется заплатить болѣе. Помѣщикъ сначала рассердился, пострадалъ затравить собаками старуху, отнять заработокъ у ея зятя, затѣмъ ослѣлъ, сталъ торговаться и сторговался со старухой за 5 рублей.

Мы сидѣли вечеромъ на крылечкѣ, любуясь солнечнымъ закатомъ.

— Опять, мама, къ тебѣ та старуха!—кричали дѣти, выбѣгая изъ воротъ.

Женщина подошла къ крылечку, сдѣлала земной поклонъ и положила передъ Н. 2 р. 50 к. Вѣдняя рѣшила, что половиною своего счастья она обязана намъ, и долго пришлось убѣждать ее, что это намъ не слѣдуетъ и не нужно.

Черезъ шесть недѣль пришла молодница, наряженная какъ на праздникъ, и тоже съ земнымъ поклономъ. Особенно выразительно поглядывала она съ улыбкою на свои ноги, обутыя въ новыя, какъ съ иголочки, башмаки, какъ бы желая сказать: «Посмотрите, ни одной раны и башмаки новыя мужъ на радости купилъ!»

Мы принимали больныхъ отъ 8 до 12 ч. дня и послѣ этого считали себя свободными для другихъ занятій и отдыха, но не всегда это удавалось: мы собирались обѣдать, когда во дворъ вбѣжала женщина,—на ней, какъ говорится, лица не было.

— Мій человекъ! Мій Хведотъ Василѣвичъ! Вишь у васъ у двора дрова рубавъ! Вашъ хазяинъ зна ёго, такой здоровый человекъ!—говорила она безсвязно, всхлипывая.

— Да что случилось?

— Ногу собі сокрыю зарубавъ!

Мы быстро забрали перевязочныя средства и пошли за женщиной. Въ углу хаты, на подмосткахъ, лежалъ огромный человекъ, и изъ кисти его ноги струилась кровь; посреди хаты стоялъ мальчикъ лѣтъ 11, какъ двѣ капли похожій на отца, и громко ревѣлъ на всю хату.

Едутъ Вас. недовѣрчиво взглянулъ на насъ изъ-подъ густыхъ бровей и какъ-то безнадежно перевелъ взглядъ на рану; оказалось, что услужливыя сосѣдки пробовали уже надъ нимъ свои средства и запырили разрывъ растеніемъ, напоминая намъ губку. Пришлось очень мучительно очищать рану. О. В. лежалъ молча и съ достоинствомъ, не издавши ни одного звука. Жена держала трепещущими руками глиняный «глючикъ» съ водою, боясь, видимо, плакать при мужѣ; и силилась утѣшить мальчика, но онъ продолжалъ хныкать, забившись въ уголок. Остановили кровь. Свели края раны и крѣпко забинтовали.

— Спасибо!—выговорилъ наконецъ О. В., видимо увѣровавъ болѣе или менѣе въ наше искусство.

— Да и молодецъ же вы, хоть бы пикнули!—сказалъ Н., вымывая руки.

— Хіба-жъ я баба? Зъ роду не кричавъ!—сказалъ молодецъ О. В.

Мы продолжали ходить къ нему каждый день. Заживленіе шло прекрасно на этомъ здоровомъ тѣлѣ, чуждомъ худосочія и золотухи. Скоро О. В. такъ мастерски научился бинтовать ногу, что посѣщенія наши сдѣлались излишними.

Время шло. Дѣло двигалось къ осени и мы, имѣя новыхъ трудныхъ больныхъ, почти позабыли о О. В.

Разъ передъ вечеромъ собралась кавалькада, дѣти скакали впереди, большіе слѣдовали за ними. Насъ съ Н. задержали нѣсколько минутъ въ деревнѣ прѣзжіе большіе и мы поотстали отъ другихъ. Вечеръ былъ такъ хорошъ и душистъ, что скакать не было никакой охоты,—хотѣлось ѣхать шагомъ и вдыхать полною грудью этотъ степной ароматъ. На-ветрѣчу намъ безпрестанно попадались высокіе воза сѣна. На одномъ изъ нихъ, вся улыбающаяся, убравши голову васильками, сидѣла наша любимца маленькая Маруся Товстенко. Все спѣшили домой, только на одной полосѣ задержались какія-то три трудолюбивыя фигуры.

Мы подѣхали ближе и узнали въ нихъ своихъ старыхъ знакомыхъ—О. В. съ румянымъ, загорѣлымъ лицомъ, жену его и сынишку. Они тоже узнали насъ и, точно по мановенію, бро-

сили грабли и низко, почти до земли, поклонились намъ... Любо было смотрѣть на эту счастливую семью я думаю, что

„Прогуло прокляте лихо
Та й заснуло!
На хутірѣ снова благодать
Зъ-за гаю темнаго вернулась...“

Шевичко.

Подѣхали мы въ сосѣднюю деревню. Крошечное окошечко въ одной хатѣ точно предвѣщало горе и бѣдность. На дворѣ, на заваленнѣ сидѣло грудное дитя, обложенное, изъ предосторожности, колухомъ, несмотря на лѣтнее время; другая дѣвочка лѣтъ двухъ, вся испачканная, бродила по двору съ грязными, какъ она, порослятами. Мы вошли въ избу. На полу было разостлано рядно, а на немъ, на протяженіи всей хаты, лежалъ огромный дѣтина лѣтъ 27. Его красное, мужественное лицо выражало страданіе, губы нервно подергивались, обнажал рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ. Завидѣвши насъ, онъ вдругъ заплакалъ, какъ плачутъ маленькія дѣти: громко, порывисто, совсемъ не стыдясь своихъ слезъ. Трудно было понять слова, произносимыя имъ среди этихъ всхлипываній, слышалось ясно только одно: «Помогите! Спасите!»

Подлѣ него стояла молодая женщина—жена, съ строгимъ, выразительнымъ лицомъ. Ей какъ будто было стыдно за малодушіе мужа и она говорила скорѣе съ укоризной, чѣмъ съ жалостью: «Годи плакаты,—слезы не поможешъ». На глазахъ у нея дѣйствительно не было ни слезинки, только лицо было очень, очень блѣдно.

Оказалось, что у несчастнаго параличъ всей лѣвой части тѣла и его необходимо везти въ городъ, чтобы лѣчить электричествомъ, а до города 26 верстъ и до больного нельзя дотронуться, но исходомъ другихъ нѣтъ,—положили на дроги сѣна, взвалили бѣднягу и повезли.

Вчера мы были у него въ больницѣ, чтобы навѣстить его и

отвезти чаю и сахару. Завидѣвши насъ, онъ опять заплакалъ какъ ребенокъ. Старуха-мать говорила потомъ, что отъ радости, что, завидя насъ, онъ точно родныхъ своихъ увидалъ.

Земскій фельдшеръ сообщилъ намъ, что больной нашъ счастливо пональ,—въ больницѣ всего десять кроватей и какъ разъ одна освободилась къ его приѣзду, а сегодня привозили 11-го, такъ повезли назадъ.

Возвращаясь изъ больницы, я мучительно думала, кто былъ этотъ 11-ый, чѣмъ боленъ и куда его повезли.

Мы возвратились на нашу станцію изъ недалекаго путешествія часу въ одиннадцатомъ вечера и искали глазами лошадей и экипажей, но ихъ не было,—вѣроятно, запоздали. Недалеко отъ рельсовъ стояли 3—4 мужика съ телегами и дрогами, въ одну и въ пару маленькихъ рыжеватыхъ деревенскихъ ключей, въ тицетномъ ожиданіи пассажировъ, которыхъ на этотъ разъ, повидимому, не было. Мы рѣшились ждать экипажа. Поѣздъ отошелъ, фонари потушили и мы остались глазъ на глазъ съ темною, безлунною ночью.

— Жаль, что мы не рѣшились ѣхать на дрогахъ,—сказала я мужу,—а теперь мужики разѣхались и хочешь не хочешь, а жди экипажа хоть до свѣту.

— Нѣтъ, одинъ еще здѣсь,—вмѣшался сторожъ,—такой чудакъ: и поѣздъ отойдетъ, и фонари потушатъ, а онъ все ждетъ у моря погодки, точно домой ѣхать не хочется.

Мы обрадовались этому извѣстію, подрядили мужика-чудака и поѣхали. Подѣзжая къ деревнѣ, онъ сказалъ тихо, въ полуборотъ, точно говоря самъ съ собою.

— А мени несчастья склалось!...

— Какое?—спросила я съ участіемъ. Миѣ почудилось въ эту минуту, что случилось дѣйствительно что-то странное,—мужики не любятъ жаловаться по пустягамъ.

— Задумали мы съ женою хату новую построить. Я въ стѣни былъ, а она съ матерью и дѣтьми глину копать поѣхала.

Какъ задумала она ѣхать, дѣтей дома не было, а у сосѣдей были, поѣхала за ними и взяла съ собою. Приѣхали. Стали копать глину, посадила она ихъ возлѣ себя. Какъ оборвется сверху глина, такъ веѣхъ и задавила!

— Сколько-жъ ихъ было?—спросила я съ ужасомъ.

— Да веѣ: мать, жена и четверо дѣвочекъ. Старшенькой восьмой годъ пошелъ, а маленькой два года. Эхъ, еслибъ вы знали, какія онѣ веѣ умныя, да добрыя были: дань одной бубликъ,—ни за что сама не съѣстъ. Войдешь въ хату—смѣхъ, пѣсни, а теперь какъ въ могилу входишь, просто домой страшно возвращаться.

Въ эту минуту мы поровнились съ первою угловою хатой въ деревнѣ.

— Ось еще и моя хата!—сказалъ бѣднякъ, глубоко вздохнувъ.

Въ окнѣ не было свѣта. Изъ воротъ къ намъ на-встрѣчу выбѣжала большая, лохматая деревенская собака и, жалобно визжа, бросилась къ хозяину,—она точно чувствовала все его сиротство.

— Оце и все!—вставилъ онъ опять, указывая на собаку. Мы поѣхали дальше.

— Вотъ это видите?—началъ онъ, опять указывая куда-то вдаль,—вотъ эта-та глина... Видите?

Я ровно ничего не видѣла въ темнотѣ, но по тону его голоса чувствовала, что онъ видитъ и глинище, и дорогихъ шестъ труповъ.

Желая откликнуться на его горе, я спросила:

— Когда же ты узналъ, что ихъ убило?

— Ёхали мужики, смотреть—возы съ волами привязанные стоятъ, а людей не видно. Они ближе: смотреть—изъ-подъ глины только ноги чьи-то торчатъ. Позвали мужиковъ, откопали. Одинъ за мною приѣхалъ. Приѣзжаютъ туда, смотрю—лежать какъ живые, вотъ-вотъ заговорить! Похоронили... Двадцать рублей истратилъ. Да на что миѣ теперь, сиротѣ?!...

— А не думаете жениться?—спросила я, зная, насколько просто смотреть на это народъ.

— Да сватають вдову на хуторѣ, у Ю. Г. живеть, да не хочу.

Въ эту минуту мы остановились. На-встрѣчу намъ ѣхалъ нашъ экипажъ. Миѣ хотѣлось разсмотрѣть лицо этого обездоленного человѣка, выражается ли на немъ вся сила постигнутого несчастія, или это обыкновенное сѣрое, безцвѣтное мужицкое лицо, такое зарубѣлое, такое суровое, что не прочтешь на немъ ничего кромѣ безропотной покорности, по почъ была темная, я ничего не видѣла и только сердцемъ чуяла всю силу его горя и понимала, почему онъ такъ долго, долго ждетъ пассажировъ и почему не хочется ему возвращаться домой.

Въ больницу вошелъ старикъ лѣтъ 55 или 60-ти, немощно передвигая ноги и грустно понуря сѣдую голову. Его замѣчательно-правильное лицо выражало не столько физическое страданіе, сколько какую-то тяжелую, безисходную грусть; сдвинутыя брови и сомкнутыя губы точно хранили мучающую тайну и общее выраженіе лица привлекало и трогало до боли.

Миѣ очень хотѣлось подойти къ нему послѣ всѣхъ, точно предчувствіе говорило миѣ, что это—не заурядный больной, а особенный, исключительный, и я выждала, пока всѣ разошлись.

— Что болитъ?—спросила я съ участіемъ

— Внутри болитъ,—сказалъ онъ грустно, оглядываясь, какъ бы желая удостовѣриться, что никого больше нѣтъ, и, еще ниже опустивши голову, съ усиленіемъ прибавилъ:—Меня били, и здорово били!

Дико и странно прозвучало въ моихъ ушахъ слово «били», при видѣ этого старика, внушающаго полное уваженіе и симпатію.

— Господи! какъ же это случилось?—спросила я, и вѣроятно въ голосѣ слышалось довольно участія, потому что старикъ, взглянувши прямо миѣ въ глаза, началъ просто и печально передавать свое горе:

«Я—староста,—началъ онъ, и насмѣшливая улыбка скользнула

по его лицу,—долженъ наблюдать за общественнымъ добромъ, а въ Ю. у насъ содержитъ шиннокъ кулакъ-богачъ. Вотъ народъ и сталъ приставать ко миѣ, что общество могло бы имѣть отъ кабака прибыль, а не онъ... Я поѣхалъ къ члену по крестьянскимъ дѣламъ М.-П., онъ и далъ разрѣшеніе. Приѣзжаю я домой, докладываю народу: такъ-то и такъ-то,—пу, всѣ рады. На другой день вечеромъ приходитъ ко миѣ шинкаръ, и прошу его садиться, сидать у меня тутъ же писарь и еврей. Онъ было и сѣлъ, какъ разъ подлѣ меня, да вдругъ какъ подымется: «Ахъ ты такой-сякой, такъ ты позволеніе себѣ выхлопоталъ... Бей его!» Тутъ какъ выскочило 13 человѣкъ, нанятыхъ имъ, повалили на землю, жена кричитъ карауль, сынишка тоже, она швырнула его на печку, ее объ стѣну головой, такъ и раскроили: лежитъ она безъ дыханія въ сѣняхъ, сынишка на печи востъ. Писарь и еврей сидятъ, не мѣшались,—куда ужъ тутъ вмѣшаться, когда ихъ 14 человѣкъ; кричать, народъ спитъ, да и сосѣдъ-то у меня—кому 60, кому 70 лѣтъ.

«Били они меня, били и колѣнками въ грудь, и саногами, а потомъ повелъ онъ ихъ прямо въ шиннокъ и поилъ онъ ихъ тамъ до утра. На утро присылаетъ сказать, что онъ заплатитъ миѣ 25 р., чтобы помириться. Я отвѣчалъ, что п 2.500 за жизнь свою и за безчестье свое не возьму. Подала я жалобу мировому судѣ, говоритъ: «Не мое дѣло,—у васъ есть волостной судъ». Я въ волостной судъ, а тамъ все подвластные люди сидятъ, боятся богача. И свидѣтели у меня есть: писарь и еврей. Нѣтъ, говорятъ, этого намъ мало,—нужно свидѣтельство отъ доктора. А какое тутъ свидѣтельство, когда я отъ Петрова дня лежу и хлѣбъ на корню стоитъ,—одинъ я работникъ, некому прибрать. А онъ говоритъ: «Нигдѣ не пайти тебѣ суда и права, всѣхъ закуплю, ничего не пожалю, 300 руб. заплачу, только не тебѣ». Вотъ я и пришелъ къ вашей милости, чтобы осмотрѣли вы меня и выдали бы свидѣтельство».

Н. выслушалъ грудь и нашелъ, что у него отъ побоевъ сдѣлалось воспаленіе подреберной плевры, грозящее перейти въ воспаленіе легкихъ, но объяснилъ при этомъ, что свидѣтельство

можетъ выдать только городской докторъ, такъ какъ онъ, Н., не окончилъ еще курса и давать свидѣтельства не имѣетъ права. Написали мы письмо и направили къ д-ру Б.

Суда и права мы не добились. Патентованный докторъ не захотѣлъ выдать свидѣтельство, что воспаление легкихъ произошло вслѣдствіе побоевъ, такъ какъ со дня побоевъ прошелъ узаконенный срокъ. Старикъ умеръ. Кулакъ С. благоденствуетъ, но мнѣ, къ счастью, представился случай отомстить ему.

Во время пріема въ школу, которую мнѣ удалось осуществить въ д. А., въ приемную вошелъ человекъ высокій, плотный, въ синей суконной поддевкѣ, въ новыхъ сапогахъ. Онъ напоминалъ горожанина.

— Я С.,—сказалъ онъ развязно, какъ говорятъ люди увѣренные въ своей популярности и играющіе видную роль въ своемъ околоткѣ,—пріѣхалъ просить васъ принять дѣтей въ школу.

Я измѣрила его взглядомъ и отвѣчала въ упоръ:

— Вы С.? Помните ю-скаго старосту?... Мы не принимаемъ въ школу дѣтей разбойниковъ,—можетъ-быть они похожи на васъ!

С. растерялся, несмотря на всю свою первоначальную развязность.

— Это все враки!—пробормоталъ онъ сквозь зубы, но я подошла уже къ другимъ родителямъ, показавъ этимъ, что всѣ наши счета кончены. Онъ сконфуженно вышелъ.

— *Такъ ему и треба!*—слышалось въ толпѣ.

Народные учителя и народная школа.

Получивши разрѣшеніе на открытіе школы въ А., я серьезно задумалась надъ мыслью объ учителѣ. Откуда пригласить его? Остановивалась я и надъ учительскими семинаріями, и надъ столычными педагогическими курсами,—нѣтъ, все не то: забросить сюда въ глушь чужого человека, чужого до непониманія даже языка своихъ питомцевъ, одолѣть его тоска по родинѣ, по обществѣ, заскучаетъ,—невозможно! Необходимъ мѣстный человекъ, который сжился съ этимъ народомъ, привыкъ къ нуж-

дѣ, къ линіямъ; надо прежде оглядѣться кругомъ, а потомъ уже итти на поиски въ чужіе края. И я принялась искать.

Во время этихъ поисковъ явилась ко мнѣ старая помѣщица, бывшая владѣтельница нашей деревни, толстая, нервная, раздражительная женщина, начавшая и окончившая свой визитъ словами: «Я пріѣхала,—говорила она всхлипывая,—просить у васъ мѣста учительницы; у меня семеро дѣтей; конечно, я не дошла бы до такого униженія, но мнѣ уголь нуженъ,—не могу же я, какъ теперь, переѣзжать отъ однихъ родственниковъ къ другимъ. Да, къ тому же, въ мои дѣла и невозможно такіа передвиженія предпринимать, я и такъ почти слѣпая, почти-что не могу читать. Конечно, мы сами виноваты, что не сумѣли сберечь денегъ, когда продали вамъ имѣніе, пораздавали ихъ по рукамъ, а теперь пріѣденъ къ намъ, велятъ гнать въ шею,—конечно, сдѣлаешься раздражительною».

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ рыданій, ропота и причитаній.

Меня просто обунялъ какой-то ужасъ при видѣ такой народной учительницы, я потеряла въ эту минуту всякую чуткость состраданія, мнѣ даже совсѣмъ не было жаль ея и одно только чувство ужаса за школу наполняло всю душу.

Между тѣмъ м-ше З. сказала мнѣ, что встрѣтилась съ теткой Г., которая просила ее рекомендовать мнѣ бывшаго учителя В. школы Ф., очень хорошаго молодого человека. М-ше З. не помнила въ точности разговора съ Г., но ей запомнилась одна картинка: Ф. очень любилъ дѣтей и очень любилъ устраивать дѣтскіе праздники. И вотъ къ экзамену, желая чѣмъ-нибудь отпраздновать этотъ торжественный для дѣтей день, онъ выпросилъ у сосѣднихъ помѣщиковъ ковры и вазы, нарвалъ цвѣтовъ и такъ убралъ и разукрасилъ бѣдную деревенскую хату, что ее невозможно было узнать.

Картинка сама по себѣ совсѣмъ незатѣйливая, но почему-то мнѣ она врѣзалась въ память, и я дала себѣ слово подробнѣе разузнать о героѣ этой картинкѣ. Я поѣхала къ теткѣ Г., рассчитывая застать ее въ только-что купленномъ намъ разоренномъ имѣніи и полуразрушившемся домѣ, но ея тамъ не

оказалось,—сказали, что она переѣхала уже къ сестрѣ своей въ д. С. Я поѣхала туда. Меня встрѣтила худая, длинная, старая дѣва, вся въ черномъ, съ подвизанной опухшей щекой. Вся эта фигура производила какое-то тяжелое, безотрадное впечатлѣніе, и только одни кроткіе, большіе, голубые глаза производили примряющее впечатлѣніе.

«Какъ я рада васъ видѣть,—говорила она, искренно пожимая мнѣ руки и какъ-то покровительственно цѣлуя меня въ лобъ,—какъ я рада, что пменно *вамъ* досталось наше имѣніе. Вы будете продолжать то, что мы начали. Пока былъ живъ братъ, пока у насъ были средства, мы дѣлили больныхъ, помогали бѣднымъ, открыли школу... Конечно, все это теперь въ упадкѣ, почти разрушилось, но я до послѣднихъ дней все старалась поддерживать, особенно школу. Учитель, напрямѣрь, очень хорошо, очень добросовѣстно относился къ дѣлу, но минутами и онъ изнемогалъ: зима, холодно, здоровье у него слабое, а у него шубы нѣтъ,—священникъ, по крайней мѣрѣ, въ шубѣ въ классѣ сидитъ,—не топлено, дровъ нѣтъ, а онъ въ пальтишко трясется. Поѣду я въ волость, соберу знакомыхъ мужиковъ, стану уговаривать, вѣдь ваши же дѣти,—пу, знаете, все-таки хоть нѣкоторое влияние сохранилось,—привезутъ дрова, вытопятъ. Бѣднота тоже! Или слышу отъ другихъ,—самъ онъ деликатный, ни за что не скажетъ,—что третій день какъ онъ себѣ ѣсть не варилъ, голодасть, жалованье скудное—150 рублей, а онъ еще на школу, на книжки ихъ тратить, свѣчи покупаетъ, по вечерамъ съ старшими мальчиками занимается, которые страсть большую къ ученю имѣютъ,—ну, какъ же послѣ этого не голодать?—вотъ я и пошло ему чего-нибудь отъ себя... такъ, въ деликатной формѣ. Отсылаетъ назадъ и идетъ объясняться, что это напрасно, что все это преувеличено, что онъ сытъ, что есть люди, которые гораздо больше голодаютъ, чѣмъ онъ, и живы. И вѣдь онъ самъ себѣ готовилъ: бывало придетъ, засучены рукава, тѣсто мѣситъ. Да и откуда взять... У насъ жена причетника шесть рублей за обѣдъ беретъ, а вѣдь это половина всего жалованья. Ну, книги онъ любилъ, ужасно любилъ, я ему достава-

ла у сосѣдей, а у насъ, которыя были, всѣ перечиталъ. «Вѣстникъ Европы» за нѣсколько лѣтъ—отъ доски до доски. Знакомствъ никакихъ не любилъ, только у насъ бывалъ. Хотѣлось бы мнѣ показать вамъ, какъ онъ пишетъ, да нѣтъ здѣсь писемъ, а попросите у начальника станціи: я знаю, они вмѣстѣ романъ какой-то читали, да не вышелъ конецъ, когда онъ уѣхалъ, такъ онъ писалъ по этому поводу длинное письмо и просилъ написать ему конецъ романа. Это письмо вы можете достать. Ну, склонила я какъ-то съ деньжонками, купила портретъ государя въ рамкѣ. Я теперь отдала его священнику, чтобъ урядника дѣли не попортилъ,—вѣдь онъ теперь тамъ въ школѣ живетъ,—и знаете ли вы, что я васъ попрошу: если вы будете передѣлывать новую школу на роскошную, конечно, могу, то не дарите уряднику этого портрета. Тамъ есть шкафикъ для книгъ,—это тоже я дѣлала,—кровать и 2 стула; продайте все это и купите азбуку, что ли, только не уряднику,—вѣдь это обидно!

«Вы знаете, я была попечительницей школы, только вѣдь мнѣ не нужно было этого названія,—я такъ въ любви къ дѣтямъ. Прежде мнѣ не такъ стыдно было такъ называться, когда я больше помогала матеріально, а послѣднее время меня стало это тяготить,—ну, какая я попечительница, когда ничѣмъ не могу помочь?... Вдругъ прѣзжаетъ къ намъ въ края NN., богатый человекъ, братъ уголь на аренду что ли,—я этихъ дѣлъ не понимаю. Мы къ нему съ просьбой о попечительствѣ. Согласился. Мы начали мечтать, какъ оправить школьныя парты, какъ купить сапоги нѣсколькимъ дѣтямъ,—совсѣмъ босыя,—какъ вдругъ слышимъ, что онъ поссорился съ другимъ арендаторомъ и пришелъ въ такое дурное расположеніе, что не намѣренъ ничего дать на школу... А тутъ это постановленіе земства внести 200 р.; но гдѣ же ихъ взять?—мужики очень бѣдны, а особенно иные... И хоть бы 100, а то 200. Вѣдь это ужасно.

«А еслибъ вы знали, какъ этотъ учитель хорошо занимался. Первый годъ у насъ священника не было, онъ и за него училъ, и что-жъ вы думаете вышло? Пришло время экзамена, ученики отлично держатъ экзамень, вдругъ объявляютъ, что ат-

тестатовъ, облегчающихъ воинскую повинность, имъ дать нельзя, потому что они не слушали батюшку, и едва-едва дали одному, — такой способный мальчикъ, не повѣрите! Я такъ была рада, что послѣ этого экзамена позвала его къ себѣ и подарила 1 р. с. Подарила бы и больше, но, честное слово, не было, а онъ сейчасъ же понесъ этотъ рубль учителю. Тотъ говоритъ: «Что ты, Богъ съ тобой!», а онъ говоритъ такъ твердо и рѣшительно: «Нѣтъ, вы должны принять, В. М., — еслибы не было васъ, я бы его не получилъ». Толковали, толковали, наконецъ учитель взялъ и говоритъ: «Ну, теперь онъ мой?» — Ваня! «Такъ вотъ я и дарю его тебѣ!»

«Училъ ихъ нѣвно. Позанимается немного, а потомъ нѣтъ: «Это чтобъ они отдохнули немножко, Е. И.», говоритъ мнѣ. И въ церкви пѣли. Въ послѣднее воскресенье стоимъ мы у обѣдни и слышимъ рыданіе. Оглядываемся — Ваня, одинъ изъ нашихъ учениковъ. Я къ нему: «Чего ты, Ваня?» — а онъ тихо, сквозь рыданія: «Оттого, что вы уѣзжаете». Я вывела его изъ церкви, стала уговаривать: «Я буду приѣзжать къ вамъ, буду читать вамъ книжки, какъ читала, — не плачь!».

«Послушайте, — сказала она вдругъ, обращаясь ко мнѣ и взявши меня за руки, и тономъ скорѣе повелительнымъ, чѣмъ умоляющимъ, хотя въ немъ слышалась и нота моленія: — вы должны поддержать эту школу, — я не могу допустить мысли, что въ В. не будетъ школы; стара я, скоро умру, но я умру спокойнѣе, если вы дадите мнѣ это слово. Лучше устраивайте мнѣ роскошно вашу школу въ А., но эту поддержите, — нужно скорѣе сдѣлать народъ грамотнымъ, весь народъ. Поддержите тоже В. М., — это человѣкъ способный далеко идти. Вы знаете, что въ послѣднее время, наприм., онъ началъ изучать нѣмецкій языкъ, чтобы читать нѣмецкихъ педагоговъ, и вообще онъ знакомъ съ преподаваніемъ, отлично изучилъ звуковую методу и преподаваніе арифметики по Грубе. Положимъ, онъ воспитанія небольшого: былъ въ уѣздномъ училищѣ и въ штейерской школѣ, да и тамъ не окончилъ по слабости здоровья; но что такое воспитаніе безъ желанія идти впередъ?... Итакъ, вы дадите мнѣ слово?»

Я молча протянула руку, потому что не могла ничего выговорить отъ слезъ.

Дорогой я давала себѣ слово взнести тотчасъ же, не медля ни минуты, эти зловѣщіе 200 р., если есть какая-нибудь возможность заниматься въ обветшалой школѣ Е. И., и съ этою цѣлью я заѣхала къ уряднику. Войдя въ низкую, развалившуюся дверку, я застала такую картину: къ стѣнамъ были плотно придвинуты старья, грязныя парты, на стѣнѣ красовался шанка и сабля урядника, какъ-то странно дисгармонируя съ классною мебелью: у дверей, точно на часахъ, стоялъ школьный шкафъ — узкій, высокій, выкрашенный черною краской и напомнившій мнѣ почему-то Е. И. Онъ смотрѣлъ старымъ часовымъ и имѣлъ какой-то особенно зловѣщій видъ потому еще, что на немъ красовались двѣ большія печати, только-что приложенныя нынче по случаю окончательнаго закрытія школы.

Мнѣ хотѣлось стать на колѣни и поклониться этому шкафу и этимъ скамьямъ, какъ святынь, но видъ урядника прогналъ этотъ «благый порывъ», и я спросила его изъ учтивости: «Что вамъ здѣсь угодно?» — «Ничего-съ, только вотъ потолкя опасны-съ», отвѣчалъ онъ тономъ человѣка, желающаго что-нибудь выпросить.

Я взглянула на низенькіе, висящіе надъ моею головою потолки: они дѣйствительно грозили вотъ-вотъ обрушиться. Я быстро вышла изъ этого душнаго уѣзничка, съ грустью подумавъ: «Отжила ты, бѣдная школа Е. И., скоро ли вмѣсто тебя народится новая, просторная, свѣтлая, съ чистымъ воздухомъ. Или долго еще нищіе учителя будутъ наживать въ тебѣ ревматизмы и чахотку, а нищіе отцы привозить разъ въ мѣсяцъ вопль хворосту, благодаря увѣщаніямъ бѣдной Е. И.»

Поиски мои однако, въ концѣ-концовъ, увѣнчались успѣхомъ: я отыскала В. М., пригласила быть учителемъ А. школы и успокоилась. Онъ дѣйствительно производилъ впечатлѣніе человѣка чрезвычайно тепло и искренно относящагося къ народу и школѣ.

Въ сентябрѣ мы переѣхали въ городъ. Со школой, конечно, сохранилась связь: пишеть учитель, пишутъ дѣти. Знаешь біографію почти каждаго ребенка. Въ скоромъ времени, слышна отовсюду о голодающихъ Бахмутскаго, Изюмскаго и Зміевскаго уѣздовъ и не зналъ, что дѣлается у насъ въ С. уѣздѣ, я сдѣлала запросъ учителю, въ какомъ состояніи находится вопросъ о хлѣбѣ у нашихъ крестьянъ. Онъ отвѣчалъ, что хлѣбъ еще есть, за исключеніемъ пяти семей, въ которыхъ вотъ уже три дня ѣдятъ картофель. Въ этихъ пяти семьяхъ нѣтъ взрослыхъ работниковъ, могущихъ имѣть заработокъ на шахтахъ.

Я сдѣлала немедленное распоряженіе о выдачѣ имъ соответствующаго количества хлѣба, а затѣмъ сама выѣхала въ деревню удостовѣриться лично въ степени народныхъ бѣдствій.

Къ счастью, оказалось, что хлѣбъ пока есть, милостыни не просить, какъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, хотя относительно весны являются нѣкоторыя сомнѣнія, хватитъ ли хлѣба.

— Вотъ вы тогда пожалуйста къ намъ въ гости!—говорилъ мнѣ, самодовольно улыбаясь, нашъ сытый прикащикъ С., точно будто дѣло шло въ самомъ дѣлѣ о какомъ-нибудь *partie de plaisir*; впрочемъ, вѣроятно онъ такъ и понималъ мое посѣщеніе и мои распросы и радъ бы выискать для моего удовольствія голодающихъ, но не откуда. Тѣмъ не менѣе я просила заявить по деревнѣ, что если кто въ чемъ нуждается, пусть приходятъ.

— Х. Д., нищія пришли!—сказала мнѣ моя горничная Маша.

— Введите ихъ сюда!—отвѣчала я съ болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ. Это слово «нищія», такое заурядное въ городѣ, вызывающее въ насъ почти только презрѣніе къ тунеядству и лѣни, здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ промыселъ такого рода не практикуется, просто нахнуло на меня какимъ-то ужасомъ.

Двери открылись. Въ комнату ворвалась струя холоднаго, свѣжаго воздуха и на порогѣ показались «нищія». Я никогда не видала болѣе трогательной картины: старшему мальчику было года четыре. Старенькая свиточка, вся въ лохмотьяхъ, покрывала его худенькое тѣло; черезъ плечо, на веревочкѣ,

былъ надѣтъ дырявый холщевой мѣшокъ; правая рука его лежала на плечѣ братишки лѣтъ трехъ, черненькаго, быстроглазаго мальчика, въ такой же свиточкѣ и съ такимъ же мѣшечкомъ.

— Что это такое?—спросила я нашего прикащика, указывая на этихъ игрушечныхъ нищихъ.

— Отецъ у нихъ померъ, а у матери еще третье грудное дитя. Трудно ей съ ними прокормиться, вотъ и посылаетъ побираться. Впрочемъ, сами разсудите, Х. Д., вѣдь это прирочденный нищій на вѣки, слѣпой-то, а братъ—поводырь,—не можетъ же онъ безъ поводыря. И я вамъ скажу, ихъ очень жалѣютъ, такъ что они всегда сыты.

Видя, что это меня мало утѣшаетъ, мужъ мой замѣтилъ:

— Все это у нихъ такъ патріархально, что право въ этомъ нѣтъ ничего особенно печальнаго, да и съ гигиенической точки зрѣнія взгляни на младшаго ребенка: онъ совсѣмъ здоровъ, проводи цѣлый день на воздухѣ, а сиди въ дымной хатѣ,—было бы хуже. Но мать, конечно, слѣдуетъ позвать и оказать нѣкоторую помощь.

Маленькимъ нищимъ дали по бѣлому хлѣбу и велѣли позвать маму. Они ушли.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь скрипнула и въ переднюю вошла дѣвочка лѣтъ 13—14, въ старой заплатанной свиточкѣ и грязномъ черномъ платочкѣ, закутывающемъ ее маленькую голову. Черные глазки смотрѣли наивно, совсѣмъ по-дѣтски.

— Вы мене кликали!—сказала робко дѣвочка, опуская глаза и какъ бы боясь чего-то.

— Нѣтъ, милая, я тебя не звала. Кто тебѣ сказалъ объ этомъ?

— Та діти! Приказували щобъ мати прійшла!

Я ничего не могла понять.

И. И. (прикащикъ) поспѣшилъ къ намъ на помощь.

— Это, Х. Д., мать этихъ маленькихъ нищихъ.

— Да она сама ребенокъ, помилуйте!

— Да вѣдь у нихъ рано замужъ отдають.

Эта недоразвившаяся дѣвочка-мать, эти трехлѣтніе нищія-

дѣти и смерть отца-кормильца семьи—о, какая это глубокая, потрясающая душу драма и какъ безслѣдно пройдетъ она въ жизни, никѣмъ не замѣченная и не оплаканная!

Назначили ребенку-матери 2 пуда муки въ мѣсяцъ, дали 3 руб. на сапожонки маленькимъ шцимъ и только... Что-жь можетъ сдѣлать большаго жалкая частная благотворительность?

Подвѣзжаемъ мы къ школѣ. Изъ окна выглянула дѣтская голова и на крыльцо быстро юркнула дѣтская фигурка. Это была Мытька. Но, прежде всего, объ этомъ Мытькѣ. Когда позавчерашнимъ лѣтомъ я собрала къ себѣ дѣтей учиться, ко мнѣ пришло все мѣстное населеніе между 7-ю и 12-ю годами. Ихъ было около 30 человѣкъ. Не шелъ только Мытька, и когда я спросила: «Почему онъ не хочетъ учиться?»—дѣти отвѣчали мнѣ:

— Вишь каже: не хочу учыцьца! Хай тамъ дають канхветы, медяныкы,—не пиду, а волывъ пастыму й безъ медяныкы и канхветы.

— Онъ говорить: не хочу учиться! Пускай тамъ конфекты и пряники дають,—не пойду, а воловъ пасты и безъ конфекты и безъ пряниковъ буду.

Меня удивили такія слова въ десятилѣтнемъ ребенкѣ, но «зазывать» въ школу дѣтей я не люблю, а поэтому терпѣливо выжидала случая повидаться съ отцомъ или матерью Мытьки. Между тѣмъ о немъ ходила дурная слава: говорили, что онъ пьетъ водку и курить и такъ ругается, что стыдно слушать. Наконецъ я-таки свидѣлась съ отцомъ Мытьки и разговорила. Отъ него я узнала, что мальчика отдавали въ ученье въ сосѣднюю деревню къ отставному солдату—страшному пьяницѣ, что учитель билъ его до полусмерти.

— Якъ тилькы ще вишь ёго не убывъ?... Хиба можна вчыты безъ бійкы?

— И какъ онъ его только не убилъ?—разсказывалъ мнѣ отецъ, а на мои замѣчанія отвѣчалъ: — Развѣ-жь можно учить не бивши?

Грамотѣ Мытька не учился, хотя отецъ и купилъ за пятакъ азбуку, за то научился курить, пить водку и ругаться. Этимъ и окончилась его наука. Послѣ этого повѣствованія мнѣ сталъ ясенъ скептицизмъ Мытьки и мнѣ стало невыразимо жалъ его, но зазывать я все-таки не хотѣла. Пусть присмотрится къ новой школѣ, пусть распроситъ о ней у другихъ дѣтей.

И Мытька дѣйствительно, повидимому, наблюдалъ: учился мы на балконѣ въ саду, а онъ сидитъ на заборѣ верхомъ и смотритъ во все глаза; идемъ на лодкѣ кататься,—онъ первый вычерпываетъ воду изъ лодки; станемъ пѣсни пѣть и онъ присѣдится, подтягиваетъ, но учиться не идетъ.

Случилось несчастье: полиція прихлопнула нашу школу; разбрелись бѣдные, перепуганные пенцики по своимъ хатамъ. Я стала хлопотать,—шли дни, недѣли, мѣсяцы. Наконецъ, 5-го сентября, получено было разрѣшеніе. Радостная вѣсть облетѣла хаты. Я не спала всю ночь отъ волненія, встала ни свѣтъ ни заря и вышла на крылечко. Въ воротахъ торчала какая-то дѣтская фигурка. Всмотриваюсь: Мытька.

— Ты чего такъ рано?

— Учыцьца прыйшовъ! Усю нічъ не спавъ, покы дождався свѣту. — Учиться пришелъ! Всю ночь не спать, пока дождался свѣту.

Чувство побѣды наполнило мою душу. Мытьку приняли въ школу, а я уѣхала въ городъ. Черезъ мѣсяцъ получаю письмо отъ учителя такого содержанія: «Къ сожалѣнію, долженъ извѣстить васъ, что Мытька Поповъ исключенъ изъ школы,—онъ настолько грубъ и непослушенъ, что подаетъ дурной примѣръ другимъ дѣтямъ. Говоришь ему, положимъ: «Мытька, иди играть съ дѣтьми!»—«Не хочу!» Заупрямится, надуется, сидитъ. Оставишь его въ покоѣ,—вдругъ, какъ ураганъ, сорвется съ мѣста и бѣжитъ какъ бѣшеный, махая кулаками направо и налево и сшибая съ ногъ всѣхъ ребятшекъ, попадающихся на пути. Третьяго дня расшибъ до крови ухо одному изъ товарищей, испортилъ вѣсы и проч., и проч. Увѣщанія мои на него совершенно не дѣйствуютъ».

Иду въ деревню. Всѣ дѣти веселы, всѣ въ сборѣ. Нѣтъ только Мытьки. Посылаю за нимъ. Было уже холодно. Листья осыпались. Голыя деревья и пасмурное небо наводили тоску. Вижу издали—ведутъ Мытьку въ сѣренкой, точно арестантской, свиточкѣ, въ фуражкѣ безъ козырька, и такъ показался онъ мнѣ похожимъ въ эту минуту на настоящаго арестанта съ опухшею головой и опущенными внизъ глазами, что сердце во мнѣ сжалось какъ бы горькимъ предчувствіемъ и я подумала:

«Если школа оттолкнетъ его отъ себя, не распахнется ли она этимъ въ своемъ безсиліи?! И если она откажется отъ него, кто же еще поможетъ ему?» Я думала такъ, но рядомъ со мною стоялъ учитель. Его блѣдное лицо говорило мнѣ: «Не подрывайте моего авторитета! Вы увидите, а я останусь съ нимъ. Это больше мое, чѣмъ ваше дѣло». И я не смѣла сразу простить Мытьку. Я обрисовала ему его поведеніе, сказала, что онъ можетъ еще исправиться, если захочетъ, но что школа не можетъ терпѣть такихъ буяновъ, обижавшихъ товарищей, а учитель не можетъ имѣть дѣла съ непослушными дѣтьми.

Всей своей рѣчи я хотѣла придать какъ можно больше строгости, чтобы не поощрять распущенности въ школѣ, но, вѣроятно, голосъ и выраженіе лица измѣняли мнѣ, такъ что Мытька принялъ все это за полное прощеніе и, весело поднявъ голову, пошелъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Для меня было ужасною пыткой разочаровывать его, но я опять увидѣла укоризненное лицо учителя и вынуждена была разочаровать, причѣмъ однако общала ему, что онъ непременно будетъ принятъ на слѣдующую зиму, если будетъ хорошо вести себя дома, о чемъ мы узнаемъ отъ его старшаго брата (отличнаго юноши лѣтъ 15, кончающаго школу).

Прошло лѣто. Мытька опять ходилъ за нами всюду, какъ тѣнь. Приниженности его какъ не бывало. Онъ гордо держалъ, по-прежнему, свою стриженую голову, а большіе, бойкіе сѣрые глаза смотрѣли съ тѣмъ же задоромъ, съ тою же отвагой, какъ бы говоря: «Я ничего не боюсь, мнѣ все ни почемъ!» Какъ-то мать его рассказывала мнѣ смѣясь:

— И що воно за хлопець? — И что за хлопецъ, и по-
И побыты не можно,—заразъ бить его нельзя,—кричить: «Вы,
крычить: «Вы, мамо, не бийтесь, мама, не деритесь, а то я по-
а то я побіжу Х. Д. скажу. Вона бѣгу Х. Д. скажу. Она заме-
за мене заступыцца. Вона ка- ня заступится. Она говоритъ,
же, щотеперьбытысьне можно». что нельзя теперь драться!»

Осенью его приняли въ школу, а черезъ два-три мѣсяца учитель писалъ мнѣ: «Мытька Поповъ ведетъ себя примѣрно и учится прекрасно. При малѣйшемъ поползновеніи къ прежнимъ шалостямъ стоить только сказать ему: «Мытька, напишу Х. Д.»,—сейчасъ какъ рукой сниметъ».

Вотъ этотъ-то самый Мытька Поповъ завидѣлъ насъ первый и выскочилъ на крылечко. Можете себѣ представить, какъ мнѣ было пріятно видѣть его, да и всѣ эти блестящія глазки, смотрящія на меня съ неподдѣльною дѣтскою радостью. Перецѣловавши ихъ и забывши даже снять шубу, я стала ихъ экзаменовать. Читали, писали, дѣлали задачки, рисовали, пѣли. Читали прекрасно, рассказываютъ тоже, хотя и съ малорусскимъ акцентомъ, знаютъ массу стиховъ вполне сознательно.

Задала я тему для сочиненія: «За что они любятъ школу?» И что были за отвѣты—восторгъ! Пишетъ, наприм., такъ: «Я за то люблю школу, что это хорошее дѣло,—не было бы школы, не умѣлъ бы я читать и писать. Люблю я школу за то, что въ ней хорошій учитель, что много книгъ, которыя я могу читать, что весело мнѣ въ ней, что по стѣнамъ виситъ много картинъ, и стоитъ она на горѣ, и видно изъ окошекъ много зелени».

Ну, не прелесть ли это?! Рисуютъ прекрасно по образцамъ изъ прописей, но Мытька нарисовалъ безъ образца «съ головы», какъ выражается онъ, такую типичную хатку, что точно срисовалъ съ природы, по бокамъ два тѣнистыхъ дерева, а изъ трубы идетъ дымъ.

Вглядываясь въ Мытьку, я замѣтила, что лицо его преобразилось: какія-то мягкія тѣни легли на немъ. «Вочеловѣчилась эта стихійная сила», подумала я.

Раздала я пряники и конфеты и поѣхала обратно. На плотинѣ торчали Мытька и еще нѣсколько мальчшковъ.

— Тутъ страшно ѣхаты. — Тутъ опасно ѣхать. Спасать прѣйшли!—кричалъ сать прѣшли!—кричалъ онъ въ онъ въ слѣдъ. слѣдъ.

Кое-какъ мы переправились черезъ греблю (плотину). Я оглянулась. Маленькія фигурки еще стояли у берега, провожая насъ глазами.

Х. Алчевская.

Докторъ.

(Очеркъ.)

Каунъ Рождества. Николай Петровичъ сидѣлъ неподвижно въ вагонѣ 2-го класса и упорно смотрѣлъ въ окно.

Сквозь запотѣвшее стекло мутно мелькали зимній пейзажъ. Но все это не занимало Николая Петровича,—онъ смотрѣлъ въ окно и больше ничего.

Въ отдѣленіи, гдѣ сидѣлъ Николай Петровичъ, былъ еще одинъ пассажиръ—суетливый толстякъ, въ енотовой шубѣ. Онъ уже сдѣлалъ нѣсколько попытокъ, чтобы завязать разговоръ, но Николай Петровичъ отвѣтилъ ему холодно и сухо, а потомъ отвернулся и уставился въ окно.

Однако присутствіе и тяжелое дыханіе сосѣда все-таки раздражали его. Николай Петровичъ смотрѣлъ въ окно и злился.

«Что за нахальство приставать къ незнакомымъ людямъ? И чего ему нужно отъ меня? Какая ему надобность знать, куда ѣду я? Можетъ быть я... ну, преступникъ какой-нибудь и вовсе не желаю рассказывать, куда ѣду... И это только у насъ такъ безцеремонны. Видитъ первый разъ человѣка и ну его исповѣдывать!...»

Тутъ Николай Петровичъ, по сцѣпленію мыслей, припомнилъ утреннюю сцену въ кабинетѣ столпчанаго доктора и первно пожалъ плечами.

А вѣдѣ тоже «свѣтило!» Поди, великимъ человѣкомъ себя

мнить и навѣрно далеко отъ какихъ-нибудь сомнѣній на свой счетъ. Потому: этотъ фамильярно-шутливый тонъ! Эти пошлые вопросы, на которые не станеть отвѣчать ни одинъ порядочный человѣкъ: «Нѣтъ ли у васъ семейныхъ неприятностей? Не страдала ли ваша мать душевною болѣзью? Можетъ-быть въ прошломъ вы вели слишкомъ бурный образъ жизни?...» Какое ему дѣло? Какое ему дѣло?

Онъ закрылъ глаза и сталъ мысленно пробѣгать время, проведенное въ Москвѣ. Но ничто не вызвало въ немъ пріятныхъ воспоминаній. Онъ ежится и досадуетъ на себя.

Зачѣмъ онъ поддался настоящимъ окружающимъ и поѣхалъ въ Москву? Вѣдь онъ зналъ заранѣе приблизительно всѣ тѣ вопросы, которые ему предложить московское медицинское свѣтло, и тѣ умные совѣты, которыми онъ наградить его:

«Больше гуляйте, не проводите почей за чтеніемъ, не изнуряйте себя умственными занятіями, не волнуйтесь» и проч. и проч.

И зачѣмъ онъ выслушивалъ все это и, какъ лошадь, кивалъ головой, когда хорошо зналъ, что ни одного совѣта не выполнить? Да и вообще вся эта поѣздка въ Москау такъ необдуманна и бессмысленна. Вѣдь, несмотря ни на какія докторскія предписанія, онъ не перестанеть волноваться, негодовать, проводить ночи за книгами и проч., потому что нельзя же жить и не волноваться, не кипѣть всякій день негодованіемъ, не отдаваться умственному труду и проч. и проч. Если же и можно, то что это за жизнь? И зачѣмъ она? Свинья совсѣмъ не волнуется. Но кто же завидуетъ свиньѣ? А ему совѣтуютъ какъ бы подражать свиньѣ, — «жить болѣе растительною жизнью». Правда, онъ живетъ уединенно, избѣгаетъ шумныхъ собраній и всегда сохраняетъ молчаливо-угрюмый видъ. Но съ чего же ему ликовать? О, ужь будто кругомъ все такъ прекрасно, что остается только радоваться?... Правда и то, что онъ раздражителенъ и какъ бы даже обозленъ. Но причины этого слишкомъ сложны и глубоки, чтобъ ихъ могъ устранить рецептъ десяти-рублеваго исцѣлителя.

Николай Петровичъ плотнѣе кутается въ шубу и стезживается, хотя въ вагонѣ совсѣмъ не холодно. Но такъ онъ чувствуетъ себя лучше.

Съ нѣкоторыхъ поръ видъ людей сталъ его раздражать. Онъ даже замѣтилъ въ себѣ постепенно нарастающую ненависть къ толпѣ. Онъ нарочно выбралъ канунъ Рождества Христова, чтобъ провести его въ дорогѣ. Въ Рязани, гдѣ онъ живетъ въ своемъ домикѣ на остатки когда-то большого состоянія, онъ никакъ не могъ бы провести этотъ вечеръ въ уединеніи. Навѣрное пришли бы друзья и сказали бы: «какъ можно? Такой день, и вы одинъ!» и проч. И, конечно, потащили бы, потому что все это было бы сдѣлано «изъ любви». И «обидѣть» ихъ не захотѣлось бы. Всѣ они люди добрые, хорошіе, но быть съ ними долгое время не легко. Да и не нужно это. Притворятся онъ не можетъ и только будетъ портить общее настроеніе своимъ угрюмымъ видомъ. Они всѣ «съ кѣмъ-нибудь», а онъ совершенно одинъ. И въ обществѣ чувствуетъ острѣе одиночество, чѣмъ на-единѣ. А почему? Отчего?... Что объ этомъ говорить, да и зачѣмъ? Скучно...

Раздался продолжительный, стонущій свистъ локомотива. Поѣздъ приближается къ станціи.

Толстякъ въ енотовой шубѣ засуетился, собралъ свои вещи.

Николай Петровичъ, полуоткрывши глаза, замѣтилъ эти приготовления и почувствовалъ приливъ удовольствія. Наконецъ-то онъ останется одинъ!

Но едва толстякъ вышелъ изъ вагона, какъ дверь раскрылась, и на Николая Петровича налетѣло цѣлое облако холоднаго воздуха. Онъ запахнулъ и поморщился. За дверью слышался женскій раздражительный голосъ... Женщина сердилась, возмущалась и беспокоилась. Чего-то не хватало и что-то не влѣзало въ дверь. А клубы сырого холоднаго воздуха продолжали врываться въ вагонъ, какъ будто ихъ кто-нибудь швырялъ снаружи.

Николай Петровичъ почувствовалъ въ пальцахъ нервную

дрожь. Онъ хотѣлъ подняться, но передумалъ и уткнулся въ воротникъ своей шубы.

Послѣ долгихъ усилій и рѣзкихъ женскихъ криковъ носильщику удалось просунуть въ дверь большой узелъ. Потомъ показались еще нѣсколько узловъ, подушекъ, корзинокъ и коробокъ въ сопровожденіи маленькой подвижной женщины, которая теребила за руку мальчика лѣтъ 7-ми. Мальчикъ былъ закутанъ съ головой и, очевидно, шелъ на-авось. За мальчикомъ двигалась дѣвочка лѣтъ 8-ми, въ коричневой шубѣ, и тащила коробку; сзади шелъ еще одинъ носильщикъ и бережно несъ на рукахъ пестрый свертокъ. Все это наполнило шумомъ, визгомъ и холодомъ весь вагонъ. Свободный диванъ противъ Николая Петровича быстро нагружился вещами. Дѣти и носильщикъ съ пестрымъ сверткомъ стояли въ проходѣ. Маленькая вертлявая женщина волновалась и суежилась, разсортировывая вещи. Она заняла ими всё полки; зашхивала ихъ подъ лавки, вѣшала на крючки, толкалась по ногамъ Николая Петровича и заняла вещами половину его дивана, быстро приговаривая:

— Вы извините пожалуйста! Вы позволите пока положить здѣсь вещи? Я васъ не стѣсняю?

Что онъ, несчастный, могъ возразить противъ этого? Онъ сдерживаетъ себя и шѣдитъ сквозь зубы:

— Пожалуйста не стѣсняйтесь.

Наконецъ, всё вещи кое-какъ были размѣщены. Женщина пересчитала ихъ. Оказалось 17 мѣсть, а было 18. Чего же не хватаетъ? Женщина поднимаетъ тревогу.

«18 мѣсть!» — съ нѣкоторымъ ужасомъ думаетъ Николай Петровичъ и почему-то жмуритъ глаза.

Женщина кричитъ на дѣтей, придирается къ носильщикамъ, но одной вещи все-таки не хватаетъ.

— Мама! ты напрасно волнуешься, — говорить спокойнымъ голосомъ дѣвочка: — вѣдь Лелечка закутана въ твой платокъ. Вотъ и восемнадцатъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какая я дура! — вскрикиваетъ удивленно

женщина и начинаетъ распутывать пестрый свертокъ, который оказывается четырехлѣтней дѣвочкой, съ круглымъ и румянымъ, какъ яблочко, лицомъ. Она стоитъ на диванѣ, растопыривъ толстыя руки, и поглядываетъ изъ подлобья. Очевидно, ее смущаетъ и незнакомая обстановка, и волосатое, блѣдно-суровое лицо Николая Петровича. Она даже боится смотрѣть въ его сторону и бочкомъ жметъ къ матери.

Поѣздъ тронулся. Дѣти съ визгомъ бросились къ окнамъ, но получили приказъ занять свои мѣста и снять верхнее платье.

Мѣсто рядомъ съ Николаемъ Петровичемъ быстро покрылось шерстяными и пуховыми платками, гамашамъ, теплыми шапочками и многими такими предметами, о которыхъ холостякъ Николай Петровичъ не имѣлъ никакого понятія. Онъ съ удивленіемъ поглядывалъ на маленькую женщину, которая замѣчательно быстро и легко раздѣвала дѣтей, ловко складывала ихъ вещи и заботливо усаживала по своимъ мѣстамъ.

Сначала Николай Петровичъ принялъ ее за купчиху. Но когда она сняла платокъ и шубу, то онъ увидѣлъ молодое интеллигентное лицо, съ котораго постепенно сбѣгали тѣни тревоги и суеты. Когда она усадила дѣтей и успокоилась, лицо ея приняло наивное и вопросительное выраженіе. Не будь этихъ дѣтей, ее можно было бы принять за дѣвушку. Николай Петровичъ сейчасъ же замѣтилъ, что у нея красивыя руки, которыми она мило жестикировала.

Усадивши дѣтей, дама привела въ порядокъ всё вещи. Отдѣленіе сразу приняло особенный характеръ уюта и комфорта. Изъ корзины она искусно устроила столъ, прикрыла его пледомъ и положила сверху книгу и маленькій сакъ. Съ дѣтьми она держала себя свободно и весело. И хотя иногда покрикивала на нихъ, но быстро успокаивалась и хохотала вмѣстѣ съ ними такъ чистосердечно, что казалась скорѣе ихъ старшей сестрой, чѣмъ матерью.

Предметомъ шутокъ и веселья была меньшая дѣвочка, Леля, которую они всё называли „Пышкой“. И она дѣйствительно была похожа на пышку.

Старшая дѣвочка, Мурочка, со вздернутымъ носикомъ и умными глазами, старалась держать себя «какъ большая» и, украдкой поглядывая на Николая Петровича, дѣлала дѣтямъ замѣчанія важнымъ тономъ.

Мальчикъ Алеша, сидѣвшій рядомъ съ Николаемъ Петровичемъ, держалъ себя крайне независимо, за что получалъ отъ матери и Мурочки замѣчанія. Замѣчанія эти имѣли на Алешу мимолетное вліяніе. Онъ садился, чинно складывалъ руки и черезъ полминуты опять вскакивалъ и производилъ какой-нибудь «фокусъ». Одинъ изъ его фокусовъ заключался въ томъ, что онъ вскрикивалъ:

— Эй, Пышка, смотри!—При этомъ нагибалъ голову, какъ бы смотря въ прицѣлъ, и указательнымъ пальцемъ правой руки быстро вертѣлъ въ воздухѣ, направляя палецъ на Лелю. Ее это забавляло и пугало. Пока онъ только вертѣлъ пальцемъ въ воздухѣ, она смѣялась. Но когда онъ приближалъ палецъ къ ея животу, она взвизгивала и припадала къ матери.

— Мама, меня Алеша опишаетъ.

Она вмѣсто «б» говорила «п», вмѣсто «с» и «ж» «ш».

Алеша и Леля получали выговоръ. При этомъ Леля косо поглядывала на Николая Петровича, надувала губы и барабанила о диванъ толстыми пальцами въ красныхъ чулкахъ.

Послѣ одного изъ внушеній Леля поднялась на диванъ, взяла мать рукою за лицо и, что-то по секрету сказавши ей, стыдливо спрятала головку. Мать улыбнулась.

— И тебѣ не стыдно, Лелечка? Вѣдь ты сейчасъ же на вокзалѣ кушала.

Леля молча припала къ плечу матери и не поднимала головы. Она какъ бы и сама сознавала, что это дѣйствительно совсѣмъ нехорошо, но ужъ такъ вышло.

— Эй ты, Пышка, берегись!—пронзительно вскрикнулъ Алеша и завертѣлъ пальцемъ.

Но Пышкѣ было не до того. Голова ея была занята болѣе серьезными соображеніями. Она опять взяла мать своей толстой ручкой за подбородокъ и опять что-то стыдливо прошептала ей.

— Это невозможно, Лелечка! Ты какая-то двуутробка. И куда ты ѣшь, не понимаю, — сказала недоумѣвающей мать. Однако нагнулась и стала развязывать круглую корзинку.

— Бѣдная Пышечка, опять проголодалась!—сказала насмѣшливо Мурочка.

Но Лелю это мало тронуло. Держась руками за плечо матери, она сосредоточила все свое вниманіе на корзинкѣ. Мать достала большой кусокъ пирога и хотѣла его переломить, когда Мурочка припала къ ней и прошептала:

— Мамочка, милая! Дай ей, пожалуйста, весь кусокъ. Что она сдѣластъ?

Мать подумала и улыбнулась. Ей самой эта мысль показалась забавной. Она подала Лелѣ весь кусокъ пирога. Леля взяла пирогъ обѣими руками и искоса посмотрѣла на мать, потомъ на дѣтей,—точно ли ей выпало такое счастье? Но дѣти старались сохранить пресерьезный видъ. Тогда Леля, не долго думая, стала на одно колѣно, потомъ на другое, усѣлась на диванъ съ ногами и начала преспокойно уплетать пирогъ. Алеша не выдержалъ и засмѣялся.

— Ахъ ты, Пышка, Пышка!

Но Мурочка сдѣлала ему знакъ молчанія: что будетъ дальше?

Дальше было то, что Леля, сильно напоминая собою Санхо-Панчо въ миниатюрѣ, съѣла весь кусокъ пирога, сохраняя невозмутимый видъ.

Дѣти и мать не выдержали и начали хохотать. Леля обвела ихъ глазами и, къ общему удивленію, горько расплакалась. Она поняла пасмѣшку и обидѣлась. Пришлось унимать ее общими силами и, въ видѣ удовлетворенія, предложить кусочекъ шоколаду. Съ висящими на рѣсницахъ слезами она приняла мировую и, крѣпко обхвативъ руками шею матери, поцѣловала ее.

Съѣвши шоколадъ, Леля методически занялась приготовленіемъ куклы изъ пухового платка, причемъ такъ комично оттопыривала губы и шевелила ими, что дѣти то и дѣло хохотали, глядя на нее. А Алеша крутилъ пальцемъ и кричалъ:

— Пышка, берегись!

Мурочка подошла къ Лелѣ и, кивнувъ матери, сказала:

— Леленка, можетъ-быть тебѣ, дѣтка, дать еще пирога?

Леля изъ подлобья посмотрѣла на Мурочку и произнесла спротапво:

— Вы вшо равно не дадите.

Это было сказано такимъ комически-безнадежнымъ тономъ, что даже Николай Петровичъ не удержался отъ улыбки. А мать и дѣти такъ и покатались со смѣху. Леля подумала было, не разрыдаться ли ей опять, но въ это время поѣздъ сталъ приближаться къ станціи и дѣти съ любопытствомъ подбѣжали къ окну.

Во время стоянки поѣзда Алеша вертѣлся у окна и мѣшалъ Лелѣ дѣлать наблюденія. Она наконецъ обидѣлась, отступила въ уголъ и, надувшись, сказала укоризненно:

— Ты хадкій, и я тебя уше не люлю.

Алеша устыдился своихъ поступковъ и началъ заигрывать съ Лелей. Онъ спрятался за диванъ и крикнулъ:

— Ау, Пышка! А гдѣ я?

Лелю это сильно заинтересовало. Она вытянула шею, по-смотрѣла въ одну сторону, потомъ въ другую,—Алеша не было. Гдѣ же онъ? Его непременно надо бы отыскать. Пустилась было Леля на хитрость и крикнула:

— Алеша, гдѣ ты? Я тебѣ что-то дамъ...

Но Алеша не пошелъ на эту уловку и промолчалъ. Леля подумала, сползла съ дивана и, переваливаясь какъ утка, отправилась на поиски. Но едва она дошла до конца дивана, какъ Алеша внезапно появился передъ нею съ угрожающимъ видомъ.

— А ты куда?

Ей оставалось одно спасенье—убѣжать. И, замахавъ своими толстыми ручками, она пустилась вспять. Алеша за нею.

Тутъ произошло событіе, котораго никто не могъ ожидать.

Въ виду опасности, Леля быстро мчалась по проходу и, не долго думая, шмыгнула въ закоулокъ, образовавшійся между стѣною и колѣномъ Николая Петровича. Но Алеша слѣдовалъ

по пятамъ и уже угрожающе зашипѣлъ пальцемъ. Въ этотъ мигъ Николай Петровичъ, совершенно неожиданно для себя, выдвинулъ вдругъ ногу и загородилъ такимъ образомъ путь Алешѣ. Леля была въ неописуемомъ восторгѣ. Она хлопала руками и громко издѣвалась надъ безсиліемъ своего преслѣдователя.

Этотъ случай сообщилъ новый характеръ отношеніямъ. Леля перестала дичиться Николая Петровича и при всякомъ новомъ нападеніи бросалась къ нему, доврчиво припадая къ его колѣнамъ. Это доврїе хорошенькаго маленькаго существа трогало Николая Петровича.

Черезъ пѣкоторое время маленькая толстунка была уже въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Петровичемъ. Залѣзала къ нему на колѣни, пряталась въ его шубу и наконецъ сдѣлала себѣ свади его пѣчто вродѣ крѣпости. Когда Алеша подступалъ къ ней съ воинственными цѣлями, она пряталась за спину Николая Петровича, который отодвигался или при-слонился къ дивану, смотря по надобности. Мать неоднократно останавливала шумящихъ дѣтей и дѣлала замѣчаніе Лелѣ.

— Леля, ты беспокоишь дядю.

Но Николай Петровичъ всякій разъ говорилъ тихо:

— Нѣтъ, ничего... пусть...

Дѣти совсѣмъ освоились съ Николаемъ Петровичемъ и, подмѣтивши сейчасъ же, что онъ питалъ пристрастіе къ Лелѣ, заставляли ее показывать свои таланты,—показать, какъ папа курить, какъ онъ читаетъ газеты, продекламировать стихи и проч. И Леля съ готовностью знакомила Николая Петровича съ своимъ репертуаромъ. Она важно закидывала ногу за ногу, поднимала вверхъ прищуренную мордочку и, комически прикладывая къ губамъ два пальчика, дѣлала видъ, что выпускаетъ дымъ. Потомъ становилась въ позу и декламировала:

У попа была шобака;

Онъ ее люнилъ.

Она шѣла кунокъ мяша,—

Онъ ее упилъ.

Послѣ цѣлаго ряда представленій Алеша предложилъ Лелѣ «полѣчить дядю».

Она влѣзла на диванъ и, заглядывая въ глаза Николаю Петровичу, спросила:

— У вашъ что полить?

— Голова.

— Ну, ничего. Шидите хорошо. Я вашъ вылѣчу.

Съ пресерьезнымъ видомъ она сняла осторожно шапку съ Николая Петровича и положила ее въ уголокъ.

— Ты не трогай, Алеша!

Послѣ этого отвернувшись къ углу, ковырнула пальчикомъ пуговицу дивана, какъ бы доставая мазь, и начала растирать ее на ладони. Когда воображаемая мазь, по ея мнѣнію, была готова, Леля осторожно наклонила голову Николая Петровича и начала гладить ручонками его волосы, виски, приговаривая:

— У вашъ здѣсь полить?

На что Николай Петровичъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Да, здѣсь болить.

Окончивши операцію съ мазью, Леля взяла обѣими руками голову Николая Петровича, прижала къ себѣ и, покачиваясь, приговаривала:

— А теперь у вашъ уше не полить? Вамъ хорошо?

— Да, теперь мнѣ уже хорошо,—отвѣчалъ серьезно Николай Петровичъ.

И ему дѣйствительно было хорошо. Эта пухлая дѣвочка со своими милыми выходками и ласками—точно гипнотизировала Николая Петровича. Изъ ея мягкихъ и теплыхъ пальчиковъ лучейспускалась какая-то дивная сила.

Николай Петровичъ придумывалъ новыя болѣзни, чтобы продолжить лѣченіе. И Леля заботливо растирала ему руки, лицо, шею, производя все это необыкновенно серьезно и методически.

Поѣздъ приблизился къ большой станціи. Леля попросила пить.

Николай Петровичъ вызвался принести воды и пошелъ на

станцію. Наливши въ чайникъ воды, Николай Петровичъ увидѣлъ въ буфетѣ коробки съ конфетами. Онъ подошелъ и купилъ самую дорогую и красивую бонбоньерку. Ему захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь почтить свою маленькую соседку, которая доставила ему столько удовольствія. Но, войдя въ вагонъ, онъ засталъ Лелю уткнувшейся въ колѣни матери и горько плачущей. Алеша страшно огорчилъ ее, заявивши, что «дядя больше не придетъ».

Николай Петровича это сильно тронуло. Онъ нагнулся къ дѣвочкѣ и протянулъ ей бонбоньерку.

— Послушайте, докторъ, вотъ вамъ лѣкарство.

— Ахъ, зачѣмъ это?—сказала сконфуженно мать.

— Ничего... пусть... Возьмите же, докторъ!

— Возьми, дурочка, и поблагодари дядю.

Леля быстро сползла съ дивана, влѣзла на колѣни къ Николаю Петровичу и, обхвативъ его шею руками, начала горячо цѣловать въ губы, въ глаза, въ щеки.

Въ груди Николая Петровича вдругъ что-то всколыхнулось и подступило къ горлу. Онъ не могъ справиться со своимъ волненіемъ и, крѣпко прижавши къ себѣ дѣвочку, простоналъ:

— Милая...

Онъ не узналъ своего голоса. И новый, неизвѣданный для него міръ нахлынулъ на него.

Николай Петровичъ гладилъ головку дѣвочки и старался говорить спокойнымъ тономъ:

— Такъ вы, докторъ, вотъ какъ, вотъ какъ!...

И ему было хорошо. Какое-то новое сладостное чувство охватило его всего и изъ головы его не выходила мысль: «Такъ, можетъ-быть, еще есть средство излѣчиться... Можетъ быть...»

Н. Нижальскій.

Присмотрѣлся!

(Разсказъ пріятеля.)

— И вѣдь какъ это, голубчикъ мой, вышло, просто удивительное дѣло! — говорилъ мой пріятель, когда мы однажды засидѣлись съ нимъ послѣ ужина, — до сихъ поръ хорошенько не пойму. Кажется, я и драгунъ въ запасѣ, не ушедшій далѣе рядового изъ вольноопредѣляющихся, а съ другой стороны и поговорить этапъ о всемъ вообще могу, человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ, бывалый, а вотъ поди-ка!

Пріѣхала она къ намъ какъ-то въ серединѣ лѣта съ моей сестрой, Екатериной: товарки по институту, — ну, сперва сестра у ней гостила, потомъ она къ намъ. Мы съ братомъ шатаемся какъ-то вечеромъ по столовой изъ угла въ уголъ, костюмы самые неэффектные: рубашки русскія, а брюки на выпускъ, да о какихъ-то іоркширскихъ боровахъ толкуемъ, — вдругъ влетаютъ. Начинается: онѣ объясняютъ, какъ съ бабой на телѣгѣ отъ станціи доѣхали, а мы за костюмы извиняемся и все такое: о чемъ же при первой встрѣчѣ говорить можно, да еще съ институткой; нѣсть добра изъ Назарета!

День прошелъ. Онѣ сами по себѣ, и мы своимъ дѣломъ заняты, а вечеромъ неожиданно сцѣпились. Жила у насъ тогда еще сестра, Варвара Михайловна, — знаешь вѣдь? — тоже институтка и на приличіи помѣшана. Мы ее изводимъ, дразнимъ, а она намъ всякія сцены съ истериками и безъ оныхъ устраивала, — понадоѣли другъ другу порядочно. Она кричить, что

мы ей жизнь отравляемъ, мы ей — тоже, да еще въ двѣ глотки. Ну, словомъ, глупо. Вотъ въ тотъ самый вечеръ тоже что-то такое вышло: Варвара Михайловна, не простившись, спать ушла, а мы вчетверомъ въ столовой остались. Тутъ Катя и начала:

— Какъ вамъ обоимъ не совѣстно Варю обижать!

Начали это мы, хотѣли что-то много сказать: и институтское воспитаніе, и условность приличій, и неправдивость отношеній... да какъ заговорили, насъ Елена Алексѣевна и оборвала:

— Да какъ вы, говорить, смѣете о правдивости отношеній говорить, да еще другихъ осуждать, когда вы же сами, навѣрно, завѣдомымъ подлецамъ руки жмете изъ боязни, чтобы они вамъ по службѣ не папортили или доноса не сочинили!

Мы съ братомъ переглянулись, — вѣрно: есть грѣхъ.

Меня тутъ зло взяло: смотрите пожалуйста, думаю, барышня, да еще институтка, а что выпалаиваетъ.

Я это ей самымъ авторитетнымъ тономъ (по совѣсти, просто, чтобы съ этой неудачной темы разговоръ свернуть):

— А знаете ли вы, что Достоевскій пишетъ то-то и то-то?

— Во-первыхъ, говорить, вы его плохо помните: у него эта мысль не такъ выражена (и дѣйствительно потомъ оказалось, что я цитату-то переврала), а во-вторыхъ, это не идетъ къ дѣлу (и вѣрно, къ дѣлу не шло).

Тутъ братъ, спасибо ему, вступился. Еле-еле удалось ему разговоръ на литературную почву перевести, — это по его спеціальности, — чтобы хоть отступленіе наше прилично обставить; такъ что ты думаешь? — какъ пошла она сыпать! Братъ ей автороевъ, а она ему вдвое, да вѣдь не зря, а видно, что читала, понимаетъ и любимцевъ своихъ имѣть, — такихъ тутъ насчитала, что, не говоря уже про нашу 40-й драгунскій, потомъ я въ деревнѣ много читалъ, — а ихъ только по фамиліямъ да по ссылкамъ на нихъ зналъ. Конечно, я молчу и смотрю на нее: раскраснѣлась, волосы растрепались, глаза такъ и горятъ. Э, думаю, да это у тебя, матушка, откуда же? Съ этого началось.

Потомъ, дня такъ черезъ два, сидимъ мы всё въ сборѣ, объѣдаемъ. Жаркого что-то долго не несутъ. Звонятъ. Входитъ лакей и докладываетъ: полъ, молъ, въ людской провалился, всё работники въ погребъ упали, и столъ, и скамейки все съ ними.— Не убили никого?—«Нѣтъ, славу Богу, троихъ только малость поцарапало». Пошли смотрѣть. Я иду, не торопясь, прихожу. Вижу, вѣрно: балки гнилыя—труха, а вышны аршинъ пять, колъ не больше. Братъ съ прикащикомъ разговариваетъ, сколько деревь, что плотникамъ отдать придется, когда возить, гдѣ въ рабочее время лошадей брать и все прочее такое. Я смотрю въ яму, кусокъ еще какой-то прожевываю и думаю: какъ это мудро устроено, что мнѣ тутъ объѣдать не приходится. Вдругъ, слышу, кричить Елена Алексѣевна (и какъ она раньше меня прибѣжала?):

— Андрей Михайловичъ, что вы тутъ любуетесь! Идите сюда скорѣй: нѣмому (есть у насъ старикъ пастухъ) годову расшибло. Идите!

А я этихъ раленыхъ страсть смотрѣть не люблю. Иду въ комнату: сидитъ бѣдняга, плачетъ, кровь течетъ, за голову держится,—пехорошо. Она ему руки отняла отъ головы, платкомъ рану вытираетъ и говоритъ мнѣ:

— Пришлите сюда скорѣй воды, тряпокъ, ножницы, а сами поѣжайте скорѣй за фельдшеромъ.

Хотѣлъ я ей сказать, что сейчасъ пошло въ Липняги, посмотрѣлъ на нее: вся въ слезахъ, дрожить, и совѣстно мнѣ стало. Поѣжалъ я къ брату: бѣги, молъ, за тряпками,—а самъ на конюшню, вспомнилъ старину: собственноручно лошадь осѣдлалъ. Поѣхалъ. Съѣздилъ три версты туда, да три обратно, къ дому подѣзжаю, думаю: герой!—самоотверженно на пользу ближняго по такой жарѣ да при моей комплекціи шесть верстъ отмахалъ—вотъ это дѣло! Вошелъ въ домъ, брякнулся въ гостиной въ кресло, ноги вытянулъ. Пить хочется, а самому встать лѣнь. Кричу:

— Василий! Василий!—Пришелъ наконецъ.—Дай-ка, братецъ, квасу, а то я за фельдшеромъ ѣздилъ, заморился.

А тотъ (и вѣдь этикіе подлецы эта барская прислуга!):

— Вы всегда, Андрей Михайловичъ, всёми помощю оказываете. Себя не жалѣете.

— Ну ладно, ладно, иди...—а самому пріятно.

Только Василий вышелъ, слышу сзади хохотъ, да звонкій, на весь домъ. Оборачиваюсь, а это Елена Алексѣевна забралась, за дверь, въ старинное кресло съ ногами, и не видать ей въ немъ, и заливаеся. И покраснѣлъ я, какъ гвардейскій лацканъ. Книга у нея съ колѣнъ свалилась, подымать бросился, чтобы хоть чѣмъ-нибудь неловкое свое положеніе скрыть. А она-то заливаеся. Я стою какъ дуракъ.

— Вотъ вы, говорить, Андрей Михайловичъ, передовой человекъ, и говорить мастеръ, а на дѣлѣ-то плохи.

— То-есть на какомъ же это дѣлѣ?

— А вотъ хоть бы сегодня: люди порасшибались, а вы кромѣ гнилыхъ балокъ ничего не видите.

Тутъ моя неловкость проходить стала: есть хоть противъ чего возражать.

— Это еще не дѣло, Елена Алексѣевна, вѣдь никто не убился, все пустяки. А вотъ когда мнѣ попадется серьезное, большое дѣло, тогда...

— Эхъ вы! Да на пустякахъ-то человекъ и виденъ; и въ большомъ дѣлѣ каждый поступаетъ такъ же, какъ и въ пустякахъ.

Тутъ ужъ меня взорвало: ахъ я большая дубина! Стою и слушаю, какъ мнѣ восемнадцатилѣтняя дѣвчонка нотации читаетъ. Обидѣлся я, то-есть, вѣришь, сыгралъ, будто бы обидѣлся. Буркнулъ ей:

— Это старо. Вы бы лучше что-нибудь поповѣ сказали...— и ушелъ.

Пришелъ на верхъ, къ себѣ въ комнату, и залегъ съ книгой на кровать. Минуть черезъ пять стукъ въ дверь и голосъ Елены Алексѣевны:

— Андрей Михайловичъ, пойдите на лодкѣ кататься!

Молчу. Ладно, молъ, чувствуешь, что виновата. Я вѣдь тебѣ тоже не маляшшка дался. Подождала, опять стучить.

— Андрей Михайловичъ, вѣдь я знаю, что вы не спите!

А, думаю, знаешь, такъ на-жь тебѣ: черкнулъ спичкой, закурилъ папироску. Слышу — сходить съ лѣстницы. Хотѣлъ было заснуть, — не спится. Почиталъ до чаю, иду внизъ. — Всѣ сидятъ за столомъ и она тутъ же. Сѣлъ, взялъ стаканъ; хоть бы взглянула, — иѣтъ, разговариваетъ съ Катей. Ахъ чортъ возьми, неловко я все-таки поступилъ! Выждалъ минутку, какъ всѣ замолчали.

— Елена Алексѣевна, вы верхомъ ѣдите?

Обернулась она на меня, да такъ, будто въ рожу дала глазами.

— Да. — И опять въ разговоръ съ Катей вступила.

Вышелъ я изъ-за стола, какъ ошпаренный, ушелъ на островъ на прудѣ, хожу. Злюсь. На себя-то не хочется, и выдумываю, за что бы на нее разсердиться. А самъ чувствую, что не за что, — я же виноватъ. Начну съ другой стороны: да что это и кипичусь-де, молъ, не все ли мнѣ равно, — уѣдетъ, только ей и было, — чего я? — Уѣдетъ? А тутъ глаза ея въ трехъ видахъ: и какъ она о Спенсерѣ рассуждала, какъ иѣмого перевязывала, да и за чаемъ, и внутри что-то такое, чего никакъ не падуешь, поетъ: — ахъ ты толстая эоіопина, врешь вѣдь ты чилце великаго акціонернаго отчета: совсѣмъ тебѣ не все равно! Да - съ.

И видно это мнѣ съ островка промежъ деревьевъ, что вышла вся компанія на крокетъ, она съ Катей, да братъ съ женой. Играютъ, смѣются, — а меня-то разбираетъ. Ходилъ я, ходилъ; курить-курить, пока Варвара Михайловна не пришла, да съ какимъ-то французскимъ романомъ въ гамакѣ не растянулась. Я и на нее, кстати, разсердился. Рѣшилъ двинуться на крокетъ. Иду, какъ наблудившая собака, которую ужъ разъ побили, чуетъ она, что еще побьютъ, и размышляетъ: какъ бы этой второй потасовки избѣгнуть? Пришелъ, сѣлъ на скамейку съ краю. Сижу, какъ пятое колесо: всѣхъ игра занимаетъ, а я опять злюсь, что въ крокетъ играть не умѣю.

Горячтся моя Елена Алексѣевна. Какъ она ударить, и и

думаю: Господи, кажется, черезъ весь крокетъ въ карьеръ двинулъ бы, воротца бы выхватилъ и подъ ея шаръ подставилъ; еслибъ это правилами игры разрѣшалось. Выиграла бы партію, повеселила, я бы и извинился.

Кончили, наконецъ, играть. Всѣ пошли, она поотстала. И покажись мнѣ, что она моего извиненія ждетъ. И откуда это я опять наглости набрался, а думаю — гордость! Подхожу къ ней, да и выпаливаю:

— Елена Алексѣевна, не хотите ли верхомъ покататься?

Ни слова она не отвѣтила, взглянула только на меня не хуже давишняго и пошла. Я опомнился, смотрю ей вслѣдъ и ни чорта не понимаю. Ну, думаю, Андрей Михайловичъ!...

Отправился я съ горя на конюшню, кричу: Иванъ! молодого въ бѣговья! Кучера закладывать, а я ихъ ругаю: и сѣделка-то на брюхѣ, и хомуть не тотъ, и все мнѣ неладно.

Заложили. Сѣлъ. Выѣхалъ изъ усадьбы, и хоть бы онъ расстрепалъ меня хорошенько, чтобы больно было, — иѣтъ, дуракъ рыжий, бѣжитъ, ушами своими глупыми прыгаетъ и думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ большая лошадь. Досада взяла. Повернулъ назадъ. Откладывай. Залѣзь опять къ себѣ на верхъ до ужина. За ужинкомъ то же самое: съ другими смѣется, а я словно оплеванный. Такъ и спать разошлись.

И хоть бы не прощалась, — было бы къ чему придратъся, чтобы зло съ себя на нее перевалить. Нѣтъ!

— Покойной ночи, Андрей Михайловичъ!

— До свиданья, Елена Алексѣевна!

Опять на верхъ. Читаю. Часу въ десятомъ слышу звонки. Схожу встрѣчать. Рыбинъ, Ипполитъ Владиміровичъ, флота лейтенантъ, пьяница феноменальная, — ты вѣдь знаешь. Какъ родному я ему обрадовался. Стой, думаю, сейчасъ мы съ нимъ насвищемся, какъ береговья орудія, — пройдетъ.

— Я, говорить, къ тебѣ: услыхалъ, что у васъ лѣсопильный станокъ новый поставленъ, такъ посмотрѣть. Очень я новыя машины люблю!

Знаемъ мы, какія ты машины любишь!... Промыслилъ я ядч-

ниду, соленыхъ огурчиковъ, самоварчикъ и всё распоряженія на всякій случай отдалъ. И что же бы ты думалъ?—къ шести часамъ утра, глазъ не сомкнувши, выпили мы съ нимъ графинчикъ рябиновки, да четверть,—понималъ ли ты?—четверть настойки на березовыхъ почкахъ, что брата жена для пользования порѣзовъ приготовила, а намъ эта дура, Василий, и притащилъ изъ кладовой. А Ипполитъ пьетъ.

— Полезно!—говорить.

Часовъ въ семь мы съ нимъ чайку свѣжаго напились, вымылись, пошли по полямъ. И былъ хмѣль какой у меня—отъ свѣжести вышелъ; только виски, какъ будто, сжимаетъ слегка. Братъ всталъ, сплавилъ я ему моряка, а самъ опять за вчерашнее. Какъ ни поверну, все скверно. Еле-еле дождался я, пока Елена Алексѣевна сошла. Подхожу.

— Простите, Елена Алексѣевна, я вчера страшное свинство сдѣлалъ.—А самъ смотрю ей въ глаза: какъ, молъ, тамъ?

— Помиримтесь, Андрей Михайловичъ, хотя я и имѣю право на васъ сердиться: во-первыхъ, за вашу невѣжливость вчера, а во-вторыхъ...

Батюшки, думаю, что я еще такое натворилъ?

— ... а во-вторыхъ, чего вы ради пропьянствовали всю ночь? Вѣдь я это все слышала. Зачѣмъ вы такъ пьете?—А глаза добрые, мягкіе,—ахъ, чортъ возьми!

— Не буду, Елена Алексѣевна!

— Ну, вотъ, отлично. Пойдемте чай пить.

И какъ мнѣ вдругъ хорошо сдѣлалось, и сказать трудно. Вотъ-те и все равно!

Ну, прошло такъ съ недѣлю. Подружились. Идемъ какъ-то изъ лѣсу.

— А я, Андрей Михайловичъ, послѣ завтра уѣзжать собираюсь.

Такъ меня и огоронило.

— Куда это?

— Въ Москву.

— Лѣтомъ-то, въ такую жару? Полно вамъ, Елена Алексѣевна, развѣ здѣсь у насъ не хорошо?

— Нужно мнѣ, и потомъ опять приѣду.

И кому ты, думаю, тамъ нужна: сирота, кромѣ двоюродной сестры никого нѣтъ, жила бы, пока что.

— Оставайтесь, Елена Алексѣевна!

— Да вамъ-то что?—и смотреть, будто и не ея дѣло.

Подумалъ это я, перевернулъ у себя все то, «чего никакъ не падуешь». Ну, думаю, вотъ теперь. А страшно! Думалъ, думалъ....

— Ну?

Я и брякнулъ:

— Присмотрѣться мнѣ къ вамъ надо, Елена Алексѣевна,—ужь очень вы любопытный человѣкъ!

Какъ она меня:

— Да что я вамъ, слонъ изъ зоологическаго сада, что ли, что вы ко мнѣ присматриваться станете?

Караулъ! Опять маху далъ, да вѣдь какъ! И пошелъ я тутъ: да нѣтъ, вы меня не такъ поняли, не то я хотѣлъ сказать, и такъ далѣе. Словомъ, то, что бы мнѣ въ самомъ-то дѣлѣ брякнуть слѣдовало, то я и замазывалъ самымъ старательнымъ образомъ. До того довался, что сказалъ ей, кажется, будто я ее со стороны общественной дѣятельности разматривать хотѣлъ. Путалъ я, путалъ, она все молчала, наконецъ и говорить:

— Послушайте, Андрей Михайловичъ, я вижу, что вы честный человѣкъ (это мнѣ нравится) и буду откровенна. Вамъ кажется, что вы мною увлеклись,—я нарочно не употребляю слова «полюбили»; потому что о немъ еще и рѣчи быть не можетъ,—и вотъ вы хотите моего присутствія, чтобы искусственно раздуть вашу, скажемъ, симпатію, обманывая самого себя. Это обычный пріемъ многихъ, въ особенности мужчинъ.

Вотъ-те и институтъ! Институтъ, чортъ бы его побралъ, а какихъ тамъ пакостныхъ идей набраться можно! Молчу. Вѣдь отчасти она и права. Если любовь заключается въ томъ, что безъ любимаго человѣка жить нельзя, то я не люблю, потому что объяви она мнѣ сейчасъ, что выходитъ замужъ за другого,—

я бы пули себѣ не закатилъ; а если любить значить дѣлать все, что любимому человѣку было бы хорошо, то я готовъ работать какъ волъ, да что работать?—отъ дѣла я никогда не прочь, я готовъ по три раза въ день жарить пѣшкомъ въ Липняги и обратно; курить бы, кажется, бросая! Да. А тутъ иду и молчу. Наконецъ выдумалъ:

— А писать вамъ, Елена Алексѣевна, если вы не вернетесь, вы мнѣ позволите?

— Писать?—Подумала.—Хорошо, только съ условіемъ: первое письмо вы напишете не ранѣе, какъ черезъ полтора мѣсяца: къ тому времени вы опять будете искренни.

Поняла, значитъ, что я заврался!

Уѣхала. И началась у меня новая забота: какъ только съ почты пріѣдутъ, я, какъ коршунъ, на сумку. Сперва, бывало, если есть отъ нея письмо (она все съ Катей переписывалась), то скройшь равнодушнѣйшую фізіономію, а самъ лупишь всю сестру разыскивать. Найдешь.

— Тебѣ письмо есть, въ кабинетѣ на столѣ,—а самъ смотришь: сейчасъ она пойдетъ, или ждать заставить.

— Отъ кого?

— Ну, матушка, почему мнѣ знать? (а ужъ какъ я хорошо знаю!). Штемпель московскій.

Пойдетъ, прочтаетъ.

— Хочетъ пріѣхать...—и словно кто масломъ по сердцу помажетъ, такъ хорошо дѣлалось. Шло это недѣли три. Ужъ и письма прямо сестрѣ таскалъ, и вдругъ одно: не могу пріѣхать. Вотъ такъ штука!

Закатился я тутъ для развлечения къ Семену Александровичу на охоту, позволишь ли видѣть. Проохотился у него съ недѣлю,—тоска. Пріѣзжаю домой, какъ теперь помню, часовъ въ одиннадцать утра. Мать въ напесадникѣ передъ крыльцомъ варенье варитъ. Я къ ней. Она меня и встрѣчаетъ:

— Елена Алексѣевна-то...

— А что?

— Да какъ же: третьяго дня получили телеграмму, что будетъ...

— Ну, и что же, не пріѣхала?

— Пріѣхала съ починымъ въ 3 часа, спать теперь наверху. Насилу я дождался какъ она вышла.

— Здравствуйте, Елена Алексѣевна, наконецъ-то!

— Что, наконецъ-то?

Вотъ скандалъ: опять, пожалуй, обидится.. Давай поправляться:

— Наконецъ-то вы опять изъ душевой Москвы на свѣжій воздухъ попали...—Умиѣе то ничего не придумалъ.

— А, говорить, да. Здравствуйте!

А лѣвый глазъ у нея особенный плутъ былъ: такъ въ немъ чортикъ какой-то и скачетъ.

Ну, тутъ и пошло. Всѣ ей, какъ родной, обрадовались. Начались катанья, пикники и все такое.

Вотъ какъ-то мы и идемъ вдвоємъ: много мы съ ней за это время ѣздили и ходили. И преглупую это мы манеру завели, да я же, кажется, еще и первый: какъ идемъ и молчимъ, кто-нибудь и спрашиваетъ вдругъ другого: «о чемъ вы думаете?» Какъ-то само собой устроилось, чтобы правду отвѣчать. Это-то меня и подвело. Подходимъ уже къ дому, и соображаю я: Андрей Михайловичъ, чего трусить-то?—ляпни, да и шабашъ! А тутъ, какъ на грѣхъ, Елена Алексѣевна:

— О чемъ это вы задумались?

Огоронило меня: и боюсь, да и вяжу, что нужно,—такъ дальше что же тянуть? Переспрашиваю и чувствую, что глупо это у меня выходитъ, и голосъ подлый: какъ не нужно, что твоя труба іерихонская, а тутъ—какъ изъ пустого шивного боченка.

— О чемъ думало?

— Да.

— Гм... А самъ глазами мѣряю, далеко ли еще до подъѣзда осталось. Наконецъ рѣшился:

— Я думаю, Елена Алексѣевна, о томъ, нужно мнѣ сказать вамъ, что я васъ люблю, или нѣтъ?

Затылокъ, теперь еще помню, у меня странно какъ-то по-

холодиль, — на нее смотрю, а она передо мной въ какомъ-то туманѣ, только вижу, что она серьезна сразу сдѣлалась.

— Зачѣмъ вы мнѣ это сказали, Андрей Михайловичъ? — Голосъ тихій, дрожитъ, и хотѣла въ крыльцо войти.

— Нѣтъ, — я говорю, — извините, Елена Алексѣевна, договариваться, такъ договариваться до конца: я вѣдь три недѣли храбрости на это набирался!

— Пойдемте тогда дальше.

— Ну что же, Елена Алексѣевна?

— Послушайте, Андрей Михайловичъ, я должна быть откровенна. Что я вамъ скажу? — Я васъ не люблю.

Я совсѣмъ, съ позволенія сказать, ободдѣлъ, слышу какъ сквозь сонъ.

— И зачѣмъ вы мнѣ это сказали? Неужели вы думаете, что еслибъ я хотѣла это отъ васъ слышать, то не съумѣла бы вамъ дать повода высказаться?

Взяла она меня за руку, глядитъ, ведетъ по дорогѣ, — я молчу и иду за ней, какъ баранъ.

— Можетъ-быть нужно, чтобъ я уѣхала? Скажите прямо.

Благодарю покорно: этого еще не доставало!

— Бога ради останьтесь, Елена Алексѣевна, я себя переломаю, пройдетъ, скажите только: почему, за что?

Тутъ ужъ я успокоиваться началъ. Странно мнѣ только казалось: какъ это вдругъ — «не люблю!»

Прошли мы нѣсколько шаговъ, она думаетъ, что отвѣтить, я жду.

— Не знаю, право, Андрей Михайловичъ, что вамъ на это и отвѣтить. Ну, чего-то вамъ недостаетъ, я ужъ объ этомъ думала: научитесь вы чему-нибудь, что ли...

Батюшки, думаю, да это она меня не въ институтъ ли благородныхъ дѣвицъ?

— То-есть чему же это учиться?

— Да право не знаю... ну, изучите какую-нибудь специальность. — Да вдругъ: — Почвы у васъ подъ ногами нѣтъ, вотъ что! — закричала, словно обрадовалась, что знакомое слово позабыла и потомъ опять вспомнила.

— Гм... Почвы!... Да гдѣ же это я учиться буду: мнѣ подъ тридцать, да и аттестата зрѣлости у меня нѣтъ.

Чортъ знаетъ, что такое, какъ школьникъ на экзаменѣ!

— Да что аттестаты!... Поѣзжайте за границу, тамъ этихъ клочковъ бумаги не надо, а будете дѣльнымъ работникомъ, никто у васъ ихъ не спроситъ! Средства у васъ есть.

Эка, думаю, какъ ей отъ меня отвязаться-то хочется.

— Да куда я поѣду-то?

— У меня есть программы, я ихъ для одного знакомаго выписала. Вотъ, Андрей Михайловичъ, поѣзжайте, возвращайтесь дѣльнымъ человекомъ, чѣмъ недорослемъ изъ дворянъ тутъ торчать. А вернетесь — увидимъ!

Эка расписываетъ-то, думаю. А мнѣ тогда, ей-Богу, все равно было: хоть съ лейтенантомъ Добротворскимъ рельсы на сѣверный полюсъ везти.

— Ну, спасибо вамъ, Елена Алексѣевна, и на этомъ. Дайте потомъ программы.

Ушла она. Съѣлъ это я на край канавки и думаю: «Ну, Андрей Михайловичъ! Тутъ совсѣмъ было ужъ и жепиться собрался, а тебя и посадили, да еще куда: на школьную лавку. Для начала не дурно!» А потомъ, какъ вспомнилъ это ея: «а вернетесь — увидимъ», — и какъ-то легче стало.

Дала она мнѣ на другой день программу. Читаю: «... на первый курсъ могутъ поступать лица достигшія восемнадцатилѣтняго возраста». Показываю ей:

— Смотрите, Елена Алексѣевна, что если къ этимъ «достигшимъ восемнадцатилѣтняго возраста» да этакая махина, какъ я, затѣшется, съ такой-то бородой, — вѣдь неловко.

— Эхъ, Андрей Михайловичъ, и слушать-то васъ досадно! Если у васъ при разговорѣ о серьезномъ дѣлѣ «неловко» появляется, такъ и говорить съ вами не стѣбитъ.

Ишь ты, думаю, сердитая какая! Хорошо тебѣ опять въ своей Москвѣ по урокамъ бѣгать, а тутъ, легко сказать, за границу! Однако подумалъ немного, посмотрѣлъ на нее: а что, двинуть? — подумалъ я еще, да и вырвался у меня:

— А вѣдь бороду брить не минешь...

Какъ она у меня расхохочется. И пошла, и пошла. Да такъ вѣдь это заразительно, что и меня, на нее глядя, смѣхъ разбирать началъ.

— Комикъ вы, Андрей Михайловичъ!—А какой тутъ, спрашивается, комизмъ?

И послѣ этого разговора никакой я неловкости отъ вчерашняго объясненія не ощущалъ. А ужь, кажется, какъ говорится, отшлалъ форменнымъ образомъ. И до того я себя непринужденно чувствовалъ, что даже сестра Варвара Михайловна, ужь на что, кажется, наблюдательная особа: разъ у меня на сапогѣ дырочку замѣтила, какъ разъ за три недѣли до того, какъ я ихъ сапожнику чинить отдалъ,—да такъ и та ничего не дагадалась! И молчаніемъ мы этого пункта не обходили,—нѣтъ: она свое, а я свое. И подъ конецъ я твердо рѣшилъ: да что же, чертъ возьми мои калоши,—ѣхать, такъ ѣхать.—«А вернетесь—увидимъ!»

Собралась она уѣзжать. Отправились мы въ городъ, чтобы оттуда ей на пароходѣ къ крестному отцу въ имѣнье ѣхать, а въ городѣ она и заболѣй. Придрался я тутъ къ случаю ее провожать: «Нельзя-де молъ одной, да еще больной ѣхать,—мало ли что случиться можетъ?»

Поѣхали. Досталъ я ей отдѣльную каюту, попили мы вечеромъ чайку. Сидитъ, храбрится. Ушелъ я въ общую спальню. Лежу. Съ часъ этакъ прошло, стукъ въ дверь:

— Андрей Михайловичъ!—Ну, конечно, моментально.—Скверно мнѣ.

— Да вы прилягте, я сейчасъ къ капитану.

Бѣгу. Расстолгалъ милѣйшаго Ивана Романовича, изъ остзейскихъ:

— Давайте ключи отъ аптеки!

— Да вамъ что?

— Ахъ, чертъ возьми, да почему я знаю, что тутъ по церемоніалу полагается, хины что ли?

Вспоминаю: когда и чѣмъ меня лѣчили. На бѣду, одинъ

только случай изъ времянь военной службы вспомнилъ. Ну, только тѣ средства сюда никакъ не подходили. Танцу хину, съ лѣстницы чуть не упалъ (дурацкія на «Самолетѣ» лѣстницы), а внизу ужь меня какая-то дама изъ общей каюты встрѣчаетъ:

— Я слышала, что у васъ больная,—позвольте мнѣ быть полезной.

Ахъ ты милая моя! Кажется, расцѣловалъ бы ее, еслибы со времени юности протоколомъ за это же самое напуганъ не былъ.

Повозилась она съ Еленой Алексѣвной съ полчаса, а я въ рубкѣ сижу, и выходить. Я къ ней:

— Ну что?

— Спать. Не бойтесь: поправится!

— Слава тебѣ, Господи! Вотъ выдайте мнѣ сейчасъ изъ дворянскаго банка ссуду въ сорокъ тысячъ подъ залогъ моего цензоваго билета, и то бы я не такъ обрадовался, какъ тутъ. Однако спать не могу.

И сѣли мы съ Иваномъ Романовичемъ у лоцмановъ на верху за чай съ ромомъ. Пьемъ, о политикѣ да о будущей войнѣ разсуждаемъ. Разка два въ часъ сбѣгаешь внизъ, слушаешь у каютныхъ дверей:—спить! Ну и ладно.

А кругомъ хорошо.

Только у насъ Драгомировъ завоеваніе Італіи кончилъ, какъ подѣхали мы къ пристани, отъ которой намъ на лошадахъ ѣхать. Встала моя Елена Алексѣвна, выходить въ рубку. Ну, и хороша же она была,—блѣдная, блѣдная! Жалуются, что голова болитъ, а меня слеза прошибаетъ. Чертъ знаетъ, что такое.

Пока за извонникомъ ходила, она сидитъ, а я ей руки держу. Молчимъ.

И до чего хороши этакія пакостныя минуты бываютъ! Смотрить она на пристань: по сходямъ какой-то франтикъ спускается.

— Вотъ, говорить, этотъ господинъ прошлымъ лѣтомъ мнѣ предложеніе сдѣлалъ, я ему отказала, а онъ черезъ три недѣли женился.

Да тихо говорить, и голосъ съ дрожью.

Ахъ ты мерзавецъ, думаю, женился, подлець! Ну, попадись ты мнѣ безъ свидѣтелей...

Съ парохода слѣзли. Нашель я коляску,—ѣдемъ. Совсѣмъ она оправляться начала, а меня ужъ раздумье беретъ, ловко ли это—въ знакомый домъ, и Елена Алексѣевна, словно на зло, здоровѣе здороваго. И она что-то помалкиваетъ. Тутъ я ее:

— О чемъ вы думаете?—Засмѣялась.

— Я?—установилась на меня,—о томъ, что бы вышло, еслибъ я васъ при прѣздѣ съ мѣста крестному представила: вотъ мой женихъ!

Да, думаю, самое умное, матушка, что бы ты сдѣлать могла. Я и самъ объ этомъ не разъ подумывалъ.

Сказать я ей этого, положимъ, не сказалъ, а только протянулъ:

— Да-да, эффектъ бы вышелъ.

А чего тутъ, самъ посуди, смѣшного?

Подъѣзжаемъ къ усадьбѣ, я ужъ себя совсѣмъ скверно чувствую. Только вошли въ переднюю, она—порхъ! Переодѣваться, изволите видѣть. А я одинъ, какъ дуракъ. Удивительный народъ, какъ хотите, эти барышни. Ну, вижу свѣтъ—иду. Вхожу въ столовую, сидитъ старичокъ, двѣ дамы, тоже пожилыи. Уставились на меня: откуда молъ этакое «прелестное дитя» въ сажень безъ малаго. Глупо! Набрался храбрости, подхожу, рекомендуюсь.

— Позвольте представиться, такой-то. Елена Алексѣевна не совсѣмъ здорова,—вынужденъ былъ ее проводить...—Словомъ, бормочу что-то такое нескладное.

Какъ они услышали «не совсѣмъ здорова»:

— Да гдѣ, гдѣ она?

— Не знаю.

— Какъ не знаете? Да вы откуда прѣехали?

— Да съ ней я сюда прѣехалъ!—говорю и злиться начинаю. Вотъ дурацкое положеніе!

— Такъ она здѣсь?—И исчезли всѣ изъ комнаты.

Я опять одинъ, еще того хуже. Гдѣ я? Что за люди?... Походилъ по комнатѣ,—не идутъ. А ну-ка, думаю, гдѣ тутъ у

нихъ газеты? А это, братецъ мой, у меня первое средство, какъ незнакомый человѣкъ, узнать, какую онъ газету читаетъ. Весь онъ тебѣ тогда и будетъ. А по нынѣшнимъ временамъ, не узнавши человѣка, толковать съ нимъ не годится. Со мной бывало: ѣдешь по желѣзной дорогѣ, сидитъ старичокъ,—ну, прямо съ него мученика христіанства пиши: столько въ немъ благородства. Ну, куда, кто, да и разговоришься. А какіе теперь разговоры? У всѣхъ одно: то-то и то-то пехорошо, а хорошо бы того-то и того-то. И во всемъ онъ съ тобой согласится, а глядь—недѣльки черезъ двѣ письмо: «охота, молъ, вамъ, Андрей Михайловичъ, со всякимъ подлецомъ разговаривать». Вотъ что!

А газеты на мое счастье въ этой же комнатѣ въ углу на столѣ. Смотрю—газета моя. Слава Создателю! Журналъ толстый—тоже нашъ. Хорошо. Тутъ я совсѣмъ повеселѣлъ.

Входитъ вся компанія и Елена Алексѣевна съ ними. Крестный ко мнѣ:

— Да вы Екатерины Михайловны братъ?

— Братъ.

И такъ они меня, голубчикъ мой, радушно приняли, что я вмѣсто того, чтобы на слѣдующій день уѣхать, еще цѣлыи сутки у нихъ прогостилъ.

Уѣхалъ я въ 4 часа утромъ. Сама Елена Алексѣевна встала, чаемъ меня напоила, и когда я уже въ мой рыдванъ залѣзалъ, на прощанье спросила:

— Ну что, ѣдете?

— Ъду.

— Ну, хорошо. Всего лучшаго. До свиданія!

А подъ конецъ вслѣдъ ужъ мнѣ (вѣдь этакое ядовитое созданіе!):

— А вернетесь—увидимъ!

Напало тутъ на меня блаженство какое-то. Ямщику синенькую бумажку лишнюю на чай далъ! И все-таки потомъ чуть-чуть всего дѣла не испортилъ.

Прѣезжаю какъ-то въ нашу губернскую столицу и встрѣчаю предсѣдателя казенной палаты. Хорошій знакомый.

— Полно вамъ, Андрей Михайловичъ, въ деревнѣ околачиваться, идите вы на службу; есть у меня ваканція податного инспектора, и жалованье хорошее, и покойно... да то, да сѣ—такъ расписалъ, что я было и поколебался. Началь ему всякіе резоны приводить,—всѣ онъ мнѣ опровергаетъ. Наконецъ я ему моего козырнаго туза:

— За мной, Федоръ Николаевичъ, еще недоимочка числится... Положимъ, дѣло прошлое; книжонки тамъ, да кузница... — А онъ мнѣ что же?

— Какъ вамъ не стыдно, Андрей Михайловичъ! Въ наше просвѣщенное время кто же на этакій вздоръ вниманіе обращаетъ? Кто Богу не грѣшнень?... А чѣмъ же вамъ лучше свою благонамѣренность доказать, какъ не поступленіемъ на службу?

И сбиль онъ меня съ позиціи окончательно. Хорошо, думаю, и борода цѣла будетъ. Ну, а я все-таки «дай-ка у Елены Алексѣевны справлюсь, какъ она?» Написалъ я ей письмо. Подробно все изложилъ, и перспективу этой массы душевнаго спокойствія, и опять-таки «достигшіе восемнадцатилѣтняго возраста», и все прочее. И что же ты думаешь?

Получаю отвѣтъ. Страничка. На верху сбоку: «Москва, такого-то числа». Посерединѣ:

«...Суждены намъ благіе порывы,
А свершить ничего не дано...»

Подъ этимъ буква Е—и точка.

Прямо она меня этимъ письмомъ убила. Я председателю ругательное письмо,—и за что? человекъ-то, главное дѣло, хорошій: чортъ молъ васъ возьми съ вашими всѣми мѣстами вмѣстѣ,—губернатору прошеніе о высылкѣ паспорта. И фду, шабашъ, потому главное дѣло: «А вернетесь—увидимъ». Авось!...

Ну, покойной ночи!

И вѣдь уѣхалъ и бороду сбиль.—Авось!...

Александръ Ажеровъ.

Попытка государственной реформы при воцареніи императрицы Анны Иоанновны.

I.

Ночь съ 18-го на 19-е января 1730 года прошла въ Москвѣ очень тревожно. Въ Нѣмецкой слободѣ, во дворцѣ, построенномъ Петромъ Великимъ для Лефорта, умиралъ пятнадцатилѣтній императоръ Петръ II. Онъ скончался въ бреду, въ первомъ часу ночи, не доживъ нѣсколькихъ часовъ до срока, назначеннаго первоначально для его свадьбы съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой.

Въ сущности говоря, для людей близкихъ ко двору и знакомыхъ съ личностью императора, въ этой смерти не могло быть ничего неожиданнаго. «Образъ жизни, который велъ покойный молодой монархъ,—писалъ по этому поводу датскій посланникъ Вестфаленъ своему двору,—его охотничьи разѣзды съ утра до вечера при всякой погодѣ, беспорядочность въ ѣдѣ и питьѣ, бессонныя ночи, проведенныя въ танцахъ, привычка пить, разгорячившись, холодные напитки и, при всемъ этомъ, то обстоятельство, что у него еще не было оспы,—всегда заставляли меня опасаться за его жизнь». И дѣйствительно, почти за годъ передъ тѣмъ, въ апрѣлѣ 1729 г., Вестфаленъ уже писалъ своему правительству о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять въ случаѣ смерти молодого императора.

Датскій посланникъ имѣлъ, на самомъ дѣлѣ, серьезныя причины бояться смерти Петра II. По «тестamentу» Екатерины I,

въ случаѣ бездѣтной смерти внука Петра Великаго, престоль долженъ былъ перейти къ старшей ихъ дочери, Аннѣ Петровнѣ, съ нисходящимъ потомствомъ, а за ихъ отсутствіемъ—къ Елизаветѣ Петровнѣ съ ея «десцендентами». Анна Петровна, выданная замужъ за герцога голштинскаго, не дожидая, правда, до смерти своего племянника, но послѣ нея оставался малолѣтній сынъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III), который и былъ законнымъ наслѣдникомъ по завѣщанію Екатерины. Этого-то соединенія голштинскаго и русскаго престоловъ и опасался болѣе всего датскій посланникъ. Дѣло въ томъ, что въ такомъ случаѣ Голштинія усиливалась и могла легче добиться своей постоянной цѣли: отнять у Даніи Шлезвигъ. Одинъ разъ по смерти Екатерины I, Вестфалену уже пришлось хлопотать объ устраненіи кандидатуры «кильскаго ребенка»; и онъ не малую долю вліянія при воцареніи Петра II приписывалъ именно своимъ хлопотамъ. Теперь приходилось вторично приняться за тѣ же хлопоты, тѣмъ болѣе, что, какъ казалось Вестфалену, на сторонѣ голштинскаго претендента стояли посланники шведскій и австрійскій. Несомнѣнно, что опасенія Вестфалена были въ этомъ случаѣ очень преувеличены. По крайней мѣрѣ, въ донесеніяхъ шведскаго посла (Дитмера) не оказывается ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-нибудь шведской интриги въ пользу голштинскихъ плановъ. Напротивъ, Дитмеръ подчеркиваетъ передъ своимъ правительствомъ свое намѣреніе оставаться совершенно нейтральнымъ въ вопросѣ о русскомъ престолонаслѣдіи. Какъ бы то ни было, едва болѣзнь Петра II начала принимать опасный характеръ, какъ Вестфаленъ принялся усиленно интриговать противъ голштинской кандидатуры. Онъ дневалъ и ночевалъ у князей Долгорукихъ, всемогущихъ при умиравшемъ императорѣ. Въ результатѣ этихъ переговоровъ явилось письмо, въ которомъ Вестфаленъ уговаривалъ Долгорукихъ «соединиться съ другими вельможами Россіи» для доставленія престола княжнѣ Долгорукой. «Если энергичная и твердая рѣшимость двухъ такихъ людей, какъ Толстой и Меншиковъ,—писалъ онъ Долгорукимъ,—могли доставить русскую корону покойной

царицѣ, несмотря на массу препятствій, то почему бы подобная рѣшимость не могла дать такого же положенія принцессѣ добродѣтельной, какова ваша племянница?»

Событія показали скоро, что Вестфаленъ слишкомъ поторопился учесть въ свою пользу планъ, къ которому Долгорукіе могли придти и безъ его помощи, но для осуществленія котораго его помощи оказалось слишкомъ недостаточно. На первыхъ же шагахъ къ осуществленію планъ возвести на престоль невѣсту императора, какъ извѣстно, встрѣтили сопротивление среди самихъ Долгорукихъ, ненавидѣвшихъ семью государева любимца, Ивана Алексѣевича. Отецъ его, самый ничтожный и самый надутый изъ всей фамиліи, скоро долженъ былъ ступаться передъ болѣе видными представителями Долгорукихъ, выдававшимися по нравственнымъ или по умственнымъ качествамъ: передъ фельдмаршаломъ Вас. Владиміровичемъ и передъ дипломатомъ Василиемъ Лукичемъ. «Соединеніе съ другими вельможами» (именно Голицыными), проектированное Вестфаленомъ, состоялось, дѣйствительно, но вовсе не съ цѣлью осуществленія Долгоруковскаго проекта. Соединившіеся вельможи поспѣшили, впрочемъ, успокоить озабоченнаго дипломата, сообщивъ ему, что меньше всего они думаютъ о голштинской кандидатурѣ. Хлопоты Вестфалена, разумѣется, были тутъ не причемъ, и датскій посланникъ очень ошибался, если дѣйствительно думалъ, какъ онъ писалъ своему правительству, что, благодаря именно *ей* «энергическому противодѣйствию» и благодаря его «предупрежденіямъ лицъ, руководившихъ переворотомъ», предотвращено было и на этотъ разъ вступленіе на русскій престоль голштинскаго принца подъ опекой Елизаветы. Гораздо лучше понималъ роль дипломатіи въ этомъ случаѣ шведскій посланникъ, когда писалъ: «датскій министръ подъ рукой много хлопоталъ о томъ, чтобы не зашла рѣчь о голштинскомъ принцѣ; но, кажется, на подобныя внушенія такъ же мало обратили вниманія, какъ на противоположныя напоминанія графа Бонде (голштинскаго посла), что объ этомъ принцѣ не слѣдуетъ забывать вовсе. Хотя послѣд-

ного и увѣряли, что препятствіемъ для принца служить на этотъ разъ молодость, но главная причина (отклоненія голштинской кандидатуры), по всей видимости, та, что посредствомъ выбора хотять достигнуть большей свободы и не оставаться болѣе подъ такимъ тяжелымъ гнетомъ».

Иностранной дипломатіи въ Россіи прошлаго вѣка не разъ удавалось сыграть весьма видную и активную роль въ дворцовыхъ переворотахъ. Но переворотъ 1730 г. обошелся безъ участія дипломатіи. Онъ слишкомъ неожиданно начался, слишкомъ скоро копчился, былъ руководимъ слишкомъ самостоятельными людьми и слишкомъ глубоко захватилъ внутреннее движеніе русскаго общества, чтобъ иностранная дипломатія (притомъ на непривычномъ мѣстѣ, въ Москвѣ) могла оказать на него сколько-нибудь замѣтное вліяніе. Самые умные изъ иностранцевъ скоро поняли, что имъ оставалось только сложить руки и спокойно ожидать развязки, не выходя изъ роли постороннихъ наблюдателей.

Въ качествѣ наблюдателей иностранные дипломаты понимали смыслъ совершавшихся передъ ихъ глазами событій различно: одни смотрѣли на попытку верховниковъ какъ на возвращеніе русскаго боярства къ допетровской старинѣ; другіе видѣли въ этой попыткѣ желаніе осуществить новое, болѣе рациональное государственное устройство на манеръ Англии, Швеціи или Польши. Въ послѣднемъ смыслѣ многіе изъ нихъ не могли отказать готовящемуся перевороту въ личномъ сочувствіи; были моменты, когда онъ казался имъ-которымъ изъ нихъ вполне осуществимымъ. Но большинство иностранныхъ дипломатовъ, даже сочувствуя перевороту теоретически, плохо вѣрили съ самаго начала въ его осуществимость на практикѣ. Во всякомъ случаѣ, московскія событія интересовали ихъ, главнымъ образомъ, въ той мѣрѣ, въ какой они отвлекали Россію отъ активной роли въ современной европейской политикѣ.

Надо признаться, что оба упомянутые взгляда иностранцевъ на значеніе переворота 1730 года, т.-е. и пониманіе этого

переворота какъ реакціи противъ демократическаго и бюрократическаго деспотизма Петровской реформы, и представленіе о немъ какъ о попыткѣ перенесенія въ Россію иноземнаго государственнаго строя, — были, во всякомъ случаѣ, глубже тѣхъ понятій, которыя утвердились среди русской публики послѣ неудачи переворота и господствовали въ русской исторической литературѣ вплоть до послѣднихъ десятилѣтій. Попытка верховниковъ понята была у насъ какъ своекорыстное и эгоистическое стремленіе обезпечить собственныя выгоды путемъ раздѣла власти между двумя могущественными фамиліями. О попыткахъ же протестовавшихъ противъ верховниковъ шляхетства въ русской печати почти ничего не было извѣстно. Только съ середины нашего вѣка стало возможно возстаповить истинный характеръ событій 1730 года и освободить толкованіе ихъ отъ запоздалыхъ вліяній современной событіямъ памфлетной литературы. Донесенія иностранныхъ пословъ сыграли при этомъ весьма важную роль.

Извлеченія изъ депешъ испанскаго посла, изданныя въ 1845 г. Языковымъ подъ названіемъ «Записокъ дюка Липрійскаго», выдержки изъ донесеній французскаго резидента Маньяна, напечатанныя Тургеневымъ въ 3-мъ томѣ его извѣстнаго изданія «La Russie et les Russes», наконецъ обширныя цитаты изъ донесеній саксонскаго посла Лефорта въ 4-мъ томѣ «Geschichte des Russischen Staates» Германна (1849) положили прочное начало знакомству съ литературой донесеній. Затѣмъ, на тѣхъ же донесеніяхъ, съ присоединеніемъ выписокъ изъ депешъ англійскаго резидента Рондо, основанъ былъ рассказъ о переворотѣ 1730 г. въ извѣстномъ сборникѣ «La cour de Russie il y a cent ans» (1858). Наконецъ, и самые тексты донесеній начали издаваться въ полномъ видѣ: герцога де-Липрія—въ «Осмнадцатомъ вѣкѣ» Бартенсва, Лефорта—въ V томѣ, Рондо—въ LXVI-мъ и Маньяна — въ LXXV томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Еще важнѣе было то, что и подлинныя документы переворота, сохранившіеся, главнымъ образомъ, въ петербургскомъ государственномъ

архивъ, дождались, наконецъ, своихъ изслѣдователей: въ 1869 году С. М. Соловьевъ въ 19-мъ томѣ своей «Исторіи» и въ 1880 году Д. А. Корсаковъ въ специальной диссертациі о «воцареніи императрицы Анны Иоанновны» — представили результаты своихъ архивныхъ изысканій, существенно дополнившіе то, что было извѣстно изъ дипломатическихъ донесеній. Къ ряду послѣднихъ Д. А. Корсаковъ прибавилъ новый источникъ: депеши датскаго посла Вестфалена. Но и этимъ матеріалъ донесеній не былъ исчерпанъ окончательно. Послѣ работы казанскаго профессора появилась статья шведскаго историка Ерне, дополняющая наши свѣдѣнія любопытными извлеченіями изъ депешъ шведскихъ дипломатовъ, Дитмера и Моріана *). Кроме сообщенія новаго матеріала, статья Ерне важна еще и въ другомъ отношеніи: въ ней впервые сдѣлана попытка точно указать шведскіе источники проектированной верховниками государственной реформы. Такъ какъ статья эта прошла совершенно незамѣченной въ нашей исторической литературѣ, и такъ какъ донесенія Рондо и Маньяна опубликованы вполнѣ уже послѣ выхода въ свѣтъ специальной работы проф. Корсакова, то намъ показалось нелишнимъ, опираясь на весь извѣстный теперь матеріалъ, еще разъ остановить вниманіе читателей на этомъ любопытномъ эпизодѣ нашей исторіи прошлаго вѣка. Помимо сообщенія фактовъ неизвѣстныхъ въ русской исторической литературѣ, и фактами уже извѣстными намъ казалось возможнымъ воспользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ иначе, чѣмъ ими пользовались до сихъ поръ при описаніи событий 1730 года.

II.

Основной вопросъ престолонаслѣдія былъ разрѣшенъ немедленно послѣ смерти государя, ночью на 19-е января, верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, съ участіемъ двухъ фельдмаршаловъ,

*) Historisk Tidskrift, 1884. *Harald Hjärne*: Ryska konstitutions project år 1730 eftérsvenska förebilder. Стр. 189—272.

кн. Вас. Вл. Долгорукаго и кн. Мих. Мих. Голицына, а также сибирскаго губернатора кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Всѣ эти лица не имѣли, впрочемъ, иного права присутствовать въ совѣтѣ, кроме своего родства съ вліятельными верховниками. Инициаторомъ рѣшеній этого импровизированнаго собранія, никѣмъ не уполномоченнаго вести то дѣло, за которое оно взялось, явился кн. Дм. Мих. Голицынъ. Онъ началъ засѣданіе съ того, что устранилъ нерѣшительныя заявленія Долгорукихъ о завѣщаніи Петра II въ пользу невѣсты. Это завѣщаніе Голицынъ открыто и рѣшительно объявилъ подложнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ и завѣщаніе Екатерины I онъ объявилъ недѣйствительнымъ — на томъ основаніи, что Екатерина сама не имѣла права занимать престола, какъ женщина низкаго происхожденія (историкки не рѣшаются повторять болѣе рѣзкаго выраженія, употребленнаго въ этомъ случаѣ кн. Голицынымъ). Устранивъ такимъ образомъ дочерей Екатерины I, которыхъ партія старины всегда считала рожденными до брака, Голицынъ не менѣе рѣшительно устранилъ первую жену Петра Великаго, царицу Евдокію, и старшую изъ племянницъ Петра, Екатерину Ивановну, герцогиню мекленбургскую, — послѣднюю на томъ основаніи, что мужъ ея можетъ причинить Россіи разныя затрудненія. Затѣмъ онъ остановился на ея младшей сестрѣ — Аннѣ Ивановнѣ, вдовѣ герцога курляндскаго, и былъ поддержанъ другимъ виднымъ членомъ верховнаго совѣта, кн. Вас. Лук. Долгорукимъ. Получивъ согласіе совѣта на избраніе Анны Ивановны, Голицынъ перешелъ къ выполненію другой части своего плана, которую онъ развивалъ, впрочемъ, далеко не такъ рѣшительно, какъ первую. Свое намѣреніе онъ передалъ товарищамъ въ неловкой и туманной фразѣ: «Надобно» было, по его словамъ, «себѣ полегчить», именно — «воли себѣ прибавить». Со стороны канцлера Головкина эта часть предложенія вызвала недоумѣніе; ловкій и практическій князь Василій Лукичъ выразилъ сомнѣніе въ исполнимости этого замысла. «Хоть зачнемъ, да не удержимъ этого», заявилъ онъ. Совѣщаніе такъ и кончилось безъ опредѣленнаго результата. Голицынъ настаивалъ на томъ,

чтобы, «написать, послать къ ея величеству *пункты*»; а Василий Лукичъ, встрѣтивъ послѣ засѣданія въ сосѣдней комнатѣ Павла Ивановича Ягужинскаго и услышавъ отъ него то же заявленіе: «Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли», — резюмировалъ результатъ ночного совѣщанія въ своемъ отвѣтѣ ему такъ: «говорено уже о томъ было, — *но то не надо*». Кто могъ бы думать, что на слѣдующее утро Долгорукій превратится въ сторонника ограниченія царской власти, а Ягужинскій — въ защитника самодержавія?

Какъ бы то ни было, въ первыя минуты Голицынъ не нашелъ себѣ единомышленниковъ среди сочленовъ по совѣту, но имѣлъ ихъ, очевидно, въ совѣтѣ. Вотъ почему онъ поспѣшилъ немедленно вернуть разѣзжавшихся изъ дворца по домамъ генераловъ и сенаторовъ (въ томъ числѣ и Ягужинскаго) и, собравъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вокругъ себя, продолжалъ съ ними начатый безъ нихъ въ совѣтѣ разговоръ о «пунктахъ». По словамъ очевидца, онъ говорилъ имъ, что «станеть-де писать пункты, чтобы не быть самодержавствію».

Въ такой обстановкѣ явился впервые на свѣтъ проектъ верховниковъ. Нельзя не вывести изъ рассказанной сцены, что проектъ составилъ въ головѣ одного Голицына, который пришелъ въ засѣданіе съ готовымъ планомъ дѣйствій, что среди товарищей онъ не встрѣтилъ на первыхъ порахъ сочувствія своему плану и что съ перваго же момента онъ готовъ былъ искать этого сочувствія въ другихъ, менѣе саповныхъ сферахъ. Такъ мало походило все дѣло на заранѣе обдуманнѣе и условленный олигархическій комплотъ.

Однако въ слѣдующія же минуты Голицынъ настоялъ на своемъ и въ совѣтѣ. Когда разѣхались члены сената и генералитета, засѣданіе восьми саповниковъ возобновилось. Они занялись теперь, какъ того желалъ Голицынъ, составленіемъ «пунктовъ». Диктовалъ самъ князь Дмитрій Михайловичъ, а также и Василий Лукичъ, успѣвшій, какъ видно, войти въ его мысли; редактировалъ, по настоянію товарищей, Остерманъ, «яко знающій лучше стиль»; записывалъ правитель дѣлъ верховнаго

совѣта Степановъ, рассказавшій намъ всю эту сцену. Скоро черновая редакція пунктовъ была готова и импровизированное собраніе, проработавъ всю ночь, разѣхалось по домамъ до десяти часовъ утра слѣдующаго дня (19 января), когда было назначено официальное собраніе членовъ сената, синода и генералитета.

III.

Несмотря на стѣсное составленіе первой редакціи «пунктовъ», видно по всему, что содержаніе ихъ было хорошо и давно обдуманно, конечно, Д. М. Голицынымъ. Прибавки, сдѣланныя къ этой редакціи въ утреннемъ засѣданіи совѣта (19 января), были не столько принципиальнаго, сколько чисто-прикладнаго свойства. Они имѣли въ виду установить тѣ дополнительные гарантіи для совѣта, которыя вытекали изъ особенностей личности и положенія избранной императрицы. Анна обязывалась этими прибавками не вступать въ супружество, не назначать наследника, не держать при дворѣ иностранцевъ; въ случаѣ нарушенія «пунктовъ» она объявлялась лишенной короны; наконецъ, гвардія и войска оставались въ вѣдѣніи верховнаго совѣта. Не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ измѣненіяхъ «пунктовъ»; замѣтимъ только, что окончательная редакція ихъ во многихъ случаяхъ возстановила выраженія чернового наброска, составленнаго въ ночь на 19-е января.

Другое, еще болѣе очевидное, доказательство того, что «пункты» были обдуманы Голицынымъ заблаговременно и что въ редакціи ихъ 19 января не было ничего случайнаго, — можно почерпнуть изъ разбора ихъ содержанія. Уже Д. А. Корсаковъ отмѣтилъ несомнѣнное сходство этого содержанія съ государственнымъ строемъ Швеціи, какъ онъ установился въ такъ-называемое «время свободы», т. е. послѣ переустройства 1720 года, окончившаго съ самодержавными реформами Карла XI-го (1680-е годы). Шведскій историкъ Иерне съ документами въ рукахъ произвелъ сличеніе «кондицій» съ соотвѣтственными статьями шведскихъ государственныхъ актовъ: «формы правленія»

1720 года и «королевской присяги» Фридриха I, относящейся къ тому же году *). Если раскрыть ссылки, сдѣланныя Герне, и сопоставить указанныя имъ мѣста шведскихъ актовъ съ русскими «кондиціями», то мы получимъ слѣдующій рядъ параллелей:

Пункты.

Шведскіе источники.

Безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія (объявляемъ):

1. Ни съ кѣмъ войны не вчинять.

2. Миру не заключать.

3. Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податями не отягачать.

R. F. 6. «Также не можетъ Е. Кор. В. безъ предварительнаго обсуждения и согласія государственныхъ сословій пачать войну»...—К. F. 18: «Я не долженъ также начинать никакой войны безъ совѣта государственнаго совѣта и безъ согласія сословій».

R. F. 7. «Такъ какъ заключеніе мира, перемирія или союза не терпятъ иногда ни малѣйшей проволочки, а государственныя сословія не всегда находятся въ сборѣ, когда потребуетъ подобный случай, и не могутъ быть созваны такъ скоро, какъ это нужно, то Е. К. В. совѣщается въ подобныхъ важныхъ случаяхъ съ государственнымъ совѣтомъ и принимаетъ съ нимъ рѣшенія, клонящіяся къ пользѣ государства», доводя, однако, объ этомъ до свѣдѣнія ближайшаго слѣдующаго риксдага.

K. F. 18. «(Я не долженъ также)... издавать приказаній или запрещеній, или дѣлать распоряженія, касающіяся всего государства, по поводу военныхъ вспоможеній, податей, таможенныхъ сборовъ или другихъ налоговъ, поборовъ или иныхъ всеобщихъ тягостей... (безъ совѣта госу-

дарственнаго совѣта» и т. д.).—R. F. 5. «Е. К. В. долженъ охранять и защищать свое государство, особенно отъ иноземной власти и нашествія непріятелей, но онъ не можетъ для этой цѣли налагать на подданныхъ, противно закону и королевской присягѣ, никакихъ военныхъ вспоможеній, податей, таможенныхъ сборовъ, поборовъ и иныхъ налоговъ безъ вѣдома, свободнаго желанія и согласія государственныхъ сословій».

4. Въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не сѣданія совѣта слѣдующимъ образомъ жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять.

R. F. 40. «Всѣ высшія должности, начиная съ полковника до фельдмаршала включительно, и всѣ имъ подобныя какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ сословіи, замѣщаются Его Величествомъ въ законномъ собраніи совѣта слѣдующимъ образомъ: когда открывается вакансія, государственный совѣтъ обязанъ освѣдомиться о заслугахъ и пригодности всѣхъ такихъ лицъ, которыя могутъ быть приняты въ соображеніе при замѣщеніи столь важной должности. Когда Его Величество милостиво предложитъ совѣту, кого онъ соблаговолитъ вспомнить для занятія должности, то совѣтъ заносить о таковыхъ въ протоколъ и не прежде приступаетъ къ голосованію, чѣмъ удостовѣрится, что назначеніе даннаго лица не противорѣчитъ закону и «формѣ правленія» Швеціи, также какъ и заслугамъ другихъ честныхъ подданныхъ. Въ противномъ случаѣ государственный совѣтъ долженъ постановить, чтобы Е. К. В. соблаговолилъ принять во вниманіе соображенія совѣта и указалъ бы на кого-

*) Далѣе буквы R. F. обозначаютъ первый источникъ (Regeringsformen), а K. F.—второй (Konungaförsäkran.). Выраженіе «съ совѣта совѣта» соответствуетъ известной шведской формулѣ: med Råds råde.

нибудь другого», заслужившаго назначеніе и не вызывающаго возраженій. «На всѣ другія должности—коллегіи и другія присутственныя мѣста—указываютъ Его Величеству трехъ разумѣйшихъ, достойнѣйшихъ и наиболѣе подходящихъ для занятія вакансіи кандидатовъ».—К. F. 10. «Относительно назначенія въ государственный совѣтъ и на другія болѣе или менѣе важныя должности я обязуюсь во всѣхъ отношеніяхъ соблюдать «форму правленія» и общаю, что всѣ должности отъ полковника до фельдмаршала и всѣ имъ подобныя будутъ замѣщаться мною въ засѣданіи совѣта по большинству голосовъ».

Гвардіи и прочимъ полкамъ быть подѣлнѣемъ верховнаго тайнаго совѣта. R. F. 25. «Вся государственная армія, морская и сухопутная, должна со всѣми своими высшими и низшими начальствующими присягать на вѣрность Кор. Величеству, государству и сословіямъ по установленной формулѣ».—R. F. 26. «Ни одинъ полковникъ или иной начальствующій не можетъ, безъ приказанія Кор. Величества, даннаго съ совѣта совѣта, собирать распущенныя по домамъ войска для выступленія и похода».

5. У шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отымать. R. F. 2. «Никого не лишать жизни и чести, членовъ или благосостоянія, безъ законнаго уличенія и приговора; также не отнимать и не дозволять отнимать ни у кого имущества, движимаго или недвижимаго, помимо суда и безъ предшествующаго судебнаго приговора».

6. Вотчины и дѣревни не жаловать. K. F. 5. «Я не буду также отдѣлять отъ государства никакихъ княжествъ, об-

ластей, городовъ, замковъ или уѣздовъ, путемъ ли раздѣла по завѣщанію, или путемъ пожалованія или залога».

7. Въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не призывать въ государство, не натурализовать и не назначать ни на какія должности ни внутри, ни внѣ государства, не производить *). K. F. 14. «Обязуюсь никакихъ иноземныхъ князей, принцевъ и иныхъ лицъ не призывать въ государство, не натурализовать и не назначать ни на какія должности ни внутри, ни внѣ государства, не производить *).

8. Государственные доходы въ расходъ не употреблять. R. F. 19. «Когда случится какое-нибудь дѣло, касающееся общественной обороны и требующее значительныхъ расходовъ сверхъ бюджета, разрѣшеннаго сословіями, то E. K. B. созываетъ всѣхъ здѣсь находящихся членовъ государственнаго совѣта, чтобъ обсудить и рѣшить такія и тому подобныя важныя дѣла».

R. F. 31. «Упомянутый бюджетъ не можетъ быть превзойденъ или увеличенъ... Въ бюджетъ входитъ не только извѣстная сумма карманныхъ денегъ для личнаго употребленія E. K. B. по усмотрѣнію, но также ежегодно назначается сумма на чрезвычайные расходы, которою распоряжается E. K. B. съ совѣта совѣта, причемъ соблюдается, чтобъ расходъ всегда соответствовалъ приходу».

K. F. 13. «Государственные доходы въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ могутъ быть употребляемы сверхъ утверж-

*) Этотъ пунктъ вставленъ на утреннемъ засѣданіи. Первоначальная редакція была: „при дворѣ своемъ придворныхъ чиновъ изъ иноземцевъ не держать“. Нельзя не замѣтить, что именно въ этой первоначальной редакціи этотъ пунктъ кондиціи стоитъ ближе къ шведскому постановленію.

деннаго сословія бюджета только съ совѣта совѣта и послѣ надлежащаго голосованія, причемъ соблюдается всяческая бережливость, чтобы расходъ всегда соотвѣтствовалъ приходу»

(въ нумераціи) К. F. 7. «Объявляю, что долженъ быть

II всѣхъ своихъ лишень королевскаго трона и считаются подданныхъ въ не- врагомъ государства тотъ, кто или откры- откровенной своей ми- тою силой, или посредствомъ тайнаго за- лости содержать. А говора захочетъ добиться самодержавія».

буде сего по сему К. F. 22. «И для того, чтобы всѣ го- обѣщанію не испол- сударственныя сословія тѣмъ болѣе увѣ- ню, то лишена буду рились въ искренномъ моемъ попеченіи короны. объ общемъ благѣ, объявляю, что въ

случаѣ еслибы я съ своей стороны на- рушила присягу, сословія освобождаются всецѣло отъ данной ими присяги и клят- вы въ вѣрности».

Самое бѣглое сравненіе русскихъ «пунктовъ» съ ихъ швед- скимъ образцомъ можетъ показать, что верховный совѣтъ вы- бралъ изъ шведскихъ установленій только то, что непосред- ственно опредѣляло долю участія государственнаго совѣта въ верховной власти. Участіе риксдага, т.-е. государственныхъ сословій, совершенно оставлено въ сторонѣ. Значило ли это, какъ заключали враги верховниковъ, что члены верховнаго совѣта «не думали вводить народное владѣтельство, по всю вла- дѣнія крайнюю силу осмочисленному своему совѣту учреж- дали?» Другими словами, дѣйствительно ли верховники хлопотали только о личной выгодѣ и вовсе забыли о «народѣ» въ своемъ конституціонномъ проектѣ?

IV.

Тотъ же авторъ, которому принадлежать приведенныя только- что слова, сообщаетъ и то, что приводили въ свое оправданіе

верховники *). По словамъ Теофана, они «ротились и приси- гали, что они за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся, и жаловались, что напрасно то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщали». По ихъ сло- вамъ, они сдѣлали это потому, что «хотѣли они первѣе иску- сить и отвѣдать, какову себя покажетъ на ихъ предложеніе избираемая государыня; а то увѣдавъ, имѣють они намѣреніе всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагодарасудится къ полезнѣйшему впередъ состоянію государства, обѣщая скоро то учинить и себя, яко невинныхъ, передъ всѣми оправдать».

Были ли эти обѣщанія просто «обманнымъ ловительствомъ», какъ думалъ Теофанъ, или верховники давали ихъ совершенно серьезно,—это видно будетъ изъ дальнѣйшаго ихъ образа дѣй- ствій. Теперь мы посмотримъ, насколько опасеніи враговъ оправдывались самымъ содержаніемъ проекта Голицына.

Какъ видно изъ первой строчки, подъ которую подведены были всѣ 8 «пунктовъ»,—кондиціи опредѣляли только одну частность въ проектированномъ государственномъ устройствѣ. Взятая сама по себѣ, она, конечно, производила то впечатлѣ- ніе, что составители ихъ только и заботились объ огражденіи личности и имущества членовъ верховнаго совѣта. Скоро мы увидимъ, какое роковое значеніе для плана Голицына имѣло это впечатлѣніе, произведенное кондиціями на современниковъ. Но въ наше время, когда давнымъ-давно утихли послѣдніе отголоски страстей, возбужденныхъ замыслами верховниковъ, пора было бы признать, что впечатлѣніе это было если и не совсемъ случайное, то во всякомъ случаѣ очень преувеличен- ное. Современники частью не знали, частью не хотѣли вѣрить, что содержаніе кондицій составляло только часть плана, со- ставленнаго Голицынымъ. Выдвигалъ эту часть впередъ, онъ дѣйствительно руководился тѣми практическими соображеніями, которыя дошли до Теофана. Необходимо было, по его мнѣ- нію, поскорѣе закрѣпить исходный пунктъ уступокъ самодер-

*) Теофанъ Прокоповичъ. См. его „Сказаніе“ въ приложеніи къ „Залискамъ дока Лирійскаго“, пер. Языкова. С.-Пб. 1845 г.

жавной власти. Верховный советъ былъ, во всякомъ случаѣ, единственнымъ налицымъ учрежденіемъ, которое могло договариваться съ императрицей на почвѣ сколько-нибудь похожей на юридическую. Согласіе Анны должно было, какъ казалось верховникамъ, оправдать ихъ инициативу и поставить все дѣло на твердое основаніе. Во ожиданіи же этого согласія верховный советъ приступилъ немедленно къ выработкѣ общаго плана государственной реформы, болѣе широкаго, чѣмъ содержаніе кондицій. Протоколы совета, наполненные всевозможными мелочами по поводу похоронъ Петра II и ожидавшагося пріѣзда императрицы, не сообщаютъ намъ, правда, ничего о ходѣ этого обсуждения. Но мы, тѣмъ не менѣе, знаемъ о немъ кое-что изъ сообщений иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ. Черезъ четыре дня послѣ составленія кондицій, т.-е. уже 23 января, иностранцамъ становится извѣстнымъ, что Голицынъ внесъ на обсужденіе совета свой проектъ новаго государственнаго устройства. По первоначальнымъ предположеніямъ совета, проектъ долженъ былъ быть выработанъ окончательно и опубликованъ 2—3 февраля, т.-е. немедленно послѣ полученія согласія Анны (де-Лирія). Потомъ опубликованіе было отложено до 6—7 февраля (Маньянъ, Дитмеръ). Почему и послѣ этого срока проектъ Голицына остался не опубликованнымъ, будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія событий.

Содержаніе проекта, по сообщеніямъ де-Лирія, Маньяна и Рондо, было слѣдующее *):

1. Императрица лично и безконтрольно распоряжается только своими карманными деньгами (размѣры которыхъ опредѣляются въ 500 тысячъ руб. ежегодно). Она начальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и карауловъ во дворцѣ.

*) Въ скобки поставлены тѣ части проекта, которыя, по тогдашнимъ слухамъ, были введены въ него въ концѣ обсуждения, именно 7-го февраля. Впрочемъ, уже отъ 5-го числа Дитмеръ сообщаетъ о двухъ голосахъ императрицы въ советѣ и объ опредѣленіи размѣровъ ея *liste civile* въ 500.000 рублей. О казначей де-Лирія пишетъ еще 26 января. Классификація содержанія проекта принята нами наша собственная.

2. Верховная власть принадлежитъ императрицѣ вмѣстѣ съ верховнымъ советомъ, который состоитъ изъ 10—12 членовъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. (Императрица имѣетъ въ советѣ только два, по другимъ свѣдѣніямъ три голоса. Иностранцы, за личнымъ исключеніемъ Остермана, въ члены совета не допускаются.) Советъ вѣдаетъ важнѣйшія дѣла по иностранной политикѣ: война, миръ, договоры; онъ же назначаетъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всемпъ войсками (къ числу которыхъ прибавляются два новыхъ гвардейскихъ полка). По другому, болѣе точному извѣстію, войсками начальствуютъ два фельдмаршала, отдающіе отчетъ совету (де-Лирія). Для финансовъ избирается верховнымъ советомъ государственный *) казначей, который долженъ отдавать совету самый точный отчетъ о мельчайшихъ государственныхъ расходахъ.

3. Сенатъ, изъ 30—36 членовъ, предварительно разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ советъ, а также представляетъ высшую судебную инстанцію.

4. Палата низшаго шляхетства, изъ 200 членовъ, охраняетъ права этого сословія, въ случаѣ нарушенія ихъ советомъ. (Всякій знатный шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, наказывается по законамъ, но наказаніе не распространяется на его семейство.)

5. Палата городскихъ представителей, по два отъ каждаго города **), вѣдаетъ торговыя дѣла и интересы простого народа.

Изучая содержаніе проекта въ связи со шведскимъ законодательствомъ, Герне отмѣтилъ и въ этой части Голицынскаго плана рядъ заимствованій. Постановленіе о двухъ голосахъ императрицы въ советѣ соответствуетъ R. F. (1720), 15 ***).

*) У де-Лирія „великій“.

***) По Рондо: „дворянъ или кунцовъ“.

***) „Когда въ советѣ рѣшаются дѣла съ совета совета, что, разумеется, должно всегда производиться посредствомъ голосованія, и если мнѣнія окажутся при этомъ одинаково сильными съ обѣихъ сторонъ, то перевѣсъ получаетъ та сторона, которой Е. К. В. даетъ свое милостивое одобреніе... Но если въ голосахъ обнаружится большее неравенство, то К. В. всегда принимаетъ тотъ советъ, который большинство государственнаго совета признало полезнѣйшимъ“.

Введеніе цивильнаго листа соотвѣтствуетъ R. F. 31 *). По еще любопытнѣе, что какъ по общему характеру, такъ и по нѣкоторымъ частностямъ проектъ Голицына напоминаетъ не современную ему конституціонную Швецію, а старую аристократическую Швецію, какою она была до самодержавныхъ реформъ Карла XI, т.-е. до конца XVII столѣтія. «Отношеніе между верховнымъ совѣтомъ и сенатомъ, — будемъ говорить словами Герне, — напоминаетъ положеніе пяти высшихъ сановниковъ относительно государственнаго совѣта во время регентствъ XVII вѣка. Когда намъ сообщаютъ, что по плану Голицына совѣтъ не нуждался въ присутствіи императрицы, чтобы постановлять окончательныя рѣшенія, то при этомъ вспоминается не только R. F. 16, 1720 года, но еще болѣе сходное постановленіе въ R. F. 15, 1660 года. Что казначей (и также два фельдмаршала, относительно войска) должны давать отчеты совѣту, — это совпадаетъ съ R. F. 18, 1634 г. (ср. также R. F. 13, 1660 г.). Обѣ сословныя палаты, насколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ, должны были, подобно шведскимъ государственнымъ сословіямъ въ малолѣтство Христины и Карла XI, имѣть только контролирующую власть, не стѣсняя этимъ свободы дѣйствій совѣта. Что духовенство не получало своего представительства, — объясняется враждебнымъ отношеніемъ Голицына къ этому сословію. О крестьянахъ, естественно, не могло быть рѣчи въ странѣ, гдѣ они были крѣпостными. Естественными представителями ихъ интересовъ были ихъ шляхетскіе господа, какъ отвѣтственные передъ правительствомъ за сборъ податей».

Такимъ образомъ, проектъ Голицына, какъ въ кондиціяхъ, такъ и въ цѣломъ стоитъ въ ближайшей связи съ политическими тенденціями шведскаго высшаго дворянства. Герне, какъ и Корсаковъ, приходятъ къ тому заключенію, что проектированное Голицынымъ государственное устройство «послало въ цѣломъ аристократическій отпечатокъ». Всего этого невозможно не признавать, и при всемъ томъ можно утверждать, что

*) См. выше, стр. 223.

проектъ Голицына не только не имѣлъ своекорыстно-личнаго характера, но не имѣлъ даже и своекорыстно-сословнаго. На всемъ проектѣ лежалъ отпечатокъ теоретизирующей и идеализирующей политической мысли; этотъ-то отпечатокъ скрывалъ, и можетъ-быть отъ самого автора, реальную узость того сословнаго принципа, на которомъ проектъ былъ построенъ. Среди ожесточенной борьбы реальныхъ интересовъ и политическихъ теорій, какую вызвала попытка верхнихъ, этотъ проектъ быстро заклеивенъ былъ кличкой олигархическаго и тиранническаго. Но когда, задолго до событій, давшихъ возможность попытаться осуществить его, князь Голицынъ обдумывалъ свою политическую теорію, — навѣрное, она представлялась ему весьма радикальной сравнительно съ окружавшею его дѣйствительностью. Эту-то разницу между условіями теоретической разработки и условіями практическаго осуществленія надо имѣть въ виду при историческомъ объясненіи цѣлей князя Голицына. Не только чтобы быть справедливыми при оцѣнкѣ этихъ цѣлей, но даже просто чтобы какъ слѣдуетъ понять ихъ, мы должны поэтому заняться исторіей происхожденія Голицынскаго плана. Для этого намъ надо оставить на время уличную борьбу и перенестись въ уединеніе рабочаго кабинета князя Дмитрія Михайловича.

V.

Для того, чтобы объяснить происхожденіе политической теоріи князя Голицына, у насъ нѣтъ ничего подобнаго тѣмъ допросамъ подъ пыткой, которые съ такою подробностью освѣтили исторію составленія Долгорукими подложнаго завѣщанія. Но кое о чемъ мы можемъ догадываться. Прежде всего, трудно сомнѣваться въ томъ, что основныя черты проекта были готовы раньше, чѣмъ явилась надежда на ихъ осуществленіе. Во время январскихъ и февральскихъ событій 1730 года было бы уже поздно заниматься изученіемъ иностранныхъ законодательствъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ наприм. по вопросу о размѣрахъ цивильнаго листа, дѣлались попытки навести за-

поздалую справку въ иностранныхъ законахъ черезъ резидентовъ, но послѣдніе были очень сдержанны. Дитмеръ писалъ, наприм., 8 февраля: «въ послѣднее время опять старались добыть тѣ или другія шведскія постановленія, и особенно о томъ, какое содержаніе получаетъ дочь короля; объ этомъ просили рижскаго депутата, причемъ, кажется, предполагено было поговорить объ этомъ со мной, но я отклонилъ это». Въ первые дни послѣ переворота Голицынъ обращался и къ Вестфалену съ общимъ вопросомъ: какую форму правленія онъ считаетъ лучшею: шведскую или англійскую. Датскій посланникъ далъ отвѣтъ, который не могъ понравиться Голицыну. Шведская форма правленія, отвѣчалъ онъ,—самая плохая, а англійскую врядъ ли можно ввести въ Россію. Надо замѣтить, что и другіе дипломаты въ первые дни послѣ выбора Анны представляли себѣ дѣло такъ, что вопросъ о выборѣ формъ правленія остается нерѣшеннымъ и верховники колеблются между англійскимъ, шведскимъ и польскимъ образцами. Они даже передавали, что самое избраніе Анны—только временное, до выработки республиканской формы правленія. Несомнѣнно, что иностранные дипломаты говорили, что слышали, и что подобные разговоры ходили въ Москвѣ. Рассказывалъ же нѣкій бригадиръ Козловъ, пріѣхавшій изъ Москвы въ Казань, что Анну Иоанновну при первомъ ничтожномъ нарушеніи условий «вышлютъ назадъ въ Курляндію» и «что она сдѣлана государынею, и то, де, только на первое время: помазка по губамъ». Но все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ взбудоражены были событиями умы московскихъ политикаповъ. Среди верховниковъ колебаній подобнаго рода, навѣрное, не было, и выборъ князя Голицына давно уже остановился на шведскомъ устройствѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно приять въ соображеніе нѣкоторые факты изъ его біографіи и изъ предыдущей исторіи Россіи.

Въ 1730 году Голицынъ былъ шестидесятипятилѣтнимъ старикомъ. Цвѣтущіе годы его жизни прошли въ царствованіе Петра Великаго, старше котораго онъ былъ на дѣлхъ семь

лѣтъ. Двоюродный братъ кн. Василья Васильевича Голицына, онъ раздѣлялъ принципиальное сочувствіе любимца Софьи къ идеѣ преобразованія Россіи, но имѣлъ многое возразить противъ той формы, какую приняло преобразование въ рукахъ Петра. Онъ возмущался тѣмъ, что «иностранцы начали предписывать законы», по-аристократически ненавидѣлъ Меншикова и съ презрѣніемъ стараго русскаго боярина смотрѣлъ на семейныя отрошенія Петра. Какъ умный человекъ, онъ однако умѣлъ припнмать обстоятельства, какъ они были, мирился со многимъ и за то принадлежалъ къ очень немногимъ людямъ, сумѣвшимъ при Петрѣ сохранить независимый образъ мыслей и внушить царю нѣкоторое уваженіе къ себѣ. Его карьера была типичною карьерой петровскаго государственнаго дѣятеля. Начавъ ее, подобно многимъ молодымъ дворянамъ, въ Италіи—съ выучки морского дѣла, онъ былъ затѣмъ дипломатомъ въ Константинополѣ, потомъ сдѣлался образцовымъ губернаторомъ въ Кіевѣ и наконецъ оказался однимъ изъ самыхъ дѣловитыхъ президентовъ въ самой отвѣтственной изъ петровскихъ коллегій—въ камеръ-коллегіи. Тѣ познанія въ государственныхъ наукахъ, которыхъ требовала послѣдняя должность, Голицынъ успѣлъ пріобрѣсти по собственной охотѣ заблаговременно. Еще въ Кіевѣ онъ заставлялъ студентовъ духовной академіи, которымъ протежировалъ, переводить себѣ съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго политическихъ писателей и «усердно занимался ихъ изученіемъ» (Седеркрейцъ). Пуффендорфъ, Томазій, Гроцій, Локкъ, Макіавелли находились въ русскихъ рукописныхъ переводахъ въ его библіотекѣ и должны были познакомиться его съ тогдашнею теоріей государственнаго права. Приложеніе теоріи къ практикѣ началось на его глазахъ и совершалось его руками. Сперва какъ губернаторъ, потомъ какъ президентъ камеръ-коллегіи, онъ призванъ былъ привить къ русской жизни образцы областного и центрального управленія, заимствованные правительствомъ Петра изъ Швеціи. Занявъ президентскій постъ, онъ свелъ личное знакомство и съ однимъ изъ инициаторовъ административной реформы, гамбургскимъ

уроженцемъ Фикомъ. Объ огромномъ значеніи Фика для русской государственной реформы я говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ Фикомъ только какъ съ посредникомъ, черезъ котораго Голицынъ познакомился со шведскимъ государственнымъ правомъ. Седеркрейцъ сообщаетъ намъ, что Голицынъ широко воспользовался матеріалами по государственному праву, вывезенными Фикомъ изъ Швеціи, куда онъ былъ специально командированъ Петромъ. Для своего личнаго употребленія Голицынъ велѣлъ перевести всѣ эти инструкціи, указы и т. д. на русскій языкъ. Но этимъ не ограничивались сношенія Голицына съ Фикомъ. Начальникъ часто приглашалъ къ себѣ подчиненнаго, чтобы воспользоваться его личною бесѣдой. Рѣчь заходила между ними «о старой и новой исторіи, также о различіяхъ между религіями», и гость за трубкой табаку, предложенною любезнымъ хозяиномъ, заспживался далеко за полночь. Не забудемъ, что тотъ же радушный хозяинъ своимъ младшимъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ былъ фельдмаршалъ, а другой — сенаторъ, не позволялъ въ своемъ присутствіи садиться безъ specialнаго приглашенія, а всѣхъ младшихъ родственниковъ заставлялъ цѣловать себѣ руку.

О чемъ собственно могла идти рѣчь въ этихъ ночныхъ бесѣдахъ, легко представить себѣ, если вспомнимъ, что Фикъ въ Швеціи «получилъ вкусъ къ республиканскому правленію», а въ религиозныхъ вопросахъ былъ свободнымъ мыслителемъ, что тогда значило — быть совершеннымъ матеріалистомъ, и не держалъ своихъ воззрѣній въ секретѣ. Конституціонное прошлое Швеціи, о которомъ Фикъ постоянно говоритъ въ своихъ докладахъ Петру, было ему хорошо извѣстно, — можетъ-быть лучше, чѣмъ ея настоящее, т.-е. чѣмъ переворотъ, совершившійся въ 1720 г., уже послѣ его поѣздки въ Швецію. Въ этомъ переворотѣ Фикъ долженъ былъ узнать и привѣтствовать возвращеніе къ старымъ, болѣе свободнымъ политическимъ формамъ, уничтоженнымъ въ концѣ XVII вѣка Карломъ XI. Для Петра Великаго это не годилось, да Фикъ и не успѣлъ тогда еще получить точныхъ свѣдѣній о переворотѣ. Петру нужна была для

заимствованій именно Швеція Карла XI-го, нужна была бюрократическая, а не конституціонная монархія. Сообразно съ этимъ, самъ Фикъ заявлялъ въ послѣдствіи на официальномъ допросѣ, что при Петрѣ онъ былъ больше бюрократомъ, чѣмъ либераломъ. Однако въ одномъ изъ своихъ донесеній Петру онъ хотя робко, но все же довольно опредѣленно совѣтовалъ учредить нѣсколько «высшихъ инстанцій», между которыми слѣдовало распределить «выполненіе» распоряженій, вытекающихъ изъ царской прерогативы. Послѣ смерти Петра Фикъ сталъ смѣлѣе; несомнѣнно, при его участіи была дѣйствительно учреждена такая высшая инстанція — «верховный тайный совѣтъ». Иностранцы довольно единодушно считали учрежденіе верховнаго совѣта «первымъ шагомъ къ измѣненію формы правленія — по образцу Англіи или Швеціи». Смыслъ этого измѣненія они столь же единодушно видѣли въ «уменьшеніи деспотической власти государя» и въ уничтоженіи тиранин временщиковъ. Одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ даже предсказывалъ, что московскіе бояре кончатъ тѣмъ, что захватятъ верховную власть и «заставятъ дать себѣ прерогативы, какія сочтутъ необходимыми для устройства правленія, подобнаго англійскому» *). Очевидно, «московскіе бояре» и вліятельнѣйшій изъ нихъ, кн. Д. М. Голицынъ, не скрывали своихъ дальнѣйшихъ намѣреній; тотъ же иностранный дипломатъ, еще до учрежденія верховнаго совѣта, замѣчалъ, что они ждуть для измѣненія формы правленія перваго внутренняго замѣнательства.

Итакъ, вотъ съ которыхъ поръ — съ самой смерти Петра *** — князь Д. М. Голицынъ выжидалъ удобной минуты, чтобы осуществить свой проектъ государственной реформы. «Кондиція» должны были только довершить то, что начато было учрежде-

*) Подробнѣе объ условіяхъ, при которыхъ возникъ верховный совѣтъ, и о роли Фика при его учрежденіи см. въ моей книгѣ: „Государственное хозяйство Россіи“, стр. 675—679.

**) Лефортъ, отъ 5 февр.: Depuis Pierre I il a toujours eu en vue de tronquer la souveraineté.

ніем «верховнаго совѣта». Если въ учрежденіи совѣта мы могли съ большою вѣроятностью предположить участіе Фика, то въ составленіи Голицынскаго конституціоннаго проекта его участіе является вполне несомнѣннымъ. Несомнѣннымъ оно было уже для всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай наблюдать поведеніе Фика въ эти недѣли.

Фикъ оставался въ Петербургѣ, когда въ Москвѣ, неожиданно для всѣхъ, началось государственное «дѣйство». При первыхъ извѣстіяхъ о готовящемся переворотѣ онъ не могъ скрыть своей радости. Въ самомъ засѣданіи коммерцъ-коллегіи, вице-президентомъ которой онъ былъ съ 1726 года, онъ громко читалъ своимъ сослуживцамъ знаменитые «пункты» и «хвалился, что далъ къ тому поводъ». Нѣсколько позже шведскій резидентъ въ Петербургѣ, Моріанъ, доносилъ, что Фика считали «стоявшимъ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ 28 господъ, стремившихся къ свободѣ и положившихъ начало отмѣнѣ самодержавія, для чего стат. совѣт. Фикъ не только указалъ, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлалось и устанавливалось въ другихъ государствахъ, но и самъ изготовилъ нѣсколько пунктовъ и условий, ограничивавшихъ ея величество». Можетъ-быть и эти свѣдѣнія были почерпнуты изъ «похвальбы» Фика *).

*) Моріанъ доноситъ далѣе: „Замѣчательно, что когда я въ послѣднюю Пасху, по обычаю страны, поздравлялъ съ праздникомъ адмирала Сиверса, онъ прямо началъ говорить объ этомъ и спрашивать о причинахъ послѣдшаго возвращенія Фика изъ Москвы (см. слѣд. стран.), которыя я ему и изложилъ, какъ слышалъ отъ самого Фика. Адмиралъ при этомъ принялъ видъ особой довѣренности и фамиллярности, потренилъ меня по плечу и сказалъ: вотъ такъ-то все вы, господа дипломаты. Я— морякъ, а потому имѣть ничего удивительнаго, что я прямо и ничего не скрываю. И онъ повторилъ разсказанныя выше обоготельства относительно соучастія Фика со многими въ отмѣнѣ самодержавія. При этомъ онъ какъ бы желалъ, чтобы я признался, или что я тоже слышалъ, что г. Фикъ самъ этимъ хвалился, или что я другимъ путемъ имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ, говоря, что все это не могло остаться мнѣ неизвѣстнымъ, такъ какъ я каждый день бывалъ въ домѣ у Фика. Я отвѣчала, что ничего подобнаго не слышалъ отъ другихъ, а тѣмъ болѣе отъ самого Фика, котораго я считаю достаточно благоразумнымъ, чтобы не открываться въ такомъ деликатномъ дѣлѣ иностранцу“. Минихъ, какъ оказалось, такого же мнѣнія о Фикѣ, хотя „говоритъ объ этомъ осторожно, чѣмъ другіе“.

Близкія отношенія Фика къ перевороту обнаружались, далѣе, и въ томъ, что Фикъ не успѣлъ въ Петербургѣ. Въ самый разгаръ зими онъ поѣхалъ въ Москву, очевидно съ намѣреніемъ принять дѣятельное участіе въ событіяхъ. Но событія шли быстро, и когда Фикъ пріѣхалъ въ Москву, здѣсь все уже было кончено. Ему оставалось только объяснить благовиднымъ образомъ свой пріѣздъ и постараться стать въ хорошія отношенія съ новымъ правительствомъ. Этого ему, однако, уже не удалось сдѣлать. Его противники выставили его, — очевидно, не безъ основанія, — соучастникомъ кн. Д. М. Голицына. Въ аудіенціи у государыни ему было отказано. Выбѣсто того, на квартиру къ нему явился офицеръ съ четырьмя солдатами, съ повелѣніемъ немедленно отвезти его назадъ въ С.-Петербургъ *). Въ концѣ 1731 года онъ былъ судимъ отдѣленіемъ коллегіи по лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ. Хотя слѣдствіе и не могло увлечь его ни въ чемъ другомъ, кромѣ легкомысленныхъ разговоровъ, онъ все-таки былъ осужденъ (12 февраля 1732 г.) на пожизненную ссылку съ отнятіемъ всѣхъ пожалованныхъ ему имѣній. Онъ прожилъ около Тобольска до 1743 г. Елизавета, вступивши на престолъ, «вспомнила о старомъ, усердномъ слугѣ голштинскаго дома». Фикъ былъ возвращенъ и получилъ часть своихъ лифляндскихъ имѣній. Онъ дожилъ до 1750 года, сохранивъ до послѣднихъ дней атеистическій образъ мыслей и бодрое настроеніе.

Возвращаясь къ проекту Голицына, мы поймемъ теперь, почему этотъ проектъ напомнилъ шведскому изслѣдователю старинную «форму правленія» 1634 года и вообще шведскій аристократическій строй временъ регентствъ. Объ этомъ строѣ Фикъ бесѣдовалъ съ Голицынымъ задолго до того времени, когда оба они получали точныя извѣстія о переворотѣ 1720 года. Вотъ почему Голицынъ, дѣлая заимствованія изъ государственныхъ актовъ 1720 года, не забылъ и тѣхъ переводовъ съ оригиналовъ, вывезенныхъ Фикомъ изъ Швеціи, по кото-

*) Все это, по сообщенію Дитмера отъ 26 марта. у Герне, стр. 269.

рымъ онъ впервые познакомился съ основными чертами шведской конституціи. Первая впечатлѣнія, очевидно, и въ этомъ случаѣ были самыми сильными.

Принимая такое объясненіе, мы уже не будемъ имѣть нужды объяснять подборъ источниковъ, сдѣланный Голицынымъ*), какими-нибудь его олигархическими симпатіями. Несомнѣннымъ кажется намъ, что и въ дѣлахъ задуманнаго переворота не было ничего олигархическаго. Цѣли эти всѣми сторонами «кондицій» понимались совершенно одинаково. «Нынѣ имперія Россійская стала сестрица Швеціи и Польшѣ,—разсуждалъ въ Петербургѣ по этому поводу Фикъ:—россіяне цынѣ умны, понеже не будутъ имѣть фаворитовъ такихъ, какъ были Меншиковъ и Долгорукій, отъ которыхъ все зло происходило». А другой авторъ «пунктовъ», самъ Голицынъ, въ тѣ же самые дни въ Москвѣ убѣждалъ всѣхъ и каждаго, что «отнынѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ». Братъ Дмитрія Михайловича, фельдмаршалъ Голицынъ, развивалъ подробнѣе преимущества новой формы правленія передъ Дитмеромъ. Съ этихъ поръ, разсуждалъ онъ, не будетъ болѣе произвольныхъ казней, ссылки, конфискацій; мало того, новое правительство всячески будетъ стараться уменьшить ненужные расходы, запретить лишніе поборы, дать свободу торговлѣ, обезпечить каждому сохранность его имущества и понизитъ неслыханную высоту процента путемъ учрежденія банка. Отъ начинателей то же радужное настроеніе распространялось и на ихъ сторонниковъ. Извѣстный уже намъ бригадиръ Козловъ съ восторгомъ рассказывалъ казанскимъ обывателямъ, что государыня теперь «ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ взять», не будетъ раздавать деревень и денегъ, не будетъ приближать ко двору своихъ свойственниковъ,— словомъ, говорилъ Козловъ, «теперь у насъ правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ; и уже больше Бога не надобно

*) Или, можетъ-быть, Фикомъ для Голицына?

просить, кромѣ чтобы только между главными согласіе было. А если будетъ между ими согласіе такъ, какъ положено, то, конечно, никто сего опровергнуть не можетъ». «Если будетъ согласіе», то предполагаемая реформа должна осуществиться: это повторяли, подобно бригадиру Козлову, и многіе изъ иностранныхъ дипломатовъ. Верховники сказали свое слово. Превратится ли слово въ дѣло,—это зависѣло теперь отъ того, что скажетъ русское общество.

VI.

По случаю предполагавшагося бракосочетанія Петра II, въ Москвѣ собралось въ январѣ 1730 года все, что было влиятельнаго и выдающагося въ Россіи. Здѣсь были члены сената и сипода, генералитетъ съ третьимъ фельдмаршаломъ во главѣ, кн. Трубецкимъ, не введеннымъ въ верховный совѣтъ и по-этому жестоко обиженнымъ,—многіе изъ представителей высшей администраціи и наконецъ шляхетство не только гвардейское, но и армейское и даже частью отставное. По расчету проф. Корсакова, изъ 170 человекъ, составлявшихъ, за вычетомъ верховниковъ, тогдашній «генералитетъ»*), 87 человекъ присутствовали въ Москвѣ и принимали участіе въ московскихъ совѣщаніяхъ шляхетства. Штабъ- и оберъ-офицеровъ тотъ же авторъ по присяжнымъ листамъ насчитываетъ до 2.000 человекъ; а подъ проектами, представленными въ совѣтъ шляхетствомъ, находимъ до 1.100 подписей. Очевидно, московскія событія задѣли шляхетство за живое**).

*) Т.-е. первые четыре класса по табели о рангахъ.

**) Въ своей рецензіи на книгу проф. Корсакова проф. Загоскинъ обратилъ вниманіе на то, что многіе подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проектами: именно изъ 515 лицъ, подписавшихся подъ восемь проектами, болѣе трети, 183 лица, подписались по нѣскольку разъ («Верховники и шляхетство», стр. 23). Проф. Загоскинъ заключилъ изъ «этого курьезнаго факта», что шляхетство подписывалось, нѣсколько не интересуясь содержаніемъ проектовъ и относился къ нимъ индифферентно: «сегодня пріятель подсунулъ проектъ,—надо его подписать; завтра предлагаетъ подписать проектъ начальника или

Волнение среди собравшагося въ Москву общества началось, дѣйствительно, тотчасъ же, какъ только распространились слухи о намѣреніяхъ верховниковъ. Яркая картина этого волненія набросана Теофаномъ. Одна часть московской интеллигенціи была несогласна въ принципѣ съ верховниками, желая «старое и отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно». Другая, притомъ болѣе многочисленная и болѣе вліятельная, готова была признать пользу реформы, но была обижена тѣмъ, что ей мнѣнія не спросили. «Передѣлывать составъ государства» въ небольшомъ кружкѣ—значило, какъ она полагала, брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность. «И хотя бы она преполозное нѣчто усмотрѣла, однакожь скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать — неприятно то и смрадно пахнетъ», разсуждали московскіе конституціоналисты изъ генералитета и шляхетства.

Естественно, что недовольство обѣихъ партій усилилось, когда стало извѣстно содержаніе «кондицій». Защитники самодержавія видѣли въ нихъ раздѣлъ власти между восемью лицами, вызванный «несытымъ лакомствомъ и властолюбіемъ» верховниковъ. Въ результатѣ этого раздѣла они предсказывали междоусобныя войны, возвращеніе Россіи въ тотъ «скарелный» видъ, который она имѣла, «когда на многая княженія расторгнута бѣдствовала», всеобщую анархію и т. д. Съ другой сто-

лице, отказъ которому неудобно по личнымъ или социальнымъ отношеніямъ, -- подписывается другой проектъ», и т. д. Этими индифферентизмомъ проф. Загоскинъ объясняетъ и «ту простоту и легкость», съ какими шляхетство, за нѣсколько дней до того подписавшееся подъ различными проектами, яко бы выражавшими ихъ «политическое умонастроеніе», 25 февраля... не задумалось поднести Аппѣ Ивановѣ «полное самодержавіе». Одна изъ цѣлей этой статьи — показать, что всѣ эти факты допускаютъ и иное объясненіе. При менѣе механическомъ сопоставленіи проектовъ, при болѣе внимательномъ изученіи ихъ генезиса и взаимной связи — подписываніе нѣсколькихъ проектовъ доказываетъ, какъ увидимъ, не равнодушіе, а напротивъ напряженный интересъ, съ какимъ шляхетство слѣдило за быстро развивавшимися событіями и старалось къ нимъ приспособиться. Насколько стойко было шляхетство въ своихъ главныхъ требованіяхъ, видно будетъ изъ всего дальнѣйшаго изложенія.

роны, люди, сочувствовавшіе ограниченію самодержавія, не находили въ планѣ Голицына достаточныхъ гарантій законности. «Кто намъ поручится, — спрашивали они, — что со временемъ, вмѣсто одного государя, не ляжетъ столько тиранновъ, сколько членовъ въ совѣтъ, и что они своимъ притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства? У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены станутъ сами издавать законы, то они во всякое время могутъ ихъ уничтожить» *). Надо сказать, что эти замѣчанія прямо указывали на самый существенный пробѣлъ въ проектѣ Голицына, отмѣченный и повѣйшимъ историкомъ (Лерне). Дѣло въ томъ, что не только въ «пунктахъ», но и въ полномъ проектѣ Голицына вопросъ объ организаціи законодательной власти оставался совершенно обойденнымъ; между тѣмъ, соответственныя постановленія существовали, конечно, въ шведскихъ источникахъ Голицынскаго проекта.

Оспаривая право совѣта на законодательную власть въ будущемъ, конституціонная партія оспаривала также его право на учредительную власть въ настоящемъ. Она полагала, что новое государственное устройство должно быть выработано особымъ учредительнымъ собраніемъ, болѣе широкимъ, чѣмъ совѣтъ, по социальному составу. Законодательная власть въ будущемъ строѣ также не должна была быть монополіей какой-либо правящей корпораціи, а достояніемъ «общенароднаго» правительства. Этого рода возраженій противъ своего проекта Голицына съ Фикомъ навѣрное не предвидѣли. Тѣмъ, кто захотѣлъ бы, на этомъ основаніи, обвинять Голицына въ узости взглядовъ, пришлось бы обвинить въ такой же узости и взгляды ихъ противниковъ, такъ какъ подъ «общенародіемъ» московская конституціонная партія разумѣла шляхетство и, заговоривъ объ общенародныхъ гарантіяхъ, кончила выработкой проекта дворянскихъ льготъ. Интересы другихъ сословій за-

*) Лефорть, отъ 26 января.

нимали московское шляхетство врядъ ли въ большей степени, чѣмъ кн. Голицына.

Въ ночныхъ собраніяхъ шляхетства дѣло не ограничивалось, однако, теоретическими разсужденіями. Московскіе кружки рѣшились дѣйствовать и, въ этомъ случаѣ, опять раздѣлились на два лагера. Принципіальные противники проекта верховниковъ склонялись къ «дерзкому» рѣшенію: «на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть внезапно оружною рукою и, если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать». Сторонники ограниченія царской власти предпочитали «другое мнѣніе—кроткое»: явиться въ верховный совѣтъ и убѣдить верховниковъ—«призвать ихъ въ свое дружество» и дѣйствовать сообща. Но первое мнѣніе казалось многимъ слишкомъ «лютымъ и удачи неизвѣстной», другое, напротивъ, слишкомъ «слабымъ и недѣйствительнымъ»; время проходило въ разговорахъ и «все ихъ дѣйствіе день по дню знатно простывало», по выраженію Оеофана.

Верховный совѣтъ также не оставался въ бездѣйствіи. По картинному описанію того же Оеофана, верховники были «не безъ страха, когда не знали они, какъ дремливо было противниковъ дѣйствіе; но когда сіе узнали, показывали себя грозныхъ и яростныхъ. Нарочно отъ нихъ разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ: и что мятежныя ихъ сонмища верховному совѣту гораздо вѣдомы; и что непокойныя оныя головы судятся яко неприятели отечества, и скоро пошлется—или уже и послано—ловить ихъ за арестъ; и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются; и что никому изъ нихъ утѣться и избѣжать бѣды нельзя, понеже немногіе пойманые покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится, кто каковой казни достойны будутъ». Дѣйствуя, такимъ образомъ, страхомъ на сторонниковъ самодержавія, совѣтъ старался привлечь къ себѣ конституціонную партію убѣжденіями и обѣщаніями. Верховники соглашались отдать вопросъ о новомъ государственномъ устройствѣ на обсужденіе «всѣхъ

чиновъ», какъ только получено будетъ извѣстіе о согласіи императрицы на посланные къ ней «пункты». Въ ожиданіи отвѣта Анны, члены совѣта обсуждали,—конечно, въ неофициальныхъ засѣданіяхъ,—конституціонный проектъ, предложенный Голицынымъ.

Перваго февраля согласіе Анны на предложенныя ей кондіціи было, наконецъ, получено. На второе число, въ 9 час. утра, было назначено торжественное засѣданіе совѣта для выслушанія вѣстей изъ Митавы. На это собраніе приглашены были въ совѣтъ члены сената, синода, генералитета до бригадирскаго чина, президенты коллегій и гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ. Разносившіе повѣстки словесно сообщали, что въ засѣданіи «о государственномъ установленіи совѣтовать будутъ». Замѣчено было также, что въ повѣсткахъ вмѣсто официального выраженія: «совѣтъ указываетъ»—употреблено было болѣе мягкое: «призываетъ».

Конституціонная партія, составлявшая большинство, по свидѣтельству ея противника Оеофана, выводила изъ этихъ признаковъ, что совѣтъ «въ затѣйкахъ своихъ раскаялся и хочетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались». Непримиримые противники верховнаго совѣта, напротивъ, убѣждали всѣхъ не идти на засѣданіе, «внушая, что новая верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе»,—именно, что они хотятъ вынудить согласіе на свои «затѣйки», а «противящихся себѣ вдругъ придавить».

Обѣ партіи были по-своему правы. Своихъ противниковъ совѣтъ, дѣйствительно, хотѣлъ запугать страхомъ. Въ переходахъ, сѣняхъ и даже въ самой залѣ засѣданія совѣта въ кремлевскомъ дворцѣ разставлены были войска. Верховники рѣшились осуществить свои угрозы: въ самомъ засѣданіи былъ арестованъ одинъ изъ самыхъ видныхъ сторонниковъ самодержавія, Ягужинскій. Но, съ другой стороны, конституціонная партія имѣла полное основаніе смотрѣть на засѣданіе 2-го февраля какъ на исполненіе даннаго верховниками обѣщанія. Смыслъ этого обѣщанія понимался, правда, верховниками и конститу-

ціонною партією весьма различно. Ничего подобного «раскаланию» и «просьбамъ о прощеніи» московскимъ конституціоналистамъ не пришлось выслушать на засѣданіи. Засѣданіе началось того, что прочтены были кондиціи и письмо Анны, заготовленное еще въ Москвѣ верховниками и представлявшее «кондиціи» добровольною уступкою со стороны императрицы. Потомъ кн. Голицынъ сказалъ рѣчь, въ которой было больше красивыхъ фразъ, чѣмъ опредѣленныхъ обязательствъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ выражалъ надежду, что присутствующіе, «какъ дѣти отечества», будутъ искать общей пользы и благополучія государству. Затѣмъ наступило неловкое молчаніе. Напрасно Голицынъ нѣсколько разъ принимался говорить о милости и благодѣяніи императрицы, о будущемъ благоденствіи и процвѣтаніи Россіи,—онъ не встрѣтилъ ни возраженій, ни поддержки. Настроеніе собранія было явно враждебное совѣту и плохо гармонировало съ демонстративнымъ восторгомъ, обнаруженнымъ кн. Голицынымъ. Партія самодержавія была поражена согласіемъ императрицы на уступки; партія ограниченія власти ожидала перваго шага на встрѣчу со стороны совѣта. Верховникамъ самимъ, наконецъ, сдѣлалось неловко: они, какъ говоритъ Оеофанъ, «тихо шѣпчутъ одинъ другимъ пошептывали, и остро глазами поглядывали, притворялись, будто и они яко невѣдомой себѣ и печальной вещи удивляются» холодности собранія. Наконецъ, кн. Голицынъ сталъ «нарекать»: «для чего никто ни одного слова не проговорить? Извольте бы сказать, кто что думаетъ, хотя и шѣпчутъ де ничего другого говорить, только благодарить той милосердной государынѣ». Среди общаго молчанія какой-то смѣльчакъ изъ сторонниковъ самодержавія «тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: «не вѣдало де и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать». Наступила новая пауза. Тогда кн. А. М. Черкасскій, человѣкъ лишенный обыкновенно всякой инициативы, выступилъ съ вопросомъ: «какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣеть?» Въ неловкой формѣ—это было, очевидно, тотъ вопросъ объ организаціи

учредительной и законодательной власти, который раздѣляли верховниковъ и конституціонное большинство московскаго шляхетства. Будучи *первымъ* официальнымъ заявленіемъ конституціонной партіи, этотъ вопросъ вызвалъ и первую официальную уступку ей со стороны верховниковъ. Отъ лица совѣта Голицынъ предложилъ представителямъ этой партіи, «чтобы они, ища общей государственной пользы и благополучія, написали проектъ отъ себя и подали на другой день». Сдѣлавъ эту уступку, Голицынъ, вѣроятно, полагалъ, что исполняетъ этимъ вполне обѣщаніе, данное своимъ единомышленникамъ изъ шляхетства,—допустить ихъ къ участію въ обсужденіи новаго государственнаго устройства. Мы скоро увидимъ, что шляхетство думало объ этомъ совершенно иначе.

Какъ бы то ни было, вопросъ о государственной реформѣ вступалъ теперь въ новый фазисъ. Верховный совѣтъ призналъ голосъ, но крайней мѣрѣ совѣщательный, за другой общественной группой, помимо себя. Получивъ официальное разрѣшеніе выработать свой собственный проектъ, руководители конституціонной партіи были вполне готовы къ тому, чтобы воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ немедленно.

VII.

«24 ноября» (т.-е. пять дней спустя послѣ смерти Петра),—писалъ шведскій посланникъ Дитмеръ,—встрѣтился со мной статскій совѣтникъ Татицевъ *) и сказалъ, что за день передъ тѣмъ онъ читалъ кое съ кѣмъ шведскую «форму правленія» (конечно, 1720 года) и въ ней нашелъ ссылки на различныя другія распоряженія и постановленія риксдаговъ, которыхъ здѣсь не достанешь. Поэтому онъ просилъ меня добыть ихъ, говоря, что охотно заплатитъ, что они будутъ стоять». Ловкій дипломатъ «отвѣтилъ, что не знаетъ хорошенько, какія собственно распоряженія и постановленія риксдаговъ цитируются въ «формѣ правленія», но наведеть справки и потомъ при

*) Известный русскій историкъ.

случаѣ дать отвѣтъ, а между тѣмъ справится у Остермана, могутъ ли подобныя послышки быть доставлены почтой». «Но упомянутый статскій совѣтникъ,—прибавляетъ не безъ скрытой ироніи Дитмеръ,—полагалъ, что нѣтъ надобности сообщать объ этомъ кому бы то ни было, но что онъ готовъ заплатить издержки и въ другой разъ поговорить объ этомъ подробнѣе».

Это любопытное извѣстіе приводитъ насъ прямо къ самому центру политическаго броженія шляхетства и, можетъ-быть, въ самый моментъ образованія этого центра. Бесѣды Татищева «кое съ кѣмъ» имѣли очень важныя и видныя послѣдствія. Разговоровъ, конечно, вообще было много; но когда настало время дѣйствовать, первымъ началъ дѣйствовать кружокъ Татищева. Въ засѣданіе 2-го февраля Татищевъ не могъ быть приглашенъ, будучи только статскимъ, а не дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; но другіе участники его бесѣды явились и, повидимому, съ заранѣе условленнымъ планомъ дѣйствій. Только такимъ предварительнымъ уговоромъ можно объяснить заявленіе князя Черкаскаго. Получивъ разрѣшеніе написать проектъ, бывшіе въ засѣданіи сторонники конституціонной партіи собрались немедленно послѣ засѣданія въ домѣ одного изъ участниковъ—сенатора В. Я. Новосильцова. Въ этомъ «немаломъ собраніи» докладчикомъ выступилъ Татищевъ и предложилъ собранію свои соображенія, заранѣе заготовленныя, по четыремъ пунктамъ. Онъ ставилъ, во-первыхъ, вопросъ, кому принадлежитъ власть по кончинѣ государя «безнаслѣдственнаго», и рѣшалъ этотъ вопросъ,—съ своей любимой точки зрѣнія «естественнаго права» *);—въ томъ смыслѣ, что кончина государя «подданныхъ отъ присяги освобождаетъ» и власть переходитъ къ «общенародію»; существующія же учрежденія сохраняютъ, для поддержанія порядка, лишь ту власть, которую имѣли «по прежнимъ законамъ». Этимъ разрѣшался и второй вопросъ: «кто въ такомъ случаѣ можетъ законъ или обычай застарѣлый перемѣнить и новый учинить?» «Никто не

*) См. объ этомъ въ моей статьѣ: „Главные теченія русской исторической мысли въ XVIII и XIX в.“— въ *Русской Мысли* 1893 г., № 5.

можетъ, развѣ общенародное соизволеніе», отвѣчалъ Татищевъ. Такимъ образомъ и избраніе государя «по закону естественному должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ,—нѣкоторыхъ персонально, другихъ же черезъ повѣренныхъ». Присвоивъ исключительно себѣ право—опредѣлять наслѣдованіе престола, верховники нарушили права «шляхетства и другихъ сановъ», которые должны «опое свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоисѣть». Впрочемъ, за этимъ возраженіемъ кружокъ оставлялъ только формальное значеніе *), признавая, что въ данномъ случаѣ «весь народъ персоною ея величества доволенъ, и никто не спорить». Важнѣе, по мнѣнію шляхетства, другое злоупотребленіе совѣта: самовольное измѣненіе формы правленія. Въ этомъ вопросѣ шляхетство имѣетъ право «прилежностію разсмотрѣть и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ». Такимъ образомъ, шляхетство должно рѣшить еще третій и четвертый вопросы, поставленные Татищевымъ въ логическомъ порядкѣ. Если необходимо перемѣнить «самовластное древнее правительство», то какая форма правленія «по состоянію народа» должна быть признана наилучшею? Кому и какимъ образомъ должно «сочинить» новый государственный строй?

Наилучшею формой правленія Татищевъ призналъ,—какъ признавалъ и всегда,—монархію. «Къ перемѣненію правительства,—заявлялъ онъ,—никакой пужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Этотъ пунктъ вызвалъ горячіе споры, характеризующіе политическую неподготовленность тогдашней московской интеллигенціи. Для самого Татищева было, повидимому, не всегда ясно въ этомъ спорѣ, какую монархію онъ защищаетъ: неограниченную или конституціонную. Для его противниковъ, въ свою очередь, тоже было неясно, противъ чего и во имя чего они возражаютъ: противъ ли неограниченной монархіи во имя конституціонной, или противъ конституціонной монархіи во имя республики. Татищевъ понималъ

*) „Только сіе должно протестовать для предка“.

ихъ возрѣнія, повидимому, въ послѣднемъ смыслѣ и, защищая монархію противъ республики *), забывалъ, кажется, въ жару спора, какую монархію защищаетъ, конституціонную или неограниченную. Возраженія противъ монархіи состояли въ томъ, что дать «единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ», какъ бы онъ ни былъ добродѣтелемъ, опасно, такъ какъ и такой человѣкъ можетъ дать волю своимъ страстямъ и произволу; что при подобной формѣ правленія приходится терпѣть отъ временщиковъ и тайныхъ канцелярій. Татищевъ отвѣчалъ на это, что на произволъ монарха надо смотрѣть какъ на Божеское наказаніе; что временщики, и притомъ болѣе опасные, могутъ явиться также и въ республикѣ; что тайная канцелярія не можетъ быть вредна, если поручить ее «человѣку благочестному», а дурные начальники «не долго тѣмъ наслаждаясь, сами исчезаютъ». Какъ видимъ изъ этихъ отвѣтовъ, Татищевъ былъ не особенно опытнымъ конституціоналистомъ и врядъ ли успѣлъ еще самъ для себя уяснить, какъ мирится его всегдашняя идея о пользѣ самодержавія для Россіи съ предполагавшимся ограниченіемъ самодержавной власти. Какъ бы то ни было, рѣчь идетъ, очевидно, не о защитѣ монархіи противъ конституціонныхъ стремленій, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, отвѣчая на четвертый вопросъ, Татищевъ развилъ собственную свою конституціонную теорію.

Переходъ отъ защиты монархіи къ мотивировкѣ конституціоннаго проекта сдѣланъ былъ, правда, тоже не особенно ловко. Новое устройство учреждается, по Татищеву, «для помощи ея величеству», — *«на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ»*. Такимъ образомъ, ограниченіе

*) Этой неясности способствовала самая терминологія и классификація государственныхъ формъ, принята Татищевымъ. Онъ различаетъ три основныя формы: монархію, аристократію и демократію. Верховники, по этой терминологіи, «держали единовластительство оставить и ввести аристократію». Между тѣмъ, по его же словамъ въ другихъ мѣстахъ „Разсужденія“, выходитъ, что „аристократія“ и даже „демократія“ не исключаютъ „монархіи“; такъ въ Англіи совмѣщаются всѣ три формы: король, палата лордовъ („аристократія“) и палата общинъ („общенародіе“ или демократія).

самодержавія оправдывается тѣмъ, что императрицей выбрана герцогиня курляндская, которая, «какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче-жь ей знанія законовъ не достаетъ». Покончивъ съ этимъ затруднительнымъ пунктомъ, Татищевъ снова становится на принципиальную точку зрѣнія. Для обсужденія новаго государственнаго устройства онъ предлагаетъ «требовать» отъ верховнаго совѣта немедленнаго созыва выборныхъ отъ шляхетства, въ количествѣ не менѣе ста человѣкъ.

Такъ рѣшался вопросъ о томъ, кому сочинять новое устройство. На вопросъ о томъ, какъ его сочинять, Татищевъ отвѣчалъ, предвѣщая результаты обсужденія предложенной имъ учредительной комиссіи, — готовымъ проектомъ. По этому проекту верховный совѣтъ упразднился и во главѣ государства, «въ помощь ея величеству», учреждались двѣ палаты. «Вышнее правительство», или сенатъ, должно было состоять изъ 21 члена, включая сюда весь наличный составъ верховнаго совѣта. «Нижнее правительство», изъ 100 членовъ, занималось «внутренней экономіей» и для этого дѣлилось на три группы. Каждая треть засѣдала въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Три раза въ годъ, для важныхъ дѣлъ, а также въ экстренныхъ случаяхъ, наприм. войны, кончины государя, собирался весь составъ нижняго правительства: это «вышнее собраніе» могло засѣдать не болѣе мѣсяца. Для выбора членовъ обѣихъ палатъ и для замѣщенія важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, «вышнее правительство» соединяется въ общее засѣданіе съ нижнимъ и присоединяетъ къ себѣ: для высшихъ военныхъ должностей — всѣхъ генераловъ, для высшихъ гражданскихъ (президентовъ и вице-президентовъ коллегій) — всѣхъ президентовъ коллегій. Законодательная власть, собственно говоря, «состоитъ единственно во власти монаршеской», и по отношенію къ ней опять начинаются колебанія Татищева между конституціонализмомъ и монархизмомъ. Необходимость создать для законодательной власти специальный органъ онъ доказываетъ двойкаго рода соображеніями: съ одной стороны личными, съ другой — принци-

пiальными. «Какъ ея величеству *не угодно* самой сочинять» (законы), то и «нужно кому-либо сочиненiе онаго повѣрить». говоритъ онъ. Выведа, такимъ образомъ, передачу законодательной власти изъ *доброй воли* императрицы, Татищевъ тотчасъ же затѣмъ вводитъ и принципиальное соображенiе, въ силу котораго законодательная власть *должна* быть передана «кому-либо», чтобы предупредить случайность и произволъ законодателя. Разъ уже рѣшена передача законодательной власти,— является вопросъ объ организацин законодательнаго органа. «*Одному* повѣрить» составленiе законовъ, по Татищеву, также «невозможно»: «хотя бы онъ и искусень и въ намѣренiи нiкоея собственныя страсти не имѣлъ,—по природѣ легко погрѣшнть можетъ». Поэтому изданiе законовъ должно быть организовано слѣдующимъ образомъ. Законопроекты составляются всѣми коллегами; каждая представляетъ свой проектъ (или проектъ отдѣльнаго члена) «вышнему правительству», которое «по довольномъ разсужденiи сочиняетъ» законъ и «представляетъ къ утвержденiю» ея величеству. Въ составѣ вышняго правительства не можетъ быть болѣе одного лица изъ одной и той же фамили; въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ не могутъ засѣдать вмѣстѣ близкiе родственники. Каждый мѣсяць вышнее правительство назначаетъ двухъ депутатовъ для наблюденiя за «справедливостью» въ тайной канцелярiи. Аресты производятся въ присутствiи одного депутата изъ знатныхъ, для наблюденiя за цѣлостью «пожитковъ» арестуемаго. Шляхетство получаетъ слѣдующiя преимущества. Прежде всего приводится въ извѣстность составъ «подлиннаго шляхетства», и отъ стариннаго столбового дворянства отдѣляется «въ особую книгу» дворянство новое: «которые изъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подъячнхъ». Принадлежность къ шляхетству доказывается, кромѣ древности рода, исключительно жалованными грамотами. Не имѣющiе этого доказательства исключаются изъ шляхетскихъ списковъ. Законъ о единослѣдiи отмѣняется. Шляхетская военная служба начинается не ранѣе восемнадцатилѣтняго возраста и ограничивается двадцатилѣтнимъ срокомъ; въ матросахъ и

ремесленникахъ шляхетство не служить. Наконецъ, по всѣмъ городамъ устраиваются шляхетскiя училища. Какъ видимъ, проектъ Татищева носитъ преимущественно дворянскiй характеръ; въ немъ приняты въ соображенiе всѣ важнѣйшия желанiя тогдашняго дворянства. Но и для другихъ сословiй, духовенства и купечества, въ заключительныхъ пунктахъ проекта предполагаются нѣкоторыя льготы: для духовенства—устройство духовныхъ училищъ и обезпеченiе содержанiемъ, «чтобы деревенскiе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахали-бъ»; для купечества—освобожденiе отъ постоевъ и притѣсенiй, а также нѣкоторыя мѣры въ пользу торговли и промышленности. Проектъ кончался требованiемъ немедленной передачи его въ учредительную комиссiю, выбранную «всѣмъ шляхетствомъ» въ составѣ «не меньше ста человекъ». Мѣсто и время собранiя этой комиссiи должно было быть опредѣлено «конечно того же дня или на-завтра», «чтобы сіе не опущая времени начать».

На собранiи 2 февраля у Новосильцова проектъ Татищева былъ прочитанъ по пунктамъ и подвергнутъ обсужденiю, по-видимому, очень оживленному. Хотя по первоначальному предложенiю Голицына его слѣдовало подать на другой день, 3-го февраля, но этотъ срокъ прошелъ, а проектъ генералитета все еще не былъ готовъ. 4-го февраля онъ еще разъ былъ читанъ и дополненъ на новомъ собранiи у того же Новосильцова. Тогда появились подъ нимъ и первыя подписи. Первые 39 человекъ, подписавшіеся подъ проектомъ Татищева и, очевидно, наиболѣе къ нему близкiе, всѣ принадлежали къ «генералитету», приглашенному верховнымъ совѣтомъ на засѣданiе 2-го февраля. Это были люди наиболѣе подготовленные, чтобы отнестись сознательно къ начавшемуся движенiю. Очень многіе изъ нихъ побывали за границей; нѣкоторые тамъ воспитывались; большинство принимало ближайшее участiе въ реформаціонной дѣятельности Петра Великаго. Теперь предстояло пропагандировать выработанный кружкомъ проектъ въ болѣе широкихъ кругахъ шляхетства. На это и употреблены были, очевидно, бли-

жайшіе дни. Проектъ Татищева (или, какъ называютъ его по имени официалаго руководителя партіи,—проектъ кн. Черкаскаго) былъ распространенъ въ нѣсколькихъ коняхъ и собралъ еще 249 подписей, принадлежавшихъ къ гвардейскому и армейскому офицерству *).

Но рядомъ съ сочувствіемъ проектъ Татищева вызвалъ и новыя противорѣчія. Татищевъ апеллировалъ къ «общенародію», а шляхетское общенародіе не думало признавать его предложеніе за окончательный результатъ своихъ разсужденій. Такимъ онъ былъ только для кружка Татищева; для значительнаго большинства остальнаго шляхетства онъ послужилъ лишь ферментомъ дальнѣйшаго броженія.

VIII.

Предложивъ генералитету подать свой проектъ новаго государственнаго устройства, совѣтъ нѣсколько дней ожидалъ представленія этого проекта. Самый протоколъ торжественнаго засѣданія 2 февраля оставался еще не подписаннымъ. Четвертаго февраля члены сената и генералитета начали давать свои подписи **). На слѣдующій день, 5-го февраля, внесенъ былъ въ совѣтъ и проектъ Татищева, съ 39-ю подписями членовъ генералитета. «А которые не согласны,—читаемъ мы въ журналѣ совѣта,—тѣмъ велѣно изготавить и для совѣта призвать въ сенатъ (?) еще изъ знатныхъ фамилій шляхетство *въ рангахъ и безъ ранговъ*». Другими словами, вмѣсто того, чтобъ ограничиться принятіемъ къ свѣдѣнію проекта генералитета, совѣтъ неожиданнымъ образомъ шелъ на новую уступку. Признавъ 2-го февраля совѣщательный голосъ за генералитетомъ, онъ признавалъ его теперь за всѣмъ шляхетствомъ «знатныхъ фамилій», въ чинахъ и безъ чиновъ. Онъ предлагалъ такимъ обра-

зомъ официально московскому шляхетству высказать свои мнѣнія, несогласныя съ мнѣніемъ Татищевскаго кружка. Чѣмъ же объясняется этотъ новый шагъ въ политикѣ Голицына?

Какъ ни склонны мы признать значительную долю политическаго идеализма въ дѣйствіяхъ князя Голицына, но врядъ ли можно въ данномъ случаѣ предположить, чтобъ онъ хотѣлъ дѣйствительно отобразить, одно за другимъ, мнѣнія всѣхъ «чиновъ» Россіи относительно предполагаемой реформы. Обращаясь вслѣдъ за генералитетомъ къ шляхетству, онъ, разумѣется, руководился соображеніями практической политики. Дѣло въ томъ, что мнѣніе Татищева навѣрное не могло правиться верховному совѣту, съ упраздненія котораго Татищевъ предполагалъ начать реформу. Въ видахъ собственнаго самосохраненія, верховники должны были попробовать опереться на мнѣнія кружковъ, несогласныхъ съ Татищевымъ. Вотъ почему они поспѣшили узаконить и оформить политическія пререканія среди шляхетства. Привлекая этимъ къ движенію нерѣшительныхъ, они могли разсчитывать, что масса будетъ умѣреннѣе въ своихъ политическихъ возжелѣніяхъ, чѣмъ ея передовые представители.

Шляхетство съ своей стороны имѣло тоже причины быть недовольнымъ проектомъ Татищева. Мы видѣли, что въ этомъ проектѣ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ высшаго чиновничества, которое само себя пополняло и не выпускало изъ своихъ рукъ законодательной инициативы. Отъ такого порядка шляхетство выигрывало, конечно, такъ же мало, какъ отъ проекта Голицына. Собственно организація сословнаго представительства была у Голицына поставлена даже на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ у Татищева; только права Голицынскихъ сословныхъ палатъ были значительно уже правъ «нижняго правительства» Татищева. Естественно, что среди шляхетства возникло желаніе—соединить болѣе широкую организацію представительства, чѣмъ у Татищева, съ болѣе широкими правами представителей, чѣмъ въ проектѣ верховнаго совѣта. Стремленія этого рода должны были возникнуть совер-

*) „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“,—какъ называется проектъ Татищева,—напечатано въ той окончательной формѣ, какую оно приняло 4-е февраля, въ литературномъ сборникѣ „Утро“ за 1859 годъ.

***) Въ этотъ день подписалось подъ протоколомъ 69 человекъ.

шено независимо отъ недовольства Татищевскимъ проектомъ верховниковъ.

Мнѣніе этихъ недовольныхъ, независимыхъ отъ воздѣйствія совѣта, не дошло однако до насъ въ формѣ какого-либо выработанаго проекта. Сохранился только обрывокъ, или, какъ его называютъ пр. Корсаковъ, «конспектъ шляхетскихъ совѣщаній», составители котораго соглашались съ предположеніемъ Татищева — уничтожить верховный совѣтъ — и въ то же время хотѣли идти дальше Татищева въ выработкѣ новаго порядка. Они не удовлетворяются тою системой кооптаціи, которою пополнялся составъ высшихъ учреждений по проекту Татищева, и желаютъ болѣе широкой организациі учредительной и законодательной власти. Составъ сената они хотѣли увеличить до 30 членовъ; выбрать новыхъ членовъ въ сенатъ и коллегія предлагаютъ «обществомъ», и «впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится», проектируютъ «сочинить сейму и утвердить обществомъ» (безъ участія сената).

Огромное большинство шляхетства выбрало иной путь. Къ этому большинству обращено было приглашеніе верховниковъ — высказать свое несогласіе съ проектомъ Татищева, — и расчетъ совѣта оказался до нѣкоторой степени вѣрнымъ. Шляхетское большинство, слѣдуя приглашенію 5-го февраля, дѣйствительно, пошло на компромиссъ съ совѣтомъ. Положивъ въ основу проектъ Татищева, руководители этого большинства передѣляли его такъ, чтобъ удовлетворить недовольныхъ среди обѣихъ сторонъ. Для верховниковъ они отказались отъ уничтоженія верховнаго совѣта; для радикаловъ среди шляхетства они предложили расширить составъ учредительнаго и избирательнаго собранія. «Вышнее правительство» Татищева эта партія сохраняла и въ своемъ проектѣ, и притомъ въ томъ же составѣ 21 члена, какъ предлагалъ Татищевъ; но она сдѣлала формальную уступку верховникамъ, рѣшивъ считать это «правительство» непосредственнымъ продолженіемъ не сената (какъ выходило у Татищева), а верховнаго совѣта; сенатъ же оставался, какъ онъ и былъ со времени учрежденія совѣта, на второмъ планѣ, со-

стоя изъ 11 членовъ и занимаясь менѣе важными дѣлами. За мѣщеніе важнѣйшихъ должностей должно было производиться генералитетомъ и шляхетствомъ въ составѣ не менѣе 100 членовъ, т.-е. вмѣсто крупнаго чиновничества избирательное собраніе должно было состоять изъ важнѣйшихъ общественныхъ группъ, присутствующихъ на немъ частію «персонально» (генералитетъ), частію «черезъ повѣренныхъ» (шляхетство), выражаясь терминами Татищева. Для обсужденія «важныхъ государственныхъ дѣлъ» и «что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству», должно было созываться особое собраніе, состоящее изъ всѣхъ четырехъ корпорацій (т.-е. вышнее правительство, сенатъ, генералитетъ и шляхетство). Сословныя права шляхетства, за немногими исключеніями, опредѣлялись въ новомъ проектѣ согласно Татищеву; вновь было вставлено только характерное требованіе объ улучшеніи быта офицеровъ и объ исправной выдачѣ имъ жалованья. По Татищеву изложены были и предположенія о льготахъ для другихъ сословій, съ прибавленіями относительно крестьянъ (облегченіе въ податяхъ) и солдатъ («порядочное производеніе»).

Подъ изложеннымъ проектомъ въ трехъ его копіяхъ, извѣстныхъ подъ названіями проектовъ Секиотова, Максима Грекова и Алабердеева *), подписалось значительное большинство шляхетства, всего до 743 лицъ, т.-е. въ 2½ раза больше, чѣмъ подъ проектомъ Татищева (288). Уступки этого проекта радикальнымъ мнѣніямъ были, какъ видимъ, довольно значительны; напротивъ, уступки совѣту, въ сущности, фиктивны. Естественно, что верховники не могли примириться на этомъ компромиссѣ и попытались добиться большаго. Помимо разрѣшенія, даннаго 5-го февраля знатному шляхетству, совѣтъ призывалъ

* По фамиліямъ первыхъ подписавшихъ каждую копію лицъ. Всѣ три названные лица подписали сперва проектъ Татищева, а затѣмъ, очевидно съ цѣлью практическаго осуществленія главныхъ своихъ цѣлей, пошли на компромиссъ съ верховниками. За ними послѣдовали и многіе другіе сторонники Татищевского проекта.

черезъ день (7-го февраля) бригадировъ и статскихъ совѣтниковъ *) и объявилъ имъ, чтобъ они «извѣстное свое мнѣніе написали». Есть всѣ основанія думать, что этому новому приглашенію предшествовали частные переговоры объ уступкахъ съ наиболѣе вліятельными или чиновными лицами. По крайней мѣрѣ, въ тотъ же день, 7-го февраля, внесено было въ совѣтъ первое отдѣльное мнѣніе И. И. Дмитриева-Мамонова, за которымъ послѣдовали, кромѣ проекта большинства, другія отдѣльныя мнѣнія графа И. А. Мусина-Пушкина, Кольчова, М. А. Матюшкина. Къ этой же категоріи мнѣній слѣдуетъ отнести еще два проекта, подписанные 25-ю и 13-ю лицами (послѣдній, впрочемъ, не былъ внесенъ въ совѣтъ).

Всѣ эти проекты, отвѣчая на формальное приглашеніе верховниковъ отъ 7-го февраля, пытались найти почву для дальнѣйшаго соглашенія съ совѣтомъ. Проектъ большинства уже поставилъ сенатъ на то второстепенное мѣсто, на которомъ онъ стоялъ въ дѣйствующей практикѣ государственныхъ учреждений. Но большинство продолжало, подобно Татищеву, требовать превращенія верховнаго совѣта въ высшее учрежденіе съ почти утроеннымъ числомъ членовъ. На этомъ пунктѣ отдѣльныя мнѣнія готовы были пойти на уступки. Въмѣсто 21 члена Мусинъ-Пушкинъ предлагаетъ ограничиться тѣмъ же числомъ 12-ти, какое предполагено было для верховнаго совѣта въ проектѣ самого Голицына. Кольчовъ въ своемъ мнѣніи увеличиваетъ эту цифру до 15-ти, «чтобъ ежели кто заболитъ или отлучится, отъ того въ правленіи замедленія за малолѣтствомъ не было». Нельзя не замѣтить, что такая мотивировка увеличенія состава совѣта была уже очень скромной и даже врядъ ли искренней. Но и противъ такой скромной постановки вопроса возражаетъ въ своемъ проектѣ Матюшкинъ. Для важныхъ дѣлъ, по его замѣчанію, предполагается другое многочленное собраніе, а для «повседневнаго правленія» довольно и 12—13 членовъ въ составѣ со-

вѣта. Итакъ, въ этомъ пунктѣ нѣкоторые представители шляхетства готовы были согласиться вполне съ проектомъ Голицына. За то по вопросу болѣе существенному—объ организаціи учредительнаго, законодательнаго и избирательнаго собранія они уступаютъ немного и остаются, въ сущности, при требованіяхъ шляхетскаго большинства. Всѣ эти проекты считаютъ необходимымъ удержатъ для важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ собраніе всего «общества» и расходятся только во мнѣніи, изъ кого это «общество» должно быть составлено. Одни (проекты Матюшкина и тринадцати) придерживаются мнѣнія большинства, что «верховное собраніе» должно состоять изъ всѣхъ четырехъ корпорацій, т.-е. совѣта, сената, генералитета и шляхетства. Другіе, болѣе радикальные, находятъ, очевидно, такой составъ «высшаго собранія» чрезчуръ чиновнымъ и исключаютъ изъ него сенатъ, а при выборахъ и совѣтъ (проектъ двадцати пяти). Только Мусинъ-Пушкинъ идетъ и въ этомъ случаѣ на компромиссъ съ совѣтомъ и предлагаетъ ограничить участіе шляхетства въ высшемъ собраніи «знатными» изъ этого сословія. Болѣе уступчивыми оказываются разбираемые проекты въ вопросѣ о числѣ членовъ высшаго собранія. Для учредительнаго собранія количество членовъ остается, правда, неопредѣленнымъ; но для избирательнаго собранія проектъ тринадцати предлагаетъ (вмѣсто ста человекъ, предложенныхъ большинствомъ)—80 персонъ, Матюшкинъ понижаетъ эту цифру до 70-ти, проектъ двадцати пяти—даже до 50 членовъ. Что касается способа избранія въ члены сената, синода и на высшія должности, нѣкоторые проекты и тутъ соглашались на нѣкоторыя уступки. Сохраняя право участія въ избраніи за генералитетомъ и шляхетствомъ, Мусинъ-Пушкинъ и проектъ тринадцати ограничиваютъ это право выборомъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ совѣтъ производитъ назначеніе. Матюшкинъ согласенъ даже перевернуть этотъ порядокъ и предоставить назначеніе трехъ кандидатовъ совѣту, а выборъ одного изъ нихъ—«обществу».

Всѣ эти и подобные споры разбили шляхетство на рядъ не-

*) Т.-е. чины 5-го класса, не появившіе въ засѣданіе 2-го февраля, въ которомъ участвовалъ только «генералитетъ» (первые четыре ранга).

согласныхъ группъ, пререканія между которыми принимали все болѣе острый характеръ. Въ этихъ пререканіяхъ прошло все время отъ торжественнаго засѣданія 2 февраля до пріѣзда императрицы (10 февраля). „Двери залы, гдѣ засѣдаетъ верховный совѣтъ Россіи,—писалъ Вестфаленъ въ донесеніи 9 февраля,—были открыты всю прошлую недѣлю для всѣхъ тѣхъ, кто пожелалъ бы заявить или предложить что-нибудь за или *противъ* задуманнаго измѣненія старой формы правленія. Это право дано было изъ военныхъ чиновъ генераламъ, бригадирамъ до полковниковъ включительно; точно также и всѣ члены сената и другихъ коллегій, всѣ имѣющіе полковничій рангъ, архіепископы, епископы и архимандриты были приглашены явиться, не всею корпораціей, а по три епископа и по три архимандрита заразъ. По этому поводу столько было наговорено хорошаго и дурнаго за и противъ реформы, съ такимъ ожесточеніемъ ее критиковали и защищали, что въ концѣ концовъ смятеніе достигло чрезвычайныхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія; но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, чтобы легко поддаться страху“.

Въ послѣднихъ словахъ Вестфалена можетъ быть сохранился отголосокъ того настроенія, съ которымъ верховники слѣдили за разраставшимся движеніемъ, все болѣе грозившимъ ускользнуть изъ-подъ ихъ руководства. До сихъ поръ верховный совѣтъ только прислушивался къ мнѣніямъ партій, убѣждалъ ихъ сдѣлать уступки, отбиралъ отдѣльныя и коллективныя мнѣнія. Собирая этотъ матеріалъ и принимая его въ соображеніе, онъ пропустилъ всѣ сроки, предложенныя для публикаціи его собственнаго проекта. Между тѣмъ, приближался срокъ пріѣзда императрицы. Ко времени этого пріѣзда на чемъ-нибудь надо было сговориться. Вѣроятно, въ виду этой спѣшности Голицынъ отложилъ на время выработку своей «формы правленія». Свои уступки шляхетству онъ ввелъ въ текстъ сочиненной имъ присяги, которую подданные должны были принести императрицѣ послѣ ея пріѣзда. Первый изъ 16-ти пунктовъ этой присяги формулировалъ обязанности вер-

ховнаго совѣта подлинными словами одного изъ представленныхъ совѣту проектовъ. Верховный тайный совѣтъ, по этому опредѣленію, существуетъ «не для иной какой собственной того собранія власти, точю для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ имп. величествъ». «Не персоны управляютъ закономъ,—повторяетъ Голицынъ другую красивую фразу того же проекта,—но законъ управляетъ персонами». Изъ этого же проекта взяты въ присягу *слова* о выборѣ кандидатовъ въ члена совѣта изъ «первыхъ фамлій, изъ генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ», не болѣе двухъ отъ одной и той же фамліи. Но въ самой *сущи дѣла* никакой уступки не дѣлается: выборъ кандидатовъ, вмѣсто общаго собранія совѣта, сената и генералитета, передается совѣту и сенату. Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ Голицынъ соглашается созывать собраніе болѣе широкаго состава, но въ такой формѣ, которая и эту уступку лишаетъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины и знатное шляхетство, а въ духовныхъ дѣлахъ также синодальные члены и архіереи *) *приглашаются съ совѣтъ* «для совѣту и разсужденія». Такимъ образомъ, всѣ эти корпораціи и общественныя группы получаютъ лишь совѣщательный голосъ. Второй пунктъ присяги возвращаетъ церкви архіерейскія и монастырскія вотчины, согласно желанію одного изъ проектовъ («Дополненіе къ способамъ»). Третій пунктъ принимаетъ предложенія Мусина-Пушкина касательно устройства сената. Слѣдующіе 5 пунктовъ (4—8) перечисляютъ привилегіи шляхетства, удовлетворяя на этотъ разъ всѣмъ требованіямъ шляхетства, не исключая и Татищевскихъ, и даже прибавляя новыя уступки, о которыхъ вовсе нѣтъ заявленій въ извѣстныхъ намъ проектахъ. Именно дозволяется шляхетству, по окончаніи курса въ проектированныхъ «гадетскихъ ротахъ», поступать прямо офицерами въ гвардію. При-

*) Это—уступка анонимному мнѣнію, стоящему въ тѣсной связи съ запиской Мусина-Пушкина, стараго представителя «синодальной команды».

нимаются въ соображеніе и желанія проектовъ по отношенію къ нижнимъ чинамъ, купечеству и крестьянству. Даже просьба о перенесеніи резиденціи въ Москву, высказанная Матюшкинымъ, принимается Голицынымъ, которому она, впрочемъ, должна была быть особенно пріятна. Кое-что Голицынъ позволилъ себѣ внести изъ своего проекта: наприм. постановленія объ отъѣздѣ конфискацій и смертной казни.

Таково было послѣднее слово верховнаго совѣта и крайній предѣлъ его уступокъ. Нечего и говорить, что уступки эти не повели къ желаемому примиренію. Шляхетство не находило въ нихъ главнаго—участія своихъ представителей въ выработкѣ новаго строя и въ пользованіи высшими правами государственной власти. Между тѣмъ этого участія желали почти всѣ представленные шляхетствомъ проекты. Въ этомъ смыслѣ шляхетство сказало свое послѣднее слово еще раньше, чѣмъ составлена была присяга Голицына. До насъ дошла любопытная въ этомъ отношеніи записка, составленная «компаніей» лицъ, недовольныхъ вообще тѣмъ направленіемъ, какое приняло обсужденіе проектированной государственной реформы. И по значительной освѣдомленности составителей этой записки въ вопросахъ политической организаціи, и по систематичности изложенія, и, наконецъ, по тождественности возрѣній мы можемъ съ полною вѣроятностью предположить, что недовольною «компаніей», составившею записку, былъ извѣстный намъ кружокъ Татищева. Мы видѣли, что проектъ Татищева заканчивался предложеніемъ передать его немедленно на разсмотрѣніе учредительной комиссіи. Къ этому предложенію и возвращается компанія теперь, когда проектовъ насчитывалась уже цѣлая дюжина и когда становилось все болѣе очевиднымъ, что совѣтъ не хочетъ давать всѣмъ этимъ запискамъ много значенія, кромѣ совѣщательнаго. Кружокъ Татищева предлагалъ теперь «способы, которыми, какъ видится, порядочиѣ, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное толь важное и полезное всему народу дѣло». «Способы» эти состояли въ избраніи изъ среды шляхетства комиссіи въ 20—30 человекъ для вы-

работки новаго проекта, который бы замѣнилъ всѣ предложенные. Уполномоченные должны были получить письменные наказы отъ избирателей. Наблюденіе за «добрымъ порядкомъ» при преніяхъ должно было принадлежать специально выбраннымъ «двумъ особамъ», на обязанности которыхъ лежало «голоса давать» (т.-е. разрѣшать слово ораторамъ) и унимать «шумъ и крикъ, а особливо брань». Для обсужденія специальныхъ частей проекта къ комиссіи должны были быть присоединяемы выборные эксперты съ правами членовъ, отъ 4 до 6 по каждому специальному отдѣлу: для церковныхъ дѣлъ этихъ экспертовъ выбиралъ синодъ, для военныхъ и торговыхъ -- военные люди и купечество; для вотчинныхъ и другихъ дѣлъ, распределенныхъ между коллегіями, приглашались, тоже на правахъ членовъ, президенты и по 2—3 члена отъ соответствующихъ коллегій. Всякій пунктъ, разсмотрѣнный комиссіей, пересматривается еще разъ комиссіей вмѣстѣ съ сенатомъ и въ третій разъ обоими присутствіями вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ; и только послѣ троекратнаго обсужденія выработанный проектъ представляется особою делегаціей государынь, которая его «конфирмуешь». Нельзя не замѣтить, что какъ идея приглашенія экспертовъ, такъ и порядокъ обсужденія проекта представляетъ дальнѣйшее развитіе мыслей, на которыхъ основана организація законодательной власти въ прежнемъ проектѣ Татищева.

Какъ видимъ, «Способы» предлагали все, чего не доставало разсужденіямъ шляхетства: специальный юридическій органъ, опредѣленный порядокъ обсужденія проекта и превращенія его въ государственный законъ. Содержание проекта могло быть, при этомъ порядкѣ, предрѣшаемо только въ видѣ наказовъ избирателей делегатамъ изъ шляхетства.

Таковъ, конечно, и долженъ былъ быть законный и логическій путь къ осуществленію предположенной реформы. Но было совершенно бесполезно предлагать этотъ путь при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершались событія 1730 года. При наличныхъ условіяхъ рѣчь могла идти въ сущности не о

легализации и упорядочении формы обсуждения, а о скорѣйшемъ закрѣпленіи его результатовъ. Нѣкоторая фикція легальности существовала только у верховнаго совѣта. Эта фикція получила свое оправданіе 2 февраля, благодаря согласію Анны на «кондиціи»; но мы видѣли, что согласіе это сами верховники (въ проектѣ отвѣта Анны) не рѣшались представить не чѣмъ инымъ какъ добровольною милостію государыни, которая всегда могла быть взята назадъ. Право генералитета и шляхетства на обсужденіе реформы основывалось исключительно на разрѣшеніи, данномъ верховнымъ совѣтомъ; практически могло мало помочь то обстоятельство, что сами они считали это право «естественнымъ правомъ общенародія». При взаимномъ согласіи совѣта и шляхетства вопросъ о законности дѣйствій могъ не возникнуть, могъ молчаливо быть рѣшенъ къ общему удовольствію. Но, разъ возникало между ними неразрѣшимое противорѣчіе, совѣту оставалось отвергнуть мнѣніе шляхетства, какъ необязательное; шляхетству оставалось обратиться за новою делегацией власти непосредственно къ самой государынѣ.

Оба исхода были испробованы, но постороннему наблюдателю ясно было съ самаго начала, что оба практически неосуществимы. Иностранные резиденты, считавшіе успѣхъ дѣла верховниковъ вполнѣ возможнымъ и вѣроятнымъ, начали сомнѣваться въ этомъ успѣхѣ, какъ только обнаружили между верховниками и шляхетствомъ внутреннія разногласія. Дитмеръ, въ своемъ донесеніи отъ 12 февраля, слѣдующимъ образомъ резюмировалъ рассказанныя нами выше событія: «Такъ какъ члены совѣта хотятъ удержать одни всю власть, то существуетъ сильное недовольство среди дворянства по этому поводу. Но и дворянство раздѣлилось на двѣ части, одна изъ которыхъ сильно настаиваетъ на полученіи гарантій свободы и по этому поводу представила различные пункты, послѣ того какъ совѣтъ предложилъ, чтобы каждый подалъ мнѣніе о томъ, что можетъ служить ко благу государства. Эта партія желаетъ, чтобы совѣтъ состоялъ изъ 20 лицъ различныхъ фамилій, на

болѣе двухъ изъ каждаго рода. Но другая часть, которою, повидимому, руководитъ самъ совѣтъ, назначаетъ въ совѣтъ 12 членовъ и свои пункты направляетъ къ тому, чтобы совѣтъ со временемъ могъ одинъ захватить себѣ власть^{*)}. Между лицами, болѣе всего возражавшими противъ власти совѣта, былъ князь Черкасскій, вслѣдствіе чего говорятъ даже, что ему предлагали мѣсто въ совѣтѣ, но онъ отказался. Къ чему все это приведетъ, нельзя еще сказать съ увѣренностью. Но я боюсь, что, вслѣдствіе возникшаго разногласія, все пойдетъ обратнымъ ходомъ и императрица сохранитъ самодержавіе». Такой же исходъ предсказываютъ въ своихъ донесеніяхъ Мамьянъ и де-Лириа. Таково было положеніе дѣла, когда, 10 февраля, императрица пріѣхала во Всесвятское.

IX.

Еще въ концѣ января (29) Дитмеръ замѣтилъ въ одной изъ своихъ депешъ, что «уже существуетъ партія, которая стремится къ сохраненію самодержавія, и къ ней примыкаютъ, повидимому, нѣсколько фамилій родственныхъ государынѣ». Тогда же онъ сдѣлалъ и вѣроятное предположеніе, что партія эта «ждетъ только прибытія императрицы, чтобы обнаружить свои намѣренія, которыя теперь держитъ про себя».

Дитмеръ былъ совершенно правъ. Нѣтъ надобности пересказывать всѣмъ извѣстныхъ фактовъ о сношеніяхъ съ императрицей Теофана, Левенвольде, Ягужинскаго и т. д. Замѣтимъ только, что цѣлый рядъ мелкихъ фактовъ разрѣшался еще до пріѣзда Анны въ томъ смыслѣ, какъ будто бы Анна сохраняла самодержавіе. Такъ духовенство, по собственному

^{*)} Со стороны, дѣйствительно, многимъ казалось, что вся суть спора сводилась къ разногласію о количествѣ членовъ въ будущемъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Братъ извѣстнаго А. П. Волынскаго такимъ образомъ характеризовалъ смыслъ московскихъ событій въ письмѣ къ брату въ Казань: «шляхетство... спорили..., чтобы быть въ верховномъ совѣтѣ двадцати одной персонѣ, и выбирать оныхъ балтированіемъ, а большіе не хотѣли онаго,— чтобы по ихъ желанію было восемь персонъ».

почину, начало поминать Анну на ектеніяхъ съ титуломъ самодержицы, и совѣтъ не рѣшился запретить этого. Точно также онъ не рѣшился отступить отъ обычныхъ формулъ въ манифестѣ о восшествіи на престолъ новой государыни. Свою нерѣшительность въ этихъ случаяхъ совѣтъ прикрывалъ тѣмъ соображеніемъ, что народъ могъ бы считать ограниченіе власти Анны вынужденнымъ верховниками, еслибы совѣтъ опубликовалъ объ этомъ ограниченіи раньше пріѣзда въ Москву самой императрицы. Но и послѣ пріѣзда Анны дѣйствія совѣта не сдѣлались рѣшительнѣе. Верховники выжидали, чтобы Анна сама признала официально новую форму правленія, а императрица не только затягивала это признаніе, но, при случаѣ, не стѣснялась дѣйствовать какъ самодержавная государыня. Не далѣе, какъ черезъ день послѣ своего прибытія во Всесвятское, принимая тамъ батальонъ преображенцевъ и отрядъ кавалергардовъ, Анна объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, т.-е. прямо нарушила 4-й пунктъ подписанныхъ ею «кондицій».

Это происшествіе, обратившее на себя всеобщее вниманіе, произошло 12 февраля, а 14-го верховный совѣтъ представлялся императрицѣ и Голицынъ сказалъ при этомъ рѣчь, въ которой, если вѣрять Вестфалену, подчеркнул, что подписанныя Анной кондиціи «нашимъ именемъ предложили тебѣ наши депутаты». Императрица подтвердила въ своемъ отвѣтѣ, что будетъ соблюдать подписанныя условія всю жизнь. На слѣдующій день, 15-е февраля, состоялся торжественный въѣздъ Анны въ Москву. Съ 20-го числа началась присяга новой императрицѣ. Противники верховниковъ ожидали отъ нихъ при этомъ случаѣ чего-нибудь рѣшительнаго; синодъ не хотѣлъ приводить къ присягѣ, не зная ея текста, а Теофанъ говорилъ духовенству и народу увѣщанія о святости и важности этого акта. Но опасенія и предосторожности Теофана оказались излишними. Въ формулѣ присяги, составленной за два дня до этого верховнымъ совѣтомъ, не было и помину о какихъ-либо подробностяхъ конституціоннаго проекта Голицына. Всѣ ново-

введенія сводились къ тому, что кромѣ государыни подданные должны были присягать «и государству» (или въ другомъ мѣстѣ присяги «отечеству») и обѣщали охранять его «пользу и благополучіе»; затѣмъ, выраженія, означающія самодержавіе, были исключены. Такъ какъ противники верховнаго совѣта ожидали, что верховники попытаются провести свою прежнюю формулу присяги, намъ известную, то новая формула ихъ обезоружила; они «разсудили», что эта формула «верховникамъ не къ пользѣ», и рѣшили «принять оную снисходительно».

Очевидно, влияніе на ходъ событій все болѣе ускользало изъ рукъ верховниковъ. По мѣрѣ того, какъ обнаруживалась ихъ слабость, и дѣйствія ихъ противниковъ становились все болѣе рѣшительными. Немедленно послѣ прибытія Анны они принялись за самую дѣятельную пропаганду. Пускались въ ходъ памфлеты, вродѣ известнаго письма, приписывавшагося Волинскому: авторъ обвиняетъ здѣсь верховниковъ въ желаніи ввести республику и старается поддѣйствовать на сословный эгоизмъ шляхетства. «Нѣкоторые наиболѣе хитрые люди изъ духовенства,—писалъ Маньянъ*),—дѣлали всякія успія, чтобы возстановить мелкое дворянство противъ верховнаго совѣта, главныхъ членовъ котораго изображали злодѣями, желавшими измѣнить форму правленія только для того, чтобы самимъ завладѣть верховною властью, вслѣдствіе чего рабское положеніе шляхетства стало бы еще невыносимѣе, чѣмъ при сохраненіи самодержавія государыни». Дѣйствительно, Теофанъ не жалѣлъ красокъ, чтобы поддѣйствовать на воображеніе своей партіи. И въ публичной проповѣди и еще болѣе въ частныхъ разговорахъ онъ распространялся на тему, что князь Василій Лукичъ «какъ бы иѣкій драконъ, охраняетъ императрицу неприступно»; что «безъ воли его она ни въ чемъ не вольна и неизвѣстно, жива ли, а если жива, то насилу дышетъ»; что «оны тираны имѣютъ государыню за тѣнь государыни, а между тѣмъ

*) Страннымъ образомъ, этой денеши отъ 3-го апрѣля не находимъ въ Сборникѣ Истор. Общества.

злѣйшее нѣчто помышляють, чего другимъ и догадываться нельзя». «Сія и сямъ подобная, когда вездѣ говорено,—замѣчаетъ Теофанъ о плодахъ своихъ усилій, — ожила другой компаніи ревность и жесточае, нежели прежде, воспламенялась». Во главѣ этой «компаніи», дѣйствительно, какъ ожидалъ Дитмеръ, стали родственники императрицы: сенаторъ Салтыковъ, обиженный верховниками сенаторъ Трубецкой съ братомъ, генералы: кн. Барятинскій, кн. Юсуповъ, Чернышевъ. Но самымъ нагляднымъ признакомъ усиленія партіи самодержавія можетъ служить поведеніе Остермана, въ кабинетѣ котораго сходились всѣ нити монархической агитаціи. Все время больной, или притворившейся больнымъ, и даже причащавшейся, онъ вдругъ перешелъ изъ выжидательной роли въ активную: наступалъ, очевидно, и по его наблюденіямъ удобный моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій.

Положеніе верховниковъ становилось, дѣйствительно, съ каждымъ днемъ все затруднительнѣе. Наблюденіе за императрицей, трудное уже на пути изъ Митавы, стало еще труднѣе во Всесвятскомъ, а послѣ переезда Анны въ кремлевскій дворецъ и окончательно сдѣлалось невозможнымъ, хотя В. Л. Долгорукой и занялъ здѣсь комнаты сосѣднія съ императрицей. Если было еще возможнымъ спасти свое положеніе и удержать сдѣланныя Анной уступки, то, конечно, единственнымъ путемъ, — путемъ соглашенія съ конституціонною партіей шляхетства. Въ этомъ направленіи совѣтъ и пытается дѣлать послѣднія отчаянныя усилія. «Я не хочу выдавать за несомнѣнное, — писалъ Моріанъ, отъ 13 февраля, изъ С.-Петербурга, — но мнѣ по секрету сообщено, что Голицынъ и Долгорукой, съ согласія большей части совѣта, собрали подписи знатнѣйшихъ фамилій и чиновничества въ томъ, чтобы дѣйствовать сообща». Дѣйствительно, верховный совѣтъ сдѣлалъ извлеченія изъ голицынской присяги, избравъ тѣ мѣста, которыя больше всего походили на уступки шляхетству, и подъ этимъ документомъ успѣлъ соединить 97 подписей, въ томъ числѣ подписи многихъ авторовъ отдѣльныхъ мнѣній и лицъ, подписавшихся подъ другими проекта-

ми. Содержаніе этого документа показывало, однако, что и въ эту рѣшительную минуту Голицынъ не хотѣлъ сдѣлать шляхетству никакихъ новыхъ уступокъ. Менѣе доктринеръ и болѣе практикъ, чѣмъ князь Голицынъ, князь Василій Лукичъ Долгорукой теперь готовъ былъ однако идти дальше. Сохранилась копія съ его наброска, въ которомъ онъ соглашался на всѣ важнѣйшія требованія шляхетства, т.-е. и на увеличеніе числа членовъ совѣта, и на разсмотрѣніе общественныхъ нуждъ, съ доклада государыни, выборными представителями отъ шляхетства, «чтобы народъ узналъ, что къ пользѣ народной дѣла начинать хотятъ». «Чтобы убѣгнуть разногласія», онъ готовъ былъ теперь и выборъ дополнительныхъ членовъ въ совѣтъ произвести, какъ требовали проекты, по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ. Для охраны интересовъ совѣта онъ только предполагалъ принять мѣры предосторожности при выборѣ депутатовъ отъ генералитета и шляхетства и оставить за совѣтомъ право опредѣлять предметы обсужденія въ собраніи представителей.

На этой почвѣ, можетъ-быть, можно было дѣйствительно «избѣгнуть трудностей и нареканія» и «удовольствовать народъ», еслибы совѣтъ началъ съ этихъ уступокъ. Но теперь было уже слишкомъ поздно. Конституціонное шляхетство, дѣйствительно, представляло силу, съ которой надо было считаться; но эту силу удалось склонить на свою сторону партіи самодержавія.

Въ этомъ союзѣ не было, въ сущности, ничего удивительнаго. Важнѣйшее желаніе шляхетства, созывъ учредительнаго собранія, еслибы даже на него согласился верховный совѣтъ, все равно не могло быть осуществлено безъ согласія государыни. Другое же желаніе шляхетскаго большинства, замѣна совѣта новымъ учрежденіемъ изъ 21 члена, прямо ставило все это шляхетство въ ряды противниковъ верховнаго совѣта: исключались только немногіе авторы особыхъ мнѣній. Далѣе мы видѣли, что въ теоріи Татищева самодержавная власть отлочно уживалась рядомъ съ конституціоннымъ проектомъ; стать на сторону самодержавія для него и для его партій, стало-

быть, вовсе не значило отказаться от конституционных стремлений. (Таково же, мы думаем, было и положение Ягужинского.) Сь другой стороны многие изъ сторонниковъ Татищева присоединились послѣ 2-го февраля къ его партіи, несомнѣнно, только потому, что эта партія была враждебна верховному совѣту и требовала его уничтоженія. Въ лицѣ многихъ своихъ представителей, такимъ образомъ, конституціонная партія сливалась съ монархической. Историкъ Щербатовъ прямо считаетъ самого Татищева ближайшимъ сотрудникомъ Ософана и Кантемира по восстановленію самодержавія. При всѣхъ этихъ условіяхъ Остерману было не трудно убѣдить главу партіи, кн. Черкаскаго, что все, чего хочетъ шляхетство, оно всего скорѣе получитъ отъ самой императрицы; стоить только обратиться къ ней съ прошеніемъ уничтожить верховный совѣтъ, возстановить сенатъ и дозволить шляхетству выработать на основаніи всѣхъ поданныхъ проектовъ общій планъ государственныхъ преобразованій. Мы знаемъ, что ничего другого и не добивался кружокъ Татищева, какъ въ своемъ проектѣ, такъ и въ поданныхъ совѣту «Способахъ». Естественно, что эта партія присоединилась въ лицѣ своихъ вождей къ партіи самодержавія; къ ней же должно было присоединиться и то огромное большинство шляхетства, которому до сихъ поръ мѣшала требовать уничтоженія верховнаго совѣта только его умѣренность. Уничтоженіе совѣта и сдѣлалось общимъ лозунгомъ всѣхъ соединившихся партій: различіе же между ними было пока отодвинуто на задній планъ.

Такимъ образомъ, этотъ ловкій политическій маневръ примиренія партій, о которомъ тщетно хлопотало до сихъ поръ столько лицъ, состоялось, какъ видимъ, благодаря политикѣ Остермана. Въ игрѣ партій этотъ союзъ былъ рѣшительнымъ ходомъ, послѣ котораго дѣло верховниковъ было окончательно проиграно. Членамъ совѣта оставалось признаться въ этомъ самимъ себѣ и поспѣшить самимъ принять на себя инициативу дѣйствій, которыя въ противномъ случаѣ все равно были бы предприняты помимо нихъ и противъ нихъ. Лефорть, обыкно-

венно хорошо освѣдомленный, сообщаетъ намъ, что за день до окончательной развязки верховники рѣшились объявить императрицу самодержавной, но она отвѣчала имъ, что для нея слишкомъ мало — быть объявленной самодержицей только восемью лицами. Любопытно, что, по другому извѣстію, въ тотъ же вечеръ (24 февраля) Остерманъ сообщилъ своимъ сторонникамъ совершенно противоположныя свѣдѣнія. Онъ далъ знать имъ, что князь Василій Лукичъ, чтобы привести дѣло къ развязкѣ, только-что представилъ императрицѣ для подписи списокъ лицъ, числомъ до 100, которыхъ предполагалось подвергнуть аресту. Было ли это сообщеніе вѣрно и былъ ли князь Василій Лукичъ, въ самомъ дѣлѣ, настолько наивенъ, чтобы надѣяться въ подобную минуту получить согласіе Анны на арестъ ея важнѣйшихъ сторонниковъ, или же пущенный Остерманомъ слухъ былъ просто новымъ ловкимъ ходомъ въ его игрѣ. — этого вопроса намъ никогда не разрѣшить съ помощью подлинныхъ документовъ. Несомнѣнно только то, что если Остерманъ, подготовивъ дѣйствующихъ лицъ, хотѣлъ дать этимъ извѣстіемъ самъ и сигналъ къ началу дѣйствія, — онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи какъ нельзя лучше. Провозглашеніе самодержавія Анны Иоанновны, отлагавшееся сперва по нѣкоторымъ извѣстіямъ до ея коронаціи въ апрѣлѣ, рѣшено было подъ впечатлѣніемъ сенсационнаго слуха, пущеннаго Остерманомъ, произвестъ немедленно.

X.

23 февраля, то-есть за день до предполагаемаго сообщенія Остермана, обѣ соединившіяся партія шляхетства, конституціонная и монархическая, собрались въ двухъ квартирахъ своихъ вождей: у князя П. О. Барятинскаго на Моховой и у кн. А. М. Черкаскаго на Никольской. На Моховой принято было рѣшеніе — просить Анну принять самодержавіе, уничтожить совѣтъ и «кондиціи» и возстановить сенатъ. И по мѣсту собранія, и по характеру рѣшеній — это было, надо думать, собраніе монархической партіи шляхетства. Но что партія эта желала дѣйстви-

вать въ согласіи съ партіей конституціонной, видно изъ того, что она послала на Никольскую къ кн. Черкасскому парламентарера и что парламентаремъ этимъ былъ выбранъ В. Н. Татищевъ. Кружокъ, собравшійся у Черкаскаго, не сразу однако же согласился съ рѣшеніями кружка Бяратинскаго. Послѣ долгихъ разсужденій, присутствовавшій въ собраніи кн. Антиохъ Кантемиръ, извѣстный писатель, тогда еще очень молодой человекъ, ухаживавшій за дочерью хозяйки, убѣдилъ наконецъ нѣкоторыхъ лицъ подписать челобитную о самодержавіи и тутъ же написалъ ее на-бѣло. Челобитную повезли затѣмъ въ домъ кн. Бяратинскаго и собрали тамъ 74 подписи. Кружокъ Черкаскаго дожидался исхода дѣла. Уже въ первомъ часу ночи всѣ подписавшіе челобитную у Бяратинскаго пріѣхали на Никольскую и здѣсь челобитная быстро покрылась еще 93-мя подписями. Для собиранія дальнѣйшихъ подписей Кантемиръ и гр. Матвѣевъ поѣхали въ гвардейскія и кавалергардскія казармы и тамъ собрали еще 95 подписей офицеровъ и кавалергардовъ. 24-е число прошло въ этомъ собраніи подписей и въ другихъ приготовленіяхъ къ перевороту. Къ вечеру послана была къ государынѣ Прасковья Юрьевна Салтыкова *) «съ тою вѣдомостію, что согласились». Очевидно, съ вѣдома и согласія Анны переворотъ былъ назначенъ на слѣдующій день. Дворецъ былъ заблаговременно оцѣпленъ войсками, команда надъ которыми была поручена родственнику императрицы, майору гвардіи С. Салтыкову. Начальникъ дворцоваго караула получилъ приказаніе никого, кромѣ Салтыкова, не слушаться. «Такъ прекратилась власть при дворѣ кн. Вас. Долгорукова», прибавляетъ при этомъ извѣстн. Лефортъ. Само собою разумѣется, что вся эта агитація и приготовленія не могли остаться неизвѣстны верховникамъ: имп., очевидно, и объясняются тѣ крайнія мѣры, о которыхъ дошли до насъ слухи и одну изъ которыхъ (а можетъ-быть

*) Историкъ Щербатовъ рассказываетъ, что Салтыкова, сволочница Черкаскаго, и прежде была посредницей между Анной и недовольными и «нашла способъ... наединѣ ей занеку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить».

обѣ сразу?) хотѣли будто бы предпринять верховники, т.-е. провозгласить самодержавіе Анны и арестовать сторонниковъ ея неограниченной власти.

Событія слѣдующаго дня по нѣскольку разъ описывались каждымъ изъ иностранныхъ резидентовъ и вообще о нихъ ходила масса самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. И, несмотря на это,—а отчасти, конечно, и благодаря этому,—мы не можемъ себѣ составить по этимъ разсказамъ вполнѣ отчетливаго представленія о ходѣ событій. Изъ сопоставленія всѣхъ разнорѣчивыхъ сообщеній выясняется приблизительно слѣдующее.

Утромъ 25 февраля шляхетскій кружокъ Черкаскаго условился собраться по-одиночкѣ въ пріемныхъ комнатахъ кремлевскаго дворца. Такимъ же образомъ условился и кн. Юсуповъ съ своими гвардейскими офицерами. Къ десяти часамъ утра, «по отпѣтіи молебна», оба кружка были въ сборѣ, въ числѣ 150—200 человекъ, и попросили аудіенціи у императрицы. Анна Ивановна велѣла позвать въ залу и членовъ верховнаго совѣта *). Затѣмъ В. Н. Татищевъ прочелъ челобитную, переданную Аннѣ кн. Черкасскимъ. Выразивъ благодарность за подписаніе пунктовъ, челобитчики заявляли, что «въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такіа, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства». Они прибавляли, что уже подали по этому поводу свое «мнѣніе» верховному совѣту «съ подобающею честью и смиреніемъ», прося его учредить форму государственнаго правленія по большинству голосовъ, но что совѣтъ «еще о томъ не разсудилъ», отъ многихъ не принялъ и мнѣній и объявилъ, «что того безъ воли Вашего Имп. Величества учинить невозможно». По всѣмъ этимъ причинамъ челобитчики просили императрицу, «дабы всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволила собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству, по одному или по два отъ фамилій, разсмотрѣть и всѣ

*) По словамъ Татищева, «кн. Василій Лукичъ Долгорукій просилъ ее прилежно, чтобъ она ихъ (т.-е. шляхетство) не допускала, обѣщавъ, что верховный тайный совѣтъ ей самовластіе возвратитъ».

обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму правленія государственнаго сочинить и Вашему Величеству къ утвержденію представить». Другими словами, кружокъ Татищева возобновлялъ отъ имени всего шляхетства просьбу, представленную въ совѣтъ въ извѣстныхъ намъ «Способахъ». Въ заключеніе челобитницы извинились за малое количество подписей и объясняли его тѣмъ, что они «собрались для подписей опасны, а согласуеть большая часть». Подъ челобитной было 87 подписей. И по этому, и по самому содержанию очевидно, что прочтенная челобитная была не та, которую составилъ 23 числа Кантемиръ. Несомнѣнно также по количеству подписей, что заявленіе Татищева было подписано даже не всѣми присутствовавшими при аудіенціи. Въ виду всего этого нельзя не повѣрить герцогу де-Ляриа, который, сдѣлавши дополнительные справки о событіяхъ 25 февраля и исправляя свой прежній рассказъ о нихъ, сообщаетъ, что были поданы *два* просьбы: одна, князя Черкаскаго, «подписанная множествомъ дворянъ», и другая, князя Юсупова, «въ томъ же тогѣ», подписанная всѣми офицерами гвардіи. Вторая просьба и была, очевидно, заявленіемъ монархической партіи. Но прочтена была вслухъ, повидимому, только одна челобитная Черкаскаго, а до чтенія другой дѣло не дошло въ виду смущенія, вызваннаго содержаніемъ первой. Несомнѣнно, челобитная, прочтенная Татищевымъ, содержала совсѣмъ не то, чего ожидала императрица. Она ожидала просьбы о возстановленіи самодержавія, а должна была выслушать прошеніе объ организаціи учредительнаго собранія. Анна Иоанновна совершенно растерялась. Среди послѣдовавшаго замѣшательства слышались голоса, особенно изъ среды гвардейскихъ офицеровъ, что слѣдуетъ возстановить самодержавіе; другіе голоса имъ возражали. Поднялся шумъ. Тогда кн. Василій Лукичъ сдѣлалъ попытку вмѣшаться: «Кто вамъ позволилъ присвоить себѣ законодательную власть?»—спросилъ онъ Черкаскаго.—«Государыня вами обманута,—отвѣчалъ Черкасскій:—вы увѣряли ее, что кондиціи составлены съ согласія всѣхъ чиновъ, а это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и уча-

стія». Долгорукій обратился тогда къ Аннѣ, совѣтуя ей удалиться въ кабинетъ и тамъ обсудить прошеніе шляхетства. Раздраженіе офицеровъ, вполнѣ понятное, если, дѣйствительно, ихъ челобитная не была прочтена, возрастало: сцена рисковала закончиться свалкой и кровопролитіемъ. Императрица оставалась въ колебаніи. Въ эту рѣшительную минуту Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, бросилась къ сестрѣ съ перомъ и чернилами. «Нечего теперь разсуждать, — говорила она, — подпиши скорѣй; я отвѣчаю за это; если придется заплатить жизнью, я буду первою жертвой». Анна Ивановна машинально взяла у нея изъ рукъ перо и подписала на челобитной: «быть по сему». Такимъ образомъ, самый напряженный моментъ прошелъ. Придя нѣсколько въ себя, Анна велѣла шляхетству снова обсудить свою челобитную и въ тотъ же день сообщать ей свое рѣшеніе. Шляхетство удалилось послѣ того въ другую залу дворца. Верховники были приглашены Анною на обѣдъ и, такимъ образомъ, благовидно арестованы. Въ приемной аудіенцъ-залѣ остались одни гвардейскіе офицеры, которые дали теперь волю своему раздраженію. «Мы не хотимъ,—кричали они,—чтобы государыни предписывали законы; она должна быть такой же самодержавной, какъ ея предки». Волненіе настолько усилилось, что Анна должна была сама выйти и приказать офицерамъ слушаться Салтыкова. Офицеры, бросаясь къ ногамъ императрицы, кричали, что они готовы пожертвовать за нее жизнью, но не потерпятъ ея злодѣевъ. Сцена кончилась тѣмъ, что офицеры, съ Салтыковымъ во главѣ, привѣтствовали Анну самодержавной императрицей.

Все происшедшее въ аудіенцъ-залѣ, конечно, тотчасъ же сдѣлалось извѣстно шляхетству и должно было оказать вліяніе на исходъ его совѣщанія. Вѣроятно, къ этому времени относятся разсужденія, приведенныя въ спутанномъ разсказѣ Вестфалена. Юсуповъ заявлялъ, по словамъ Вестфалена: мнѣ кажется, что снисходительность нашей всемялостивѣйшей государыни и ея обращеніе съ подданными вполнѣ заслуживаютъ съ нашей стороны выраженія живѣйшей признательности. Черны

шесть поддержать его: мы не можемъ лучше возблагодарить ее за всю ея доброту къ народу, какъ вернуть то, что у ней отняли, т.-е. самодержавіе и неограниченную власть, каковыми пользовались всѣ ея предки. Обѣ мысли, высказанныя Чернышевымъ и Юсуповымъ, легли въ основаніе новой челобитной, сочиненной теперь шляхетствомъ. «Когда В. И. В. всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно, для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего, сего числа подписать, — говорилось въ челобитной, — недостойныхъ себя признаемъ къ благодаренію... Однакожь усердіе вѣрныхъ подданныхъ... побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными. Для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ В. И. В. отъ верховнаго совѣта и подписанные В. В. рукою пункты уничтожить». Вторая половина челобитной заключаетъ въ себѣ конституціонныя требованія шляхетства: «Только всеподданнѣйше В. И. В. просимъ, чтобы соизволили сочинить вмѣсто верховнаго совѣта и высокаго сената—однимъ правительствующій сенатъ, какъ при Его В. блж. пам. дядѣ В. И. В. Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною. Также нынѣ въ чины и впредь на упалыя мѣста (вакансія) въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы и въ президенты повелѣно бы было шляхетству выбирать баллотированіемъ, какъ то при дядѣ В. И. В., Е. И. В. Петрѣ Первомъ установлено было. И притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобы по Вашему всемилостивѣйшему подписанію (т. е. согласно первой челобитной) форму правительства государственнаго для предбудущихъ временъ нынѣ установить».

Какъ видимъ, *формально* партія Черкаскаго ни отъ чего не отказалась изъ своихъ желаній, не исключая даже учредительнаго собранія изъ шляхетства. Но просьба объ этомъ была запрятана въ послѣднюю глухую фразу челобитной и предназначена къ тому, чтобы остаться безъ исполненія. На первый же

плакъ выдвинута въ новой челобитной просьба о возстановленіи самодержавія.

Извѣстенъ результатъ подачи новой челобитной. Послѣ обѣда императрица съ верховниками вернулась въ аудіенцъ-залу. Челобитная вручена была на этотъ разъ кн. Трубецкимъ и прочитана Кантемиромъ. Выслушавъ ее, Анна спросила: согласны ли члены верховнаго совѣта, чтобы я приняла предлагаемое мнѣ моимъ народомъ? Верховники молча наклонили головы. Затѣмъ Анна послала за пунктами и своимъ письмомъ въ канцелярію совѣта, «и тѣ пункты Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, разодрать».

XI.

Разсказъ о событіяхъ 1730 года былъ бы не полнымъ, еслибы мы остановились на уничтоженіи пунктовъ. Событія эти имѣли свой эпилогъ, о которомъ необходимо упомянуть въ заключеніе. Движеніе шляхетства не свелось на этотъ разъ къ разорванному клочку бумаги. Оно несомнѣнно—и не даромъ—свидѣтельствовало о пробужденіи политическаго и сословнаго самознанія среди сословія, все болѣе становившагося господствующимъ въ государствѣ. Желанія этого сословія уже въ 1730 году выражены были настолько настойчиво и поддерживались такой компактною массой, что они не могли быть оставлены вовсе безъ вниманія правительствомъ. И Остерманъ не даромъ давалъ надежду на то, что шляхетскія желанія могутъ быть удовлетворены императрицей. Едва возстановивъ свою самодержавную власть, Анна Иоанновна удовлетворила первому изъ этихъ желаній, именно указомъ 4 марта верховный совѣтъ и высокій сенатъ были «оставлены» и замѣнены правительствующимъ сенатомъ «въ той силѣ, какъ при дядѣ нашемъ блж. и вѣчнодостоинныя памяти Петрѣ Великомъ былъ». Количество членовъ сената опредѣлено было, соответственно желанію шляхетства, въ 21; въ списокъ членовъ вошли всѣ верховники, кромѣ князя Ал. Гр. Долгорукаго, три фельдмаршала, многіе видные пред-

ставители конституционной партии и авторы отдельных мнений, шедших на компромисс с верховниками. Словом, правительство пользовалось своею победой с чрезвычайною умѣренностью; конечно, болѣе проникательные тогда же предполагали, что назначеніе членовъ въ сенатъ сдѣлано для вида, чтобы дать время удалить негодныхъ членовъ. Вопросъ о возстановленіи баллотировки въ должности, «какъ при Петрѣ Первомъ уставлено было», рѣшенъ—по крайней мѣрѣ относительно офицеровъ—утвердительно указомъ 5 февр. 1731 года. Что касается сословныхъ льготъ шляхетства, отмѣненъ, согласно желанію шляхетства и обѣщаніямъ совѣта, законъ о майоратѣ (указъ 9-го декабря 1730 г.); учрежденъ, согласно обѣщанію Голицына, кадетскій корпусъ съ выпускомъ учащихся прямо въ офицеры и, наконецъ, установленъ, хотя и не надолго, манифестомъ 1736 года, 25-лѣтній срокъ шляхетской службы. Указомъ 21 марта 1736 г. было строго запрещено вотчинной коллегіи раздавать земли дворянамъ, что нельзя не поставить въ связь съ 6-мъ пунктомъ «кондицій» (П. С. З. № 21. 536). Нельзя считать случайнымъ и то, что отъ времени Анны до насъ дошло наименьшее количество свѣдѣній о пожалованіяхъ населенныхъ земель дворянству. Вопросъ объ учредительномъ собраніи, конечно, не поднимался болѣе: но для окончанія задуманнаго Петромъ новаго «Уложенія» принять былъ знакомый намъ порядокъ обсужденія сперва посредствомъ выборныхъ изъ шляхетства и экспертовъ изъ купечества и духовенства, потомъ въ соединенномъ засѣданіи этой комиссіи и сената, послѣ чего обсужденныя части проекта должны были вноситься на утвержденіе государыни: легко замѣтить, что порядокъ этотъ въ значительной степени подсказанъ идеями Татищевского проекта.

Такимъ образомъ, вліяніе идей и желаній, высказанныхъ въ политическихъ проектахъ 1730 года, на законодательство имп. Анны не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи переворотъ 1730 года сдѣлалъ въ мишіатурѣ то же дѣло, какое сдѣлала въ большихъ размѣрахъ знаменитая Ека-

терининская комиссія. Сравнивая оба эти эпизода нашей исторіи прошлаго вѣка, нельзя, однако же, не замѣтить, что за тридцать семь лѣтъ русское дворянство успѣло окончательно забыть объ интересахъ «общенародія» и войти во вкусъ сословныхъ привилегій. Перенеся центръ тяжести своихъ желаній отъ политической реформы къ реформѣ сословной, оно получило возможность дѣйствовать въ направленіи наименьшаго сопротивленія и въ духѣ усилившагося сословнаго эгоизма. Въ результатѣ—давленіе, такъ сказать, физиологическое оказалось гораздо дѣйствительнѣе давленія идейнаго, и русская исторія пошла далеко не тѣмъ путемъ, о которомъ мечтали руководители движенія 1730 года.

П. Милуковъ.

Озимандія

(изъ Шелли).

На-встрѣчу путникъ мнѣ изъ древней шель земли
И молвилъ: средь песковъ—минувшихъ дней руина—
Стоять двѣ каменныхъ ноги отъ исполина,
Лежить разбитый ликъ во прахѣ невдали.
Сурово сжатый ротъ, усмѣшка гордой власти
Твердятъ, какъ глубоко ваятель понялъ страсти,
Что пережить могли солгавшій имъ языкъ,
Служившую имъ длань и сердце—свой родникъ.
А вокругъ подножія слова видны въ гранитѣ:
«Я—Озимандія, великій царь царей.
Взгляните на мои дѣянья и дрожите!»
Кругомъ нѣтъ ничего. Истлѣвшій мавзолей
Пустыней окруженъ. Гуляетъ вѣтръ свободный
И стелются пески, безбрежны и безплодны.

Н. Минскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
А. И. Чупровъ: Знаніе и народное богатство	1
В. О. Ключевскій: Два воспитанія	34
П. Г. Виноградовъ: Т. П. Грановскій	65
М. С. Корелинъ: Casa Gioiosa	99
И. И. Ивановъ: Оригинальный поэтъ XVIII вѣка	128
Д. Н. Маминъ: Золотые сны	145
И. Н. Потапенко: Вассенька	152
К. Д. Бальмонтъ: Два стихотворенія	158
Х. Д. Алчевская: Деревенскіе очерки	160
Н. Нижальскій: Докторъ	183
А. Ажеровъ: Приемотрѣлся	194
П. Н. Милоковъ: Попытка государственной реформы при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ	211
Н. М. Минскій: Стихотвореніе	276